

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**



**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

№ 1

2021

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

2021, № 1

Основан в 2016 г.



**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

2021, № 1

It is founded in 2016.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-65899 от 06 июня 2016 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (роскомнадзор)

Объединенный каталог «Пресса России» – подписной индекс 38977

УЧРЕДИТЕЛИ:

- **ООО «Наука и образование»**

РЕДАКЦИЯ:

- **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

Попов Михаил Юрьевич,
доктор социологических наук, директор ООО «Наука и образование»

- **ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России

- **ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ**

Шелкова Елена Андреевна

Registration number al PI № FS 77-65899 of 06/06/2016 of Federal service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications (roskomnadzor)

The integrated catalog «Press of Russia» – subscription index 38977.

FOUNDERS:

- **LLC «Science and education»**

EDITORIAL BOARD:

- **EDITOR-IN-CHIEF**

Popov Mikhail Yuryevich,

Doctor of Sociological Sciences, Director of Science and Education LLC

- **DEPUTY CHIEF EDITOR**

Kirill V. Vishnevetsky,

Doctor of Law, Professor, Chief of Department of Criminal Law and Criminology
Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia

- **MANAGER OF EDITION**

Shelkova Elena Andreyevna

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Абакумова Ирина Владимировна,

академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, педагогики и дефектологии Донского технического университета;

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Лучинский Юрий Викторович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и правового регулирования Кубанского государственного университета;

Семенцов Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой начального образования, Донской государственной технической университет;

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Аванесян Грант Михайлович,

член-корреспондент Международной академии психологических наук, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии, Ереванский государственный университет, г. Ереван;

Байер Елена Александровна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики физической культуры и спорта Донского государственного технического университета, директор ГКУСО РО Азовского центра помощи детям;

Кашкаров Алексей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Коломийцева Елена Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики, Московский государственный институт культуры;

Куликова Элла Германова,

доктор филологических наук, профессор заведующая кафедрой русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет;

Невский Сергей Александрович,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник
ВНИИ МВД России;

Рассказов Леонид Павлович,

заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского
государственного аграрного университета.

Скуратовская Марина Леонидовна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дефектологии
и инклюзивного образования, Донской государственной технической
университет;

Хоронько Любовь Яковлевна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры образования и
педагогических наук, Академия психологии и педагогики, Южный
федеральный университет.

EDITORIAL COUNCIL:

THE CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Irina V. Abakumova,

Academician Russian Academy of Education, Doctor of psychological sciences, Professor, Dean of the faculty of psychology, pedagogy and defectology of Don Technical University;

VICE-CHAIRMEN OF EDITORIAL COUNCIL

Yury V. Luchinsky,

Doctor of philology, Professor, Head of the department of history and legal regulation of the Kuban State University;

Vladimir A. Sementsov,

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of department of criminal proceedings of the Kuban State University;

Olga D. Fedotova,

the Doctor of pedagogical sciences, Professor managing department of primary education of faculty of psychology, Pedagogics and defectology of the Don state technical university.

MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Grant M. Avanesyan,

Corresponding Member of the International Academy of Psychological Sciences, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the department of the General Psychology, Yerevan state university, Yerevan;

Elena A. Bayer,

Doctor of pedagogical sciences, Professor of department of the theory and practice of physical culture and sport of the Don state technical university, Director GKUSO RO of the Azov center of the help to children;

Alexey A. Kashkarov,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Chief of department of Criminal Law and Criminology, Crimean branch of the Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Elena Yu. Kolomiytseva,

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Journalism, Moscow State Art and Cultural University;

Ella G. Kulikova,

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and the Standard of Speech, Rostov state economic university;

Sergey A. Nevsky,

Doctor of Law Sciences, Professor of operational strategy and technical measures Department in the Institute of advancement qualification under the Ministry of Internal affairs;

Leonid P. Rasskazov,

Honored Public figure of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History, Law and State at the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin.

Marina L. Skuratovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the department of Defectology and Inclusive Education, Donskoy state technical university;

Lyubov Y. Horonko,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of department of Education and Pedagogical Sciences, Academy of psychology and pedagogics, Southern Federal University.

КОНТАКТЫ:

○ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич
Тел.: +7(928) 268-34-15
e-mail: popov-52@mail.ru

○ ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна
Тел.: +7(988) 167-67-67
e-mail: milena.555@mail.ru

○ РЕДАКЦИЯ РАСПОЛОЖЕНА ПО АДРЕСУ

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных Партизан д. 371 оф. 28

Часы приема: понедельник – пятница, 10⁰⁰ – 17⁰⁰

Тел./факс: +7(861) 226-08-65

Адрес для писем: 350005, г. Краснодар, а/я 1812, Попову М.Ю.

CONTACTS:

○ EDITOR-IN-CHIEF

Popov Mikhail Yur'evich

Ph.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ MANAGER OF EDITION

Shelkova Elena Andreevna

Ph.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ THE EDITORIAL OFFICE IS LOCATED AT THE ADDRESS

371, of. 28, Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Krasnodar district, 350049, RF.

Reception hours: Monday – Friday, 10⁰⁰ – 17⁰⁰.

Ph./fax: +7(861) 226-08-65

Address for correspondence: for Popov M.Yu., po box 1812, Krasnodar, 350005, RF.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

| | |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| <i>Гевля М.А.</i> Модель речевого поведения студентов-иностранцев как важный фактор разработки учебного материала | 19 |
| <i>Землякова Н.В., Перминова М.О., Милакова А.Д.</i> Соотнесенность судебной речи с книжно-художественным стилем | 23 |
| <i>Семенова Ж.А.</i> Судебно-лингвистическая экспертиза как один из разделов юридической лингвистики | 27 |
| <i>Черникова Л.Ф.</i> Новая Россия: характер нации в зеркале языка | 33 |
| <i>Ярмолинец Л.Г., Лучинская Е.Н., Кунина М.Н.</i> Стратегия «хеджинг» как важный ресурс академического общения | 40 |
| <i>Ястребова О.И.</i> Влияние социокультурного контекста на обучение иностранному языку | 44 |

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

| | |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| <i>Вишневецкий К.В.</i> Межличностные отношения с позиции криминологии | 51 |
| <i>Заброда Д.Г., Асанов М.У.</i> К определению понятия «деятельность участкового уполномоченного полиции по пресечению правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность» | 56 |
| <i>Игнатов А.Н.</i> Криминогенный потенциал современной информационной среды | 61 |
| <i>Кашкаров А.А., Сейтаблаев А.Н.</i> Криминологическая характеристика вовлечения сотрудников ОВД в коррупционную деятельность | 66 |
| <i>Козаев Н.Ш., Чуб И.С.</i> К вопросу об ответственности за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации | 72 |
| <i>Чапурко Т.М., Ковалева Т.Ф., Поддубная И.Е.</i> Политико-правовые вопросы охраны и защиты детей от преступных посягательств (на примере Краснодарского края) | 77 |

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

| | |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <i>Базаева Ф.У.</i> Профессиональная рефлексия будущих педагогов и способы её развития | 83 |
| <i>Магомеддибирова З.А.</i> К вопросу о формировании профессионально-значимых компетенций у будущего педагога начального образования | 89 |
| <i>Опарина Н.А.</i> Воспитание детей с использованием приемов остроумия в празднично-игровых формах деятельности | 93 |
| <i>Попов М.Ю., Упоров И.В.</i> С чего должна начинаться доктрина национального образования? | 99 |
| <i>Расулова П.А.</i> Педагогические условия развития творческих способностей у младших школьников на уроках математики | 105 |
| <i>Томаева Д.М.</i> Формирование эвристического подхода у будущих юристов в работе с подростковыми девиациями | 109 |

CONTENTS

PHILOLOGICAL SCIENCES

| | |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| <i>Maria A. Gevlya</i> The model of speech behavior of foreign students as an important factor in the development of educational material | 19 |
| <i>Ninel V. Zemliakova, Maria O. Perminova, Alina D. Milakova</i> The appropriateness of judicial speech with the book-artistic style | 23 |
| <i>Jidegul A. Semenova</i> Forensic linguistic expertise as one of sections of legal linguistics (based on materials and laws of the Kyrgyz Republic) | 27 |
| <i>Lidia F. Chernikova</i> New Russia: the character of the nation in the mirror of language | 33 |
| <i>Larissa G. Yarmolina, Elena N. Lushinskaya, Maria N. Kunina</i> Hedging strategy as an important resource of academic communication | 40 |
| <i>Oxana I. Yastrebova</i> The impact of sociocultural context on foreign language learning | 44 |

JURISPRUDENCE

| | |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| <i>Kirill V. Vishnevetsky</i> Interpersonal relations from the perspective of criminology | 51 |
| <i>Dmitriy G. Zabroda, Marlen U. Asanov</i> To the definition of «activities of a police district police officer to suppress offenses that infringe on public order and public safety» | 56 |
| <i>Aleksandr N. Ignatov</i> Criminogenic potential of the modern information environment | 61 |
| <i>Alexey A. Kashkarov, Ayder N. Seitablaev</i> Criminological characteristics of the involvement of police officers in corrupt activities | 66 |
| <i>Nodar Sh. Kozaev, Inna S. Chub</i> On the issue of liability for illegal actions in relation to property subject to inventory or seizure or subject to confiscation | 72 |
| <i>Tatiana M. Chapurko, Tatiana F. Kovaleva, Irina E. Poddubnaya</i> Policy-legal issues of security and protection children from criminal obligations (on the example of the Krasnodar Territory) | 77 |

PEDAGOGICAL SCIENCES

| | |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <i>Fatima U. Bazaeva</i> Professional reflexion of future teachers and ways of its development | 83 |
| <i>Zulpat A. Magomeddibirova</i> To the question of the formation of professionally significant competences in a future teacher of primary education | 89 |
| <i>Nina A. Oparina</i> Education of children with use of receptions of wit of festive and game forms of activity | 93 |
| <i>Mikhail Yu. Popov, Ivan V. Uporov</i> Where should the doctrine of national education begin? | 99 |
| <i>Patimat A. Rasulova</i> Pedagogical conditions for the development of creative abilities of younger schools at the lessons of math | 105 |
| <i>Diana M. Tomaeva</i> Formation of a heuristic approach for future lawyers in dealing with adolescent deviations | 109 |

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МОДЕЛЬ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР РАЗРАБОТКИ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА



THE MODEL OF SPEECH BEHAVIOR OF FOREIGN STUDENTS AS AN IMPORTANT FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL MATERIAL

Гевля Мария Александровна
преподаватель кафедры
гуманитарных дисциплин и биоэтики,
Пятигорский
медико-фармацевтический институт –
филиал ФГБОУ ВО
ВолгГМУ Минздрава России
nmaria91@yandex.ru

Maria A. Gevlya
Lecturer
of the Department Humanitarian
Disciplines and Bioethics,
Pyatigorsk Medical
and Pharmaceutical Institute –
branch of FSBOU VO
Volga State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
nmaria91@yandex.ru

Аннотация. Отбор и организация материала составляют одну из центральных проблем методики обучения иностранным языкам. Одним из возможных путей решения этой проблемы является создание моделей речевого поведения учащихся. Под моделью обычно понимается приближенное или упрощенное представление функционирования конкретной исследуемой системы. В данном случае речь идет о предвидении и описании необходимого минимума тем, ситуаций общения, в которых проявляется речевая деятельность учащихся; уяснение содержания этой деятельности, компонентов, реализующих ее. Создание моделей действенно при условии, что они гносеологически соответствуют целям моделирования и гомоморф, но соответствуют объекту моделирования. Так как объект моделирования – деятельность учащегося – не может быть рассмотрен изолированно от субъекта этой деятельности, то встает вопрос об изучении личности учащегося как условия адекватного построения модели.

Ключевые слова: учебный материал, студенты-иностранцы, речевая ситуация, личность, социальная роль, модель.

Annotation. The selection and organization of material is one of the central problems of the methodology of teaching foreign languages. One of the possible ways to solve this problem is to create models of students' speech behavior. A model is usually understood as an approximate or simplified representation of the functioning of a particular system under study. In this case, we are talking about foreseeing and describing the required minimum of topics, communication situations in which the speech activity of students is manifested; understanding the content of this activity, the components that implement it. The creation of models is effective provided that they gnoseologically correspond to the goals of modeling and homomorphically correspond to the object of modeling. Since the object of modeling – the student's activity – cannot be considered in isolation from the subject of this activity, the question arises of studying the student's personality as a condition for the adequate construction of the model.

Keywords: educational material, foreign students, speech situation, personality, social role, model

В настоящее время проблема личности приобрела особую актуальность, она находится в центре внимания многих наук. В отечественной науке, в целом, изучение этой проблемы основывается на единой методологической основе – диалектическом материализме, в свете

которого личность рассматривается сквозь призму общественно-исторических отношений как субъект и объект их отношений. При всей общности методической основы каждая конкретная наука, однако, имеет свой аспект изучения личности.

Для теории и практики педагогики и методики, имеющих дело с методами, средствами, формами обучения и воспитания личности (учащегося), особое значение имеет учет данных психологии и социологии.

В психологических исследованиях понятие «личность» не всегда однозначно. Так, в определении, предложенном А.Н. Леонтьевым, личность трактуется «как психологическое новообразование, которое формируется в жизненных отношениях индивида в результате преобразования его деятельности» [2, с. 172]. При этом А.Н. Леонтьев особо подчеркивает, что «...объектом деятельности субъекта являются исходными «единицами» психологического анализа личности, ... и личность человека, ни в каком смысле не является предсуществующей по отношению к его деятельности, как и его сознание – она ею порождается» [2, с. 173].

Однако, как отмечают сами психологи, успешная разработка психологии личности возможна только при опоре на данные социальной психологии [3] и социологии. Представляется перспективным в методических целях использование такой трактовки личности в социологии, которая рассматривает личность как систему интернализованных социальных ролей. «Под ролью понимается функция, нормативно одобренный образец поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную позицию» [4, с. 23]. При всей дискуссионности такого понимания личности нельзя не отметить его уместности для анализа и описания коммуникативных взаимодействий индивидов при отборе и сегментации содержания обучения.

Интеграция психологического и социологического подходов обеспечивает многофакторное, но не дизъюнктивное рассмотрение личности как субъекта деятельности и объекта общественных отношений. Следовательно, в методике преподавания иностранных языков необходим учет особенностей личности лишь на основе обоих подходов.

На любом уровне рассмотрения личности особое значение имеет изучение мотивационной сферы человека, направляющей и побуждающей деятельность человека (в том числе и речевую), ибо, как пишет А.Н. Леонтьев, «...за соотношением деятельности открывается соотношение мотивов» [2, с. 190].

При выявлении мотивационной структуры личности целесообразно обратиться к тому, что присуще определенной группе лиц, рассматриваемой в определенных условиях и в определенной системе деятельности.

Известно, что в отличие от цели действий, мотивы поведения часто остаются неосознанными. Совпадение мотивов и целей происходит не всегда. Напротив, их совпадение есть вторичное явление: это – или результат приобретения целью самостоятельной побудительной силы, или результат осознания, превращающего мотивы в мотивы-цели [2].

Учет актуально осознаваемых целей учащихся в обучении играет существенную роль, так как способствует такой организации учебного процесса, которая в состоянии удовлетворить их. Это, в свою очередь, содействует формированию у учащихся установки, определяющей их позитивное отношение к изучаемому на занятиях материалу, что стимулирует учение в виде самостоятельной формы поведения [5]. Особенно значим учет прагматических целей учащихся, вытекающих из отношения между суммой знаний, умений и навыков, которые приобретает учащийся на занятиях, и целью, которую он ставит перед собой по использованию приобретенного. Именно прагматические цели, в большей мере, поддаются констатации и учету (тогда как мотивы поведения часто остаются неосознанными).

При многообразии целей в модели речевого поведения должны отразиться наиболее существенные из них с учетом ориентации на большинство индивидов конкретной социальной группы. Но описать поведение и взаимоотношения индивида с другими людьми и общественными учреждениями невозможно иначе, как в терминах выполняемых им социальных ролей [4, с. 14], поэтому из множества социальных ролей и позиций учащихся, в первую очередь, должны быть отобраны относящиеся ко всему контингенту в целом.

В своей совокупности, речевые роли, присущие неопределенной социальной группе, могут составить матрицу общения, изучение которой будет способствовать выявлению речевого материала, необходимого для обеспечения и осуществления минимально достаточного общения.

Изучение методистами социального контекста может обеспечивать отбор материала говорения, установление функций говорения и моделей общения. Методика раскрытия этого социального контекста может быть заимствована из социолингвистики, занимающейся проблемами речевого акта, функции речи, языковой роли.

Социологическая характеристика личности учащихся позволяет определить круг речевого общения в минимальном, но достаточном объеме для того, чтобы студент-иностранец смог занять как личность определенную позицию в новом для него обществе. Под речевой ситуацией при этом обычно понимается такое сочетание условий (речевых и внеречевых), которое актуализирует в субъекте установку осуществить речевое действие. Компонентами отбираемых ситуаций являются не только экстралингвистические условия общения, но и контактирующие субъекты, их цели, речевые намерения, требующие определенной речевой реализации, наиболее общие формы языкового выражения этого намерения.

Перенесенная в условия аудиторной работы, естественная ситуация претерпевает определенную трансформацию, теряя ряд характеристик, присущих реальному общению. Однако типичная ситуация, в которой наиболее ярко проявляются те или иные ее компоненты, может и должна пока затать стоящую перед учащимися проблему и метод ее решения, а значимая ситуация (в которую реально попадают обучаемые), имеющая для них жизненно важное значение, способствует актуализации установки, поэтому следует отбирать только типичные и значимые для студентов-иностранцев ситуации.

Важную роль для правильного отбора ситуаций наряду с другими могут сыграть такие методы социологических исследований, как анкетирование и целенаправленный опрос. При этом отбор ситуаций должен пройти несколько стадий.

На первой стадии, в результате анализа существующей литературы и гипотетического моделирования речевой деятельности учащихся, намечаются сферы и ситуации общения, приближительные речевые интенции, возникающие в этих ситуациях.

На второй стадии для проверки правильности отбора, а также, с целью возможных дополнений или сокращений набора значимых ситуаций проводится целенаправленный опрос самих учащихся, выявляющий смысловое содержание ситуаций.

На третьей стадии составляется анкета, которая позволяет на основе обследования значительного контингента учащихся выявить наиболее типичные ситуации общения. Такая работа способствует не только уяснению мотивации деятельности учащихся, их прагматических целей, но и уточнению в дальнейшем лингвистического материала, под лежащего усвоению или контролю.

Так как из множества социальных ролей и позиций учащихся, в первую очередь, отбирались те, которые могли быть отнесены ко всему контингенту, в целом, при этом, в первую очередь, учитывался статус личности, а именно, это:

- студент;
- студент-иностранец;
- иностранец, только что приехавший в Россию, то главными сферами общения явились социально-бытовая, учебная и в минимальном объеме социально-культурная [5].

Результаты анкетирования позволили отобрать минимум типичных и значимых для данного контингента учащихся ситуаций общения в первые два месяца их пребывания в стране изучаемого языка. Была подтверждена ненужность включения в учебный процесс ряда спорных для создателей учебников ситуаций, например «в парикмахерской», «в ресторане» и др. Особенно важным итогом анкетирования было уточнение интенций, возникающих в определенных условиях общения. Например, был значительно расширен круг речевых интенций, возникающих при общении в общежитии: это и просьба о помощи, и желание узнать что-то, и желание получить или дать разрешение и т.д. Одним из существенных результатов анкетирования было выявление различных обязательств (в рамках отобранных сфер и ситуаций общения), порождающих однотипную интенцию с однотипной речевой реализацией. Набор таких ситуаций чрезвычайно важен для организации упражнений в учебнике с целью выработки у учащихся гибкости речевого навыка. Известно, что затруднение выработки речевого навыка на занятиях часто вызывается отсутствием достаточного набора значимых ситуаций функционированием однотипных речевых образцов. Это не позволяет учащимся научиться самостоятельно формулировать для себя речевые задачи и выбирать верное решение по аналогии с прежними задачами, объясненными преподавателем. В результате анкетирования выяснилось, например, что речевой образец «Я студент» функционирует не только в ситуациях знакомства или представления, но и при посещении общественных учреждений, когда учащийся, например, желает приобрести льготный билет; речевой образец «Какое сегодня число?» – не только при общении в аудитории, но и в общежитии при выполнении домашнего задания, и в библиотеке при заполнении формуляра, и т.д.

Таким образом, работа по созданию модели речевого поведения учащихся способствует более тщательному и корректному отбору учебного материала, организации на его основе более эффективной тренировки и закрепления этого материала, следовательно, предопределяет основные направления контроля речевой деятельности учащихся.

Литература:

1. Брудный А.А. К проблеме моделирования в социальной психологии. В кн.: Методология и методы социальной психологии. М., 1977.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 2019.
3. Ковалев А.Г. Психология личности. М., 1970.
4. Кон И.С. Социология личности. М., 2018.
5. Скалкин В.Л. Сферы устного язычного общения и обучения речи. Русский язык за рубежом. 1973. № 4.
6. Школьник Л.С. Некоторые психологические проблемы речевого воздействия. М., 2016. 121 с.
7. Эрвин-Трипп С.М. Язык, тема, слушатель. Анализ взаимодействия / С.М. Эрвин-Трипп // Новое в лингвистике. М., 2017. Вып. 7. С. 336–362.

Literature:

1. Brudny A.A. On the problem of modeling in social psychology. In the book: Methodology and methods of social psychology. M., 1977
2. Leontiev A.N. Activity, consciousness, personality. M., 2019
3. Kovalev A.G. Psychology of personality. M., 1970
4. Kon I.S. Sotsiologiya lichnosti. M., 2018
5. Skalkin V.L. Spheres of oral communication and speech training. Russian Language Abroad, 1973. № 4.
6. Shkolnik L.S. Some psychological problems of speech influence. M., 2016. 121 p.
7. Erwin-Tripp S.M. Language, theme, listener. Analysis of interaction / S.M. Erwin-Tripp // New in linguistics. M., 2017. Iss. 7. P. 336–362.

**СООТНЕСЕННОСТЬ СУДЕБНОЙ РЕЧИ
С КНИЖНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫМ СТИЛЕМ**



**THE APPROPRIATENESS OF JUDICIAL SPEECH WITH
THE BOOK-ARTISTIC STYLE**

Землякова Нинель Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент,
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
miss.oxenia@yandex.ru

Ninel V. Zemliakova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Linguistics
and Foreign Languages,
North Caucasus branch
Russian State
University of Justice
miss.oxenia@yandex.ru

Перминова Мария Олеговна

студентка юридического факультета,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
miss.oxenia@yandex.ru

Maria O. Perminova

Student of the Faculty of Law,
North Caucasus branch
Russian State
University of Justice
miss.oxenia@yandex.ru

Милакова Алина Дмитриевна

студентка юридического факультета,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
miss.oxenia@yandex.ru

Alina D. Milakova

Student of the Faculty of Law,
North Caucasus branch
Russian State
University of Justice
miss.oxenia@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирована судебная речь, особенности ее строения и использования. Рассмотрены возможности взаимодействия профессиональной судебной речи и художественной речи. Выявлены причины смешения судебной лексики и книжно-художественного стиля, а также, на примере речи П.А. Александрова, продемонстрированы способы усиления воздействия судебной речи на аудиторию через использование книжной лексики.

Ключевые

слова:

судебная речь, оратор, судебный процесс, художественный стиль, особенности, аргументация, метафора.

Annotation.

The article analyzes the judicial speech, the peculiarities of its structure and use. The possibilities of interaction between professional judicial speech and artistic speech are considered. The reasons for the mixing of judicial vocabulary and book-artistic style, as well as, on the example of P.A. Alexandrov's speech, demonstrated ways to increase the impact of judicial speech on the audience through the use of book vocabulary.

Keywords:

judicial speech, orator, litigation, trial, writing style, particular qualities, features, argumentation, metaphor.

Речь сопровождает человека на протяжении всей его жизни, она – основа нашей деятельности, и, соответственно, за долгое время своего существования, речь начала обрастать различными стандартами использования, в зависимости от той ситуации, в которой ее употребляют. Так можно проследить основную тенденцию в обособлении специализированной речи: ее усложнение и определенное несоответствие нормам разговорного языка.

Рассматривая современный вариант судебной речи, необходимо дать ее определение, актуальное на сегодняшний день. Так, судебная речь – это публичное монологическое выступление оратора, обращенное к суду, и содержащее выраженную позицию выступающего по отношению к рассматриваемому делу. Его цель – убедить присутствующих в правоте определенных положений.

Зачастую, ввиду своей сложной структуры и терминологии, судебная речь ошибочно воспринимается непрофессионалами, как просто наполненный канцеляризмами язык, поэтому многие новички в сфере юриспруденции при столкновении с профессиональным языком, начинают «придумывать» юридическую лексику заново, просто добавляя высокопарные обороты в свою речь.

Для многих примером такой же «сложной речи» является художественный язык, который, несмотря на свою востребованность в литературе, редко встречается в повседневной жизни. Такая редкость ставит его на одну ступень с судебной. Однако каковы же основные черты художественного языка, позволяющие путать ее с профессиональной лексикой?

Конечно, художественная речь менее практична, чем разговорная, она сохраняет в себе определенные традиции и клише. Это и привносит элемент возвышенности.

Судебная лексика также имеет свои «непрактичные» традиции. Так, например, обращение: «Уважаемый суд» перед началом высказывания участника судебного процесса можно отнести к элементу традиции судебной этики, так как, по сути, данная формулировка не несет конкретной практической направленности, и в «обыденной интерпретации» может быть опущена.

Однако стоит отметить еще одну черту книжного стиля, который перекликается с судебным стилем: это высокая организация речи на всех ее уровнях. В литературных произведениях мы видим наличие определенной идеи, которая выдержана во всем тексте, а также развитие мысли автора по той или иной теме. В итоге, текст превращается в связное повествование, имеющее свои выводы. Это роднит два стиля, так как главным критерием выступления в суде, является связность и логичность его построения. Тут же отображается и сложность изложения: судебная лексика не проста для восприятия неподготовленным слушателем. Книжный язык также наполнен множеством терминов, которые человек не использует в повседневной жизни, и потому настолько же сложных порой для восприятия.

Несмотря на схожесть, художественную речь не зря отделяют от профессиональной судебной – это не просто два способа изложения мысли. Каждый из этих стилей речи кроет за собой целую культуру поведения человека. Так, художественная речь направлена не столько на точное информирование человека, сколько на представление красочного и эмоционального образа. Судебная речь же ставит себе цель убедить в своей главной мысли слушателя, опираясь на объективные факты, которые не могут быть искажены выступающим. Ее первоочередная цель – убеждение слушателя.

Более того, так как люди не могут полностью отойти от эмоциональности, оратор, выступающий в суде, стремится использовать свою природную экспрессию как дополнительное средство воздействия на аудиторию. Художественная же речь, напротив, стремится использовать экспрессивность без конкретных ограничений, порой, выходя за рамки здравого смысла.

Несмотря на такие значительные различия между двумя стилями, многие люди, не компетентные в сфере юриспруденции, путаются в структуре судебной речи, выделяя, по их мнению, основные отличия и смешивая их с книжной лексикой.

Приведем пример: во время судебного заседания по уголовному делу подсудимый обратился к судье фразой: «Ваша светлость». Помимо неправомерности такого обращения, подобная ошибка вызвала лишь смех, усилившийся тем, что подсудимый не смог понять, что же было не так. Можно предположить, что этот человек, мыслит, руководствуясь обыденным опытом. Иначе говоря, если суд – процесс торжественный, а судебные выступления наполнены высокопарными выражениями, то достаточно просто «вмешать» в свою речь как можно больше сложных оборотов. Логично предположить, что подобные обороты он встречал ранее лишь в литературе, а потому и допустил такую ошибку.

Более того, иногда возникают случаи, когда незнание норм судебной этики обеими сторонами процесса может вызвать не просто недопонимание, а открытые обвинения: в одном из судебных процессов ответчик заявил, что другая сторона находится в сговоре с судом. Когда судья попросил объяснить, откуда взялся такой вывод, ответчик сказал: «Другая сторона обращается к вам «Ваша честь», а такое обращение способно привести к желанию сделать для нее что-то очень хорошее. И вы вынесете решение против меня».

Подобные казусы возникают довольно часто, если участник процесса не знает норм судебной этики. Означает ли это, что нельзя допускать совмещения книжных оборотов и юридической лексики во избежание нелепых ошибок? Совсем нет. Вплетение художественных приемов в судебную речь помогает лучше донести свою мысль слушателям. Главное – чувство меры. Ведь не зря говорят: от великого до смешного – один шаг.

Как конкретно художественная лексика может помочь оратору? Здесь хотелось бы привести в пример речь выдающегося русского юриста Петра Акимовича Александрова в защиту В. Засулич в 1878 году.

Она обвинялась в покушении на петербургского градоначальника Федора Трепова. Невиданная дерзость такого поступка напугала сановников и побудила не просто осудить террористку, но сделать это показательно, чтобы «остудить» оппозиционные настроения и деятельность подпольных кружков.

Не менее громким и невероятным событием стало оправдание В.Засулич судом присяжных, и в этом большую роль сыграло построение речи П.А. Александрова: он понимал, что выступает перед простыми людьми, присяжными, а значит, его речь должна была быть максимально понятной и простой. Так, в самом начале выступления, Александров задает много риторических вопросов, которые невольно вовлекают слушателя в историю: «Кто станет отрицать, что самоуправное убийство есть преступление?». Заметьте, что П.А. Александров не сомневается в злостности поступка подзащитной, что заметно сближает его с аудиторией.

Также, необходимо отметить тот факт, что, при использовании близких присяжным образов и выражений, П.А. Александров ставит себе цель не просто защитить Засулич-преступницу, но и оправдать Засулич-девушку. Он представляет свою подзащитную главной героиней трагичной истории, которая понятна всем людям. Александров говорит о легкости и наивности молодости, расписывает ее неповторимое очарование: «Девушка живет полною радостью, полным сердцем...». Он использует это для достижения своей цели: через сравнения и гиперболу, он как бы завышает ожидания аудитории, внушает им ожидание счастливого финала. И на самом пике внезапно «обрушивает» все: «Легко вообразить, как провела Засулич эти лучшие годы в своей жизни... в ...казематах Петропавловской крепости...».

Это – тоже книжный прием – антитеза. Работая на контрасте выданной информации, она усиливает эффект воздействия слов оратора на слушателя. Так, участь Засулич присяжных ужаснула куда больше, чем если бы то же самое было сказано без «легкого» вступления, ведь теперь аудитории было с чем сравнивать.

Помимо этого, П.А. Александров демонстрирует не просто знание выражений и фразеологизмов, но еще и тонкое понимание психологии слушателей, и то, как на восприятие может влиять форма подачи информации. Ведь, одно и то же слово, сказанное разными способами, может привести к разным результатам.

Оратор, в первую очередь, вдохновитель, и только во вторую – информатор. Его задача – построить свою речь таким образом, чтобы избавиться от сложности юридического языка, не растеряв при этом его солидность. И умение подобрать нужные художественные обороты – истинное мастерство, к которому стремятся грамотные юристы.

Литература:

1. Попова Т.Г. Об особенностях судебной речи / Т.Г. Попова, М.Н. Федулова. 2018. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osobennosti-sudebnoy-rechi/viewer>
2. Землякова Н.В. Образные средства языка в выступлениях судебных ораторов как один из приемов эффективной коммуникации / Н.В. Землякова, Н.Б. Гарбовская. 2018. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obraznye-sredstva-yazyka-v-vystupleniyah-sudebnyh-oratorov-kak-odin-iz-priemov-effektivnoy-kommunikatsii>
3. Тимофеева Л.И. Судебные речи А.Ф. Кони: лингвостилистический аспект. 2015. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnye-rechi-a-f-koni-lingvostilisticheskiy-aspekt>
4. Мельников И.И. Судебная речь. М., 2017. 523 с.
5. Граудина Л.К. Культура русской речи / Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. М., 1999.
6. Гулевич О.А. Психология в суде присяжных. М., 2003.

Literature:

1. Popova T.G. On the peculiarities of judicial speech / T.G. Popova, M.N. Fedulova. 2018. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osobennosti-sudebnoy-rechi/viewer>
2. Zemlyakova N.V. Figurative means of language in the speeches of court speakers as one of the methods of effective communication / N.V. Zemlyakova, N.B. Garbovskaya. 2018. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obraznye-sredstva-yazyka-v-vystupleniyah-sudebnyh-oratorov-kak-odin-iz-priemov-effektivnoy-kommunikatsii>
3. Timofeeva L.I. Judicial speeches of A.F. Koni: linguo-stylistic aspect. 2015. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnye-rechi-a-f-koni-lingvostilisticheskiy-aspekt>
4. Melnikov I.I. Sudebnaya rech. M., 2017. 523 p.
5. Graudina L.K. Russian speech culture / L.K. Graudina, E.N. Shiryayev. M., 1999.
6. Gulevich O.A. Psychology in the jury trial. M., 2003.

**СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
КАК ОДИН ИЗ РАЗДЕЛОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ
(НА МАТЕРИАЛАХ И ЗАКОНАХ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**



**FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE
AS ONE OF SECTIONS OF LEGAL LINGUISTICS
(BASED ON MATERIALS AND LAWS OF THE KYRGYZ REPUBLIC)**

Семенова Жийдегуль Азимовна
кандидат филологических наук,
лингвист,
эксперт Государственной
судебно-экспертной службы
при Министерстве юстиции
Кыргызской Республики, г. Бишкек
szhidegul@mail.ru

Semenova Jidegul Asimovna
Candidate of Philological Sciences,
Linguist,
State Expert
Forensic Services
under the Ministry of Justice
Kyrgyz Republic, Bishkek
szhidegul@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящается проблеме соотношения лингвистической оценки с юридической оценкой при выявлении речевых преступлений. Также имеется юридические и лингвистические аспекты в интерпретации терминологии закона Кыргызской Республики. Если конфликтный (оспариваемый) текст является объектом лингвистического исследования, то его разрешение носит правовой характер. В правовой сфере при защите своих интересов язык следует рассматривать не как средство личного общения и выражения, а как средство вербального воздействия и действия в жизни человека в обществе. В некоторой степени правовые отношения моделируются с помощью языка, потому что вербальные конфликтные отношения, как и другие преступные действия, требуют правового контроля.

**Ключевые
слова:**

юридическая экспертиза, лингвистическая экспертиза, лингвистическая оценка, юридическая оценка, оскорбление, инвективная лексика, конфликтный текст.

Annotation.

This article is devoted to the problem of correlation between linguistic assessment and legal assessment in the detection of speech crimes. There are also legal and linguistic aspects in the interpretation of the terminology of the law of the Kyrgyz Republic. If the conflicting (disputed) text is the object of linguistic research, then its resolution is legal in nature. In the legal sphere, when protecting one's interests, language should be considered not as a means of personal communication and expression, but as a means of verbal influence and action in a person's life in society. To some extent, legal relations are modeled using language, because verbal conflict relations, like other criminal acts, require legal control.

Keywords:

legal expertise, linguistic expertise, linguistic assessment, legal assessment, insult, invective vocabulary, conflicting text.

Востребованность в каких-либо новых видах судебной экспертизы, а именно, в судебной лингвистической экспертизе, связана с развитием общества, особенно, когда на правосудие обрушилась огромное количество информации через Интернет-ресурсы разного жанра и уровня.

Нет сомнений в том, что в обществе встречаются негативные, грубые слова, или слова отрицательного характера, которые могут привести к конфликту. В самом деле, силу языка невозможно предсказать, и язык может по-разному восприниматься в сознании другого человека. Если говорящий вербально показывает неприязнь кому-либо, это приведет к более сложному словесному конфликту или информационному спору. В настоящее время авторы информации,

распространяемой на мобильных источниках из Интернета, вызывают массу споров. На практике часто бывает так, что такого рода конфликтные ситуации доходят до представителей правоохранительных и судебно-следственных органов. Такие словесные конфликты должны быть доведены до сведения профессионалов юристов, а также, специалистов, имеющих профессиональный подход к речи, потому что, разного рода информация, которая мобильно распространяется через Интернет ресурсы, кроме унижения чести, достоинства и деловой репутации конкретного лица, очень много уголовных дел, содержащих антисоциальные и аморальные действия, которые приводят к разжиганию национальной, региональной и расовой ненависти (вражды). Обстоятельства, связанные с лингвистической экспертизой спорных текстов, этим списком не ограничиваются. Нет сомнений в том, что контролировать спорные тексты в обществе посредством закона – правильное решение, но очевидно, что только специалист с соответствующими профессиональными знаниями в области лингвистики может проводить качественные и объективные исследования. Понятно, что суд и правоохранительные органы не могут принять правильное решение без заключения лингвиста. Как мы уже говорили, количество таких случаев в Кыргызской Республике за последние годы резко увеличилось; и у нас есть возможность при даче лингвистического заключения применить ценный опыт, полученный на соответствующем уровне в России и Казахстане. Так как, в Кыргызской Республике данное направление начало существовать с 2015 года, поэтому у нее отсутствует такая научная база, где могли бы полноценно опереться при исследовании.

Лингвистическая экспертиза является необходимым процессуальным действием по гражданским делам, связанным с оскорблением, унижением, по уголовным делами, связанным с угрозами, публичными призывами, возбуждение вражды (розни), унижение достоинства, распространение экстремистских материалов, оправдание терроризма и др. При анализе и разрешении споров, возникающих в торгово-экономических и правовых отношениях физических и юридических лиц, часто необходимо прибегнуть к лингвистической экспертизе.

Мы знаем из экспертного опыта, что судебные тяжбы на основе словесных конфликтов стали обычным явлением в юридической практике. Мы также знаем, что таких случаев год от года увеличивается. Несомненно, такую работу может выполнить только лингвист, имеющий доступ к современным научным исследованиям и знающий методологию лингвистической экспертизы. Опыт экспертов показывает, что потребность в лингвистической экспертизе спорных текстов растет. С одной стороны, одних профессиональных знаний и научного опыта недостаточно для проведения лингвистической экспертизы. Также специфика лингвистической экспертизы требует лингвистической юриспруденции, то есть, использования лингвистических знаний в правовой среде. Юридическая лингвистика – отрасль прикладной лингвистики, предметом изучения которой является область пересечения языка и права; юридическая лингвистика как отрасль организуется тремя видами отношений между языком и правом [1, с. 59]. Лингвистическая экспертология является один из разделов юридической лингвистики, так как язык и юриспруденция между собой связаны в правовом регулировании [2]. Таким же образом в сферу интересов юридической лингвистики входят:

- проблема юридического языка [2; 3];
- прикладные разработки в области судебного красноречия [6; 7];
- область знаний, получившая название «юридическая лингвоконфликтология» [5; 8] и

т.д.

Негативная лексика в адрес конкретного человека может подлежать юридической оценке. Целенаправленное использование негативной лексемы в грубой, инвективной форме в отношении определенного объекта является диагностическим признаком оскорбления в юридическом смысле.

С юридической точки зрения негативная языковая форма – это слово или высказывание, которое оскорбляет, высмеивает или унижает истца посредством **целенаправленного использования** негативной лексики, выражений и фразеологии.

Обязательный признак речевого акта или объективный признак оскорбления чести и достоинства другого человека – это негативная форма (то есть, открыто противоречащей общепринятым моральным ценностям и правилам) [9].

В гражданском кодексе Кыргызской Республики встречаются неточности в формулировке тех или иных терминов, но соотношение юридических и лингвистических терминов непостоянно в силу появления новых законов.

Хотя статья и называется «*Защита чести, достоинства и деловой репутации гражданина или деловой репутации юридического лица*», она содержит информацию, оскорбляю-

щую честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, а также – деловой репутации юридического лица. Здесь необходимо рассматривать каждое понятие по отдельности, так как честь умаляют, достоинство унижают, а деловую репутацию можно опорочить.

Текст статьи, с одной стороны, создает неправильное представление о том, что индивидуальное мнение потенциального истца тоже может являться оскорбительной информацией, потому что, в некоторых случаях, личное мнение может также нанести ущерб чести, достоинству и деловой репутации. Однако подтвердить достоверность личного мнения о человеке или его деятельности сложно. Например, отрицательная оценка работы сотрудника и определение «*министр подобный старому ослу*», безусловно, не является положительным и может считаться информацией, наносящей ущерб как чести, так и деловой репутации. Однако ответчику очень сложно доказать в суде истинность своего личного мнения, даже, если объектом дела (то есть, министр) является фактически некомпетентный или нерешительный человек.

Если мы рассмотрим неприличные языковые единицы с точки зрения лингвистического характера, то к ним можно отнести употребление в публичной форме экспрессивную лексику, нарушающую общественную норму. Семантическая нагрузка неприличной лексики в устном или письменном тексте определяется с лингвистической точки зрения, то есть, дается лингвистическая оценка. И.А. Стерн утверждает, что «сквернословие – это употребление бранной и нецензурной лексики. Сквернословие морально осуждается обществом и с ним необходимо вести борьбу. При этом всякие призывы к запрету бранной и нецензурной лексики неэффективны, так как эти типы лексических единиц, как и все остальные, имеют в языке свои функции, которые они успешно выполняют. Необходимо строить борьбу со сквернословием через разъяснение назначения этих слов и условий их употребления, приучая людей не использовать бранную и нецензурную лексику в общественных местах, не исключая при этом возможность ее употребления в ограниченных ситуациях среди «своих». Борьба со сквернословием – это борьба за уместность используемых речевых средств, то есть, за культуру речи» [11, с. 23].

Таким образом, существует два основных аспекта лингвистической экспертизы - лингвистический и юридический, так как оспариваемый текст является объектом лингвистического исследования, а его разрешение носит правовой характер. В правовой сфере при защите своих интересов язык следует рассматривать не как средство личного общения и выражения, а как средство вербального воздействия и действия в жизни человека в обществе. В некоторой степени, правовые отношения моделируются с помощью языка, потому что вербальные конфликтные отношения, как и другие преступные действия, требуют правового контроля.

В качестве эксперта лингвист, как и специалисты в других областях, имеет место в общей судебной экспертизе и должен учитывать общую судебную деятельность, теорию судебной экспертизы. Хотя лингвистическая экспертиза является документом, ее оформление и заключение имеют юридическое место, мы считаем, что чисто лингвистический аспект (анализ, исследование) может осуществляться на основе научного и объяснительного аппарата лингвистики. Лингвист как специалист ориентируется не на юридический документ, а на оспариваемый текст, который требует анализа и описания [1]. Спорные тексты и противоречивые утверждения не совпадают друг с другом по жанру и цели, поэтому конечная цель решения проблем при даче юридической и лингвистической оценки могут не совпасть. Например, к фрагментам действительности в различных ситуациях, делается вывод по-разному. Например, в социальной сети «Instagram» некая **AAA** пишет следующего комментарий: «*Ошские вы все балиты и пидаразы. Вместе с Президентом! На пустом месте привезли какой-то вирус*» на информацию информационно-аналитического портала «kloopnews» о том, что «*Президент Сооронбай Жээнбеков решил продлить режим ЧП в некоторых регионах до 10 мая. Среди них есть город Ош. В этом режиме вторая столица живет уже больше месяца. Но, несмотря на ограничения, город начинает потихоньку оживать*». Структура и стратегия исследуемого текста дискурсивны: построены на изложении примерно фактического состояния дел. Описываемое коммуникативное событие – коронавирус в Кыргызстане, в частности – в Ошской области. С лингвистической точки зрения имеются все грамматические (форма множественного числа) и семантические признаки негативного характера (употребление инвективной лексики) по отношению лиц определенной местности (суффикс «ск»). При даче юридической оценки необходимо учитывать, что комментарий **AAA** является реакцией на новость о коронавирусе, а также, учитывать психозное состояние общества, в целом, во время пандемии. Поэтому лингвистам экспертам при исследовании материала необходимо учитывать коммуникативную ситуацию, коммуникативную направленность и коммуникативное намерение. Для того, чтобы облегчить юристам работу при даче юридической оценки подобных высказываний, лингвистам-экспертам необхо-

можно разработать общий принцип исследования, где помимо семантических признаков можно будет учитывать все коммуникативные признаки. Поэтому для полноценного исследования материал должен быть достаточным.

Поскольку такие ситуации присущи обществу, то они с правовой точки зрения выявляются и контролируются; они систематизированы в соответствии с законом, поэтому ситуация, относящаяся к компетенции лингвиста, также должна быть систематизирована. Конечно, каждый тип конфликтной ситуации требует решений соответствующих вопросов, например, в ситуации унижения достоинства человека необходимо обратить внимание на стилистические организации спорного текста, чтобы решить личные проблемы; и в бизнесе, в договорах требуется, чтобы лингвист-эксперт дал разрешение смысловой стороне спора.

Многие коммуникативные ситуации обязательно требуют внимательного рассмотрения, особенно, выявления признаков по уголовным делам.

В силу отсутствия во внутринациональном и международном законодательстве понятия «экстремизм», Закон Кыргызской Республики о противодействии экстремистской деятельности отождествляет понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» и в статье 1 перечисляет исчерпывающий перечень форм и признаков экстремистской деятельности, к числу которых относятся:

1) деятельность общественных объединений или религиозных организаций либо иных предприятий, организаций и учреждений, а также, средств массовой информации независимо от форм собственности, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных:

- на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Кыргызской Республики;
- на подрыв безопасности Кыргызской Республики;
- на захват или присвоение властных полномочий;
- на создание незаконных вооруженных формирований;
- на осуществление террористической деятельности;
- на возбуждение расовой, национальной (межэтнической) или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;
- на унижение национального достоинства;
- на осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной (этнической) или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- на пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной (этнической), религиозной или языковой принадлежности;

2) пропаганда и публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходной с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

3) пропаганда атрибутики или символики экстремистской организации;

4) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

5) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств.

Указанные в законе различные формы экстремистской деятельности, вызывают трудности при установлении признаков экстремизма. Все указанное порождает проблемы с правильным выбором следственными или судебными органами вида экспертизы при установлении признаков экстремизма или терроризма. Особые трудности в правоприменительной практике возникают при совершении так называемых вербальных преступлений, то есть тогда, когда преступление совершается посредством речевых действий. С субъективной стороны указанные преступления совершаются умышленно, для преступлений с формальными составами характерен прямой умысел [10, с. 10].

Таким образом, судебно-экспертная деятельность является неотъемлемой частью правоохранительной и судебной системы. Логика общественного развития, динамические измене-

ния под действием внутренних и внешних факторов, формирование и укрепление правоотношений предъявляют новые требования к судебной экспертизе. Важность судебно-лингвистической экспертизы как относительно новой формы в системе судебной экспертизы в Кыргызской Республике неоспорима.

Литература:

1. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография. Барнаул, 2009, 235 с; С. 59.
2. Словарь по уголовному праву / Отв. ред. зав. сектором уголовного права и криминологии Института государства и права Российской Академии наук РФ, проф., д-р юр. наук А.В. Наумов. М. : Издательство БЮЭ, 1997
3. Голев Н.Д. Взял для себя все / Н.Д. Голев; Под ред. Н.Д. Голева // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты права и лингвистические аспекты языка: Сб. научных трудов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 246–251.
4. Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии / Н.Д. Голев. М. : Едиториал УРСС, 2004. 160 с.
5. Голев, Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы / Н.Д. Голев; Под ред. Н.Д. Голева // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы : Межвузовский сборник научных трудов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 14–29.
6. Гридина Т.А. Принципы лингвокогнитивного анализа конфликтного высказывания / Т.А. Гридина, В.С. Третьякова; Под ред. Н.Д. Голева // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 55–65.
7. Катышев П.А. Ортология судебной речи / П.А. Катышев // Русистика сегодня. Томск, 2001.
8. Катышев П.А. Эволюция нарративной структуры в речах А.Ф. Кони / П.А. Катышев, Т.В. Князькова; Под ред. Н.Д. Голева // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвузовский сборник научных статей. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 96–107.
9. Сафронов В.А. К понятию языко-речевых конфликтов: (юридико-лингвист. аспект) / В.А. Сафронов // Молодежь в XXI веке. Рубцовск – Барнаул, 2004. С. 254–257.
10. Словарь по уголовному праву / Отв. ред., Зав. сектором уголовного права и криминологии Института государства и права Российской Академии наук РФ, проф., д-р юр. наук А.В. Наумов. М. : Издательство БЮЭ, 1997.
11. Справочник для работников правоохранительных и судебных органов по вопросам назначения и производства судебных экспертиз по делам, связанных с экстремизмом и терроризмом / Под общ. ред. А.О. Кулматова. Бишкек, 2019. 30 с.
12. Стернин И.А. Проблема сквернословия. Изд. 5, доп. и испр. Воронеж, 2011. С. 23.

Literature:

1. Brinev K.I. Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise : monograph. Barnaul, 2009. 235 p; P. 59.
2. Dictionary of criminal Law / Ed. department of Criminal Law and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences of the Russian Federation, Professor, Doctor of Legal Sciences A.V. Naumov. M. : BYUE Publishing House, 1997.
3. Golev N.D. I took everything for myself / N.D. Golev; Ed. by N.D. Golev // Yurislinguistics-5: Legal aspects of law and linguistic aspects of language: Collection of scientific works. Barnaul : Publishing house of Alt. un-ta, 2004. P. 246–251.
4. Golev N.D. Antinomii russian orthografii / N.D. Golev. M. : Uneditorial URSS, 2004. 160 p.
5. Golev N.D. About objectivity and legitimacy of sources of linguistic expertise / N.D. Golev; Edited by N.D. Golev // Yurislinguistics-3: Problems of legal linguistic expertise: Interuniversity collection of scientific papers. Barnaul : Publishing House of Altai University, 2002. P. 14–29.
6. Gridina T.A. Principles of linguocognitive analysis of conflict statements / T.A. Gridina, V.S. Tretyakova // Yurislinguistics-3: Problems of legal linguistic expertise: Interuniversity collection of scientific papers / Edited by N.D. Golev. Barnaul : Publishing House of Altai University, 2002. P. 55–65.

7. Katyshev P.A. Orthology of judicial speech / P.A. Katyshev // *Rusistika segodnya*. Tomsk, 2001.
8. Katyshev P.A. Evolution of the narrative structure in the speeches of A.F. Koni / P.A. Katyshev, T.V. Knyazkova; Ed.by N.D. Golev // *Yurilinguistics-7: Language as a phenomenon of legal communication: an interuniversity collection of scientific articles*. Barnaul : Publishing House of Altai University, 2006. P. 96–107.
9. Safronov V.A. To the concept of language-speech conflicts: (yuridico-linguist. aspect) // *Youth in the XXI century*. Rubtsovsk – Barnaul, 2004. P. 254–257.
10. Dictionary of criminal Law / Executive Editor, Head of the Criminal Law and Criminology Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences of the Russian Federation, Professor, Doctor of Law A.V. Naumov. M. : Publishing house of BUA, 1997.
11. Reference for law enforcement and judicial authorities in matters of appointment and production of forensic examinations in cases of extremism and terrorism // Under the General editorship of O. Kulmatova. Bishkek, 2019. 30 p.
12. Sternin I.A. The problem of squalor. Edition 5, supplemented and amended. Voronezh, 2011. P. 23.

НОВАЯ РОССИЯ: ХАРАКТЕР НАЦИИ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА



NEW RUSSIA: THE CHARACTER OF THE NATION IN THE MIRROR OF LANGUAGE

Черникова Лидия Федоровна

доктор филологических наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Крымский филиал
Российского государственного
университета правосудия,
г. Симферополь
Lidia0305@ mail.ru

Lidia F. Chernikova

Doctor of Philology,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-economic Disciplines,
Crimean branch
Russian State
University of Justice,
Simferopol
Lidia0305@ mail.ru

Аннотация. Как отмечает автор статьи, начало XXI века – это период с интенсивно протекающими процессами в общественно-политической, экономической, культурной жизни государства, который отражается на развитии многих отраслей науки, экономики, культуры. Тема языка и речевой культуры была и остается актуальной с давних времен и до сегодняшнего дня. Язык, обладающий особой мелодикой, музыкальностью звуков, приятным национальным колоритом, не оставляет равнодушным многих, кому не безразлична его судьба. В качестве цели своего исследования автор задает определение новых языковых явлений, происходящих в русском языке в начале третьего тысячелетия.

Ключевые

слова:

новая Россия, новые языковые явления, речевая культура, речевые умения, навыки нормативной речи.

Annotation.

As the author of the article notes, the beginning of the 21st century is a period with intensively flowing processes in the socio-political, economic, cultural life of the state, which affects the development of many branches of science, economy and culture. The theme of language and speech culture has been and remains relevant from ancient times to the present day. The language, which has a special melody, musicality of sounds, pleasant national color, does not leave indifferent many who care about its fate. As the purpose of his study, the author defines new linguistic phenomena occurring in the Russian language at the beginning of the third millennium.

Keywords:

new Russia, new language phenomena, speech culture, speech skills, normative speech skills.

Цель исследования: определить новые языковые явления, происходящие в русском языке в начале тысячелетия; изложить, какие изменения произошли в лексике современного русского языка, какие отмечены преобразования, и как изменилась ситуация в связи с развитием глобальных процессов в обществе; раскрыть роль личности – носителя русского языка.

Научная новизна статьи заключается в повышении уровня речевой культуры будущих специалистов различного профиля и общества, в целом, в совершенствовании коммуникативно-речевых умений.

В результате исследования речевых проблем обобщается и анализируется материал, раскрывающий сущность культуры речи и речевой деятельности.

Актуальность темы исследования обусловлена экстралингвистическими причинами, связанные со снижением культуры речи и коммуникационной культуры в нашей стране, что отражается на состоянии и развитии русского языка, его авторитете в обществе.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- 1) выработать навыки нормированной речи и разнообразие речемыслительной деятельности, а также стилистическую и метаязыковую культуру общества;
- 2) освоение теоретического материала и применение его на практике в целях совершенствования коммуникативно-речевых умений;
- 3) разработать систему заданий и тренировочных упражнений, направленных на усвоение синтаксических норм русского языка и культуры речи.
- 4) расширить базу речевой деятельности обучаемых в целях повышения их языковой культуры.

Теоретической базой исследования послужили труды известных ученых-лингвистов XXI столетия Н.И. Клушиной, В.И. Конькова, Л.П. Крысина, Ю.Е. Прохорова и др., а также, те языковые явления, в результате которых происходит заметная деформация русского языка и расшатывание его норм, общей речевой культуры, беспредельная свобода и выражений.

Практическая значимость исследования заключается во внедрении системы активизации мыслительной деятельности, нравственно-этических ценностей, формировании речевых умений на высоком практическом уровне.

Русская культура не была бы совершенной без ее главной составляющей – культуры речи.

Начало XXI века – это период с интенсивно протекающими процессами в общественно-политической, экономической, культурной жизни государства, который отражается на развитии многих отраслей науки, экономики, культуры.

Экономические, политические, культурные события XX века оказали влияние на изменения в системе языкознания. Сам процесс проходил размеренно и постепенно, следуя изменениям в обществе.

XXI столетие обозначено новыми языковыми явлениями и изменениями в характере современной языковой личности.

Тема языка и речевой культуры была и остается актуальной с давних времен и до сегодняшнего дня. Язык, обладающий особой мелодикой, музыкальностью звуков, приятным национальным колоритом, не оставляет равнодушным многих, кому не безразлична его судьба.

Современное состояние русского языка не остается без внимания со стороны Министерства и лично Президента РФ В.В. Путина, который обеспокоен языковой ситуацией в стране в настоящее время. Нельзя допустить, чтобы язык могучей державы, терял свою самобытность и традиции, элементы культуры, силу русского слова, а также престиж не только в стране, но и на международной арене.

Президент призвал повысить уровень языковой культуры общества, в целом и молодого поколения, в частности. По многим лингвистическим характеристикам, его конструкция понятна и очевидна главенствующая роль языка в жизни народа. В языке выражается внутренний мир человека, его историческое прошлое и перспективы на будущее. Речевой портрет русского человека уникален. О русском характере в литературе написано много. У А.С. Пушкина в произведении «Путешествия в Арзрум» дается характеристика русского человека. Русский народ – народ великого терпения и необыкновенных душевных качеств. Духовный лидер буддийских регионов Российской Федерации Далай-Лама говорил: «Русская душа – щедрость, не знающая границ!».

Иностранцы отмечают тот факт, что у русских развито чувство языка (языковое чутье), обладание чувства стиля и мн. др. Русская душа загадочна. Россия – страна грандиозных контрастов. Это подтверждают следующие Некрасовские строки: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, Матушка Русь...» [2, с. 43].

Главные качества русского человека – терпение, излишняя самокритичность и повышенная эмоциональность. Нет людей отзывчивее, добрее русских. Наш язык – это национальный код.

В слове не менее жизни, чем в человеке. Характер нации отражается в зеркале языка. Одной из важнейших функций языка заключается в том, что данная функция является средством познания, выражение мыслей, объединяющий фактор национально-культурной идентичности, который хранит и передает языковые ценности, речевую культуру последующим поколениям. Язык формирует личность, его национальный характер, мышление. В поэме «Облако в штанах» В. Маяковский говорит – «громада – любовь, громада – ненависть». Поэт имеет в виду и поступки, и чувства, и преобразования людей. Менталитет русских складывался от климата,

географического расположения, соседства с другими государствами, исторических фактов и событий и т.д. Жить для себя, работать для себя – это не для русских. Но, в то же время – это варвары, сумасшедшие, не знающие меры... (словом «варвар» древние греки называли людей, говорящих на другом языке, чужестранцев) [9, с. 165].

Русские – великая нация! Русский язык – это язык народа, на котором он создавал и создает свою уникальную культуру, преодолевая сложный и тернистый путь развития, тесно спланивая, объединяя народ в единое целое, прочное и неделимое.

С середины XX века русский язык стал общепризнанным языком, богатейшим языком мира. Престиж языка и его носителей неоспорим! Это современный международный язык, которым владеет более 320 млн человек.

Стоит отметить, что русский язык в настоящее время, к сожалению, определяет низкий уровень речевой культуры, неустойчивость лексической системы, которой присущи динамизм и открытость, неравномерность и сложность структуры. Лексическая система русского языка, претерпевающая существенные изменения, считается самой подвижной, реагирующая на многие явления в общественной жизни, деловом мире, межличностном взаимодействии.

Интересен тот факт, что XXI век сопровождается различными общественными переменами, социальными катаклизмами, изменениями в характере и поступках людей, что не могло не заинтересовать исследователей-лингвистов.

Язык должен реагировать на процессы общества, должна чувствоваться динамика в направлении его развития, обогащения, совершенствования. В существовании и развитии языка нового тысячелетия наблюдались взлеты и падения. Язык не стоит на месте, он постепенно продвигается вперед, постигая совершенства языковых вершин. Общество всегда опирается на языковые нормы, формирующие языковой вкус [10, с. 131]. Языковая эволюция, ее динамика и интенсивность приводит к огромному количеству языковых метаморфоз, не успевающих адаптироваться к лексической системе и, как следствие, создается впечатление хаоса и нестабильности. Новшества оказывают некоторый прессинг на родной язык, смывая границы, ставя под угрозу его целостность.

Чрезвычайно интенсивно протекающие семантические преобразования – это проявление инноваций нашего времени. Стремительными темпами расширяется сочетаемость слов, приводящая к образованию новых значений [6, с. 28].

Язык, как явление социальное, всегда шел в ногу со временем, он никогда не существовал вне общества, его развитие зависело от развития общественных процессов и внутренних законов.

В речевом «арсенале» заметно появляется все больше слов заимствованных, тем самым, вытесняя часть устаревшей лексики. Вошла в историю идеологическая лексика, многие слова, характерные для советского времени. В современном языкознании стала вновь употребляться религиозная лексика, а многие экономические и правовые термины из специальной сферы перешли в общеупотребительную.

Формируется новый язык – язык XXI-го столетия, в котором отражаются социальные реалии. Это порождает определенные проблемы, решая сложные задачи, совершенствуя инновационные языковые процессы и становление перспектив.

Тем не менее, складывается такое впечатление, что в современной жизни родной язык, – что-то второстепенное, малозначащее, не являющееся важным элементом общей культуры личности.

Очень важно для здорового общества иметь высокое чувство гордости за родной язык, проявлять уважение к гуманитарной науке, к специалистам-гуманитариям, к совершенствованию речевой культуры. Это касается, прежде всего, элиты общества, интеллигенции, руководителей различных рангов, деятелей науки, культуры, имеющих авторитет в обществе [4, с. 53].

Человек, владеющий нормами литературного языка, умеющего красиво, правильно, доходчиво, ясно, убедительно говорить, являясь незаурядным мастером публичных выступлений, прекрасно устанавливает контакты с людьми, добивается успехов в жизни и карьере, многие считают с его мнением, он всегда на первых ролях. Любой язык – это инструмент для самовыражения и миропорядка, создающий определенную форму культуры и влияющий на одну из важных речевых функций – мышление. Не зря язык называют ядром культуры. Язык – это импульс к передаче культуры и одно из важных завоеваний человечества. Самое главное в человеке – умение говорить.

При этом каждое последующее поколение, совершенствуясь в технологическом, экономическом плане, отдаляется от понимания языковых чувств и речевой культуры.

Кого считать виновным в создавшемся речевом безразличии, языковой «болезни» и снижении речевого авторитета в обществе? Язык – живой организм, а все живое на земле болеет.

Язык, речь – это богатство нации. У части населения заметно оскудение активного словарного запаса, наблюдается и семантическая ущербность словоупотребления, несоблюдение правил литературного языка, навязывание норм необразованных людей, разрушение социальной коммуникации. Толкование термина свобода слова, многими понимается и воспринимается по-разному, где можно допускать некоторые речевые вольности, атрофирующие современный русский литературный язык.

Языковые «метаморфозы» в лексике XXI века происходят постоянно, часто не всегда заметны в течение жизни одного поколения.

Лексические процессы, отражающие все сферы жизни общества, направлены на переориентировку некоторых явлений прошлых эпох (социалистической, капиталистической) на трансформацию современности.

Проблема свободы слова и свободных СМИ, на сегодняшний день – важная проблема, регулирующая государственно-правовые языковые отношения в Российской Федерации. Правительством совместно с Министерством образования и науки постоянно разрабатываются целевые программы в направлении содействия развитию, распространению и сохранению чистоты русского языка.

Демократизация (либерализация) языка современных носителей граничит с обценной лексикой, с небрежностью и невежеством в использовании языковых единиц, с общим снижением языковой культуры, с потерей интереса к ее повышению [7, с. 197].

Где-то «противоядие», которое могло бы противостоять низкой речевой культуре и достичь уровня языкового совершенства? Язык связывает поколения. Нравственная культура личности, культура поведения, межличностная культура начинается в семье, а дальнейшее ее совершенствование происходит в вузе, в трудовом коллективе, имея при этом определенную основу. Нет оснований в этом винить школу или учебное заведение.

Языковая культура человека целенаправленно меняет свою форму и содержание в усилении политических, социально-политических и культурных взаимодействий, где социокоммуникативная роль языка непрерывно возрастает, поэтому в данной ситуации не стоит искать виновного и жестоко его наказывать. Виной всему – время, которое вносит свои коррективы относительно общей культуры, культуры слова в различных ситуациях общения и частично общество, принимающее данное речевое наследие.

К наиболее заметным негативным явлениям двух последних десятилетий можно отнести:

- 1) чрезмерное употребление заимствований, иностранных слов и выражений;
- 2) употребление ненормативной лексики, жаргонов, вульгаризмов и пр., которые проникают в СМИ, печать;
- 3) канцеляризм, речевые штампы;
- 4) неправильное словоупотребление;
- 5) интенсивные семантические преобразования (лексико-семантический способ);
- 6) низкий уровень общей речевой культуры.

Сегодня ученые-лингвисты фиксируют, к сожалению, неблагоприятную «экологию» речевой среды. Ненормативная лексика заполонила наше общение. Интенсивная демократизация привела к тому, что жаргонизация речи, использование уголовной лексики слышится не только с уст молодежи, но и людей старшего возраста, а обценная лексика, инвективы вышли за пределы устной бытовой речи и получили распространение в публицистических выступлениях, различных репортажах и т.д. Русский язык сегодня криминализован. В сериалах, телепередачах, в речи политиков и известных людей можно услышать далеко не литературные выражения. В обществе заметно снизился культурный уровень владения устной и письменной речью. Прав был Сократ, сказав: «Заговори, чтоб я тебя увидел» [1, с. 91].

С начала века были зафиксированы новые явления в области акцентологии и орфоэпии. Данная проблема обостряется в связи с возрастающей ролью публичной речи.

Заметны новые явления в лексике, самой подвижной и чувствительной части языка, вытесняя тем самым, пласты лексики и стандартные клише советского периода. Многие слова и термины, которые были распространены в дореволюционной России, стали весьма популярны в современной жизни. Это такие слова, как департамент, лицей, гимназия, коммерсант, благотворительность, покаяние и мн. др.

Любая эпоха накапливает определенный набор слов и выражений, которые становятся «модными» и имеют широкий и разнообразный спектр употребления. Подобное явление многие лингвисты называют «массовой болезнью века». Употребление таких слов составляет незначительный процент, но они весьма навязчивы в речи [3, с. 205].

Есть слова, в которых несчастная судьба – они стали паразитами, от которых сложно избавиться. Слова, как и люди, паразитами не рождаются, они, к сожалению, ими становятся. Речь с паразитами трудно слушать, но иногда они могут приносить и пользу. В языке нет ничего лишнего, а если они и появляются, то с какой-то определенной целью. Например, для говорящего эти слова – спасение, поскольку он (говорящий) не может в какой-то момент подобрать нужного слова. Слова-паразиты помогают «склеивать» слова говорящего. Изучение «слов – паразитов» интересно не только филологам, но и психологам.

В последние 10–15 лет не остается незамеченным явление массового вхождения в русский язык заимствований, проникающие из речи журналистов, представителей СМИ, PR, современной молодежи, которая заимствованное слово пытается трансформировать непонятно во что. Современной тенденцией является то, что иностранные слова все шире используются в бытовом общении, в выступлениях общественных и политических деятелей, тем самым постепенно вытесняя из употребления русские. Человек, при использовании иностранных слов, не должен забывать о многообразии и красоте родного языка. Все реже используются средства речевой выразительности – пословицы и поговорки, крылатые слова и фразеологизмы. Молодежный сленг в большинстве случаев представляет собой английские заимствования. Многие не представляют, как ограничить употребление иностранных слов, которые, по их мнению, являются речевым украшением. Идет открытая ориентация и подражание Западу в области экономики, политики, культуры. Например, смена названий в структуре власти: Верховный Совет заменили на парламент, премьер-министра на председателя Совета Министров, а глав местного самоуправления заменили на мэров, префектов, спикеров [5, с. 65]. Русский язык подвижен, способен приспособлять речь к конкретным ситуациям общения, совершать речевые поступки, изменяя и характер человека.

Изменениям подверглась и современная языковая личность – носитель языка. Современное молодое поколение, которое называют поколением Z, вносит свои речевые «шедевры», в виде сленга, жаргона, ненормативной лексики. А им, в первую очередь, стоит обратить внимание на культуру слова и речи. Цифровое Z-овское поколение в настоящее время интенсивно изучается многими учеными. Мы зачастую, просто не понимаем новое поколение. Отсюда, конфликты в формате «отцы и дети», стремление понять, чего хотят молодые люди, какие ценности особенно для них важны, к чему стремятся в жизни, какие ставят приоритеты? Большинство современной молодежи не способно ставить серьезные цели, сконцентрироваться на чем – то важном, преодолевая некоторые трудности. Они, словно пришельцы из другой цивилизации. Новое поколение избрало свой путь коммуникации, избрав свой виртуальный мир и общение в нем. Научиться общаться – важный элемент взаимоотношений в обществе. Ведь, в XXI веке возросли требования к языку, к ораторскому искусству, публичной речи и т.д. Здесь отмечаются как положительные, так и отрицательные моменты. К положительным явлениям можно отнести тот факт, что после исчезновения официальной цензуры, люди более свободно стали выражать свои мысли, их речь открытая и непринужденная, многие, имея богатый словарный запас, могут выступать перед публикой, не читая текст, а как бы, беседуя с аудиторией. Примером могут служить выступления политиков, депутатов, общественных деятелей, а также выступающих по телевидению, на различных встречах, конференциях, переговорах. Заметно меняется характер общения. Русский язык – язык межнационального, (мирового) общения, статус которого настолько велик, что любая языковая погрешность может значительно повлиять на престиж «великого и могучего...» [8].

К отрицательному явлению относятся свобода речевого поведения, игнорирование основных языковых норм. Люди стали свободно без страха высказываться на собраниях, митингах, в газетах, на телевидении. «Ожил» жанр диалога, интервью. На вопросы журналистов, репортеров каждый может сказать, то, что думает, часто употребляя сленг, ненормативную лексику. Очевидна культура и бескультурье, образованность и невежество. Язык не может умереть, напротив, он должен повышать свой потенциал. Конец XX века, различные кризисы вызвали сдвиги и изменения в языке. В устной и письменной речи допускаются множество различных языковых ошибок, которым необходимо дать отпор, тем самым, повышая чувство языковой ответственности. Это, прежде всего, проявляется в нарушении орфоэпических и грамматических норм русского языка. Основной враг повседневного речевого общения – просторечия. Такой

процесс часто называют демократизацией языка. Стоит обратить внимание на речь депутатов, госслужащих, работников радио, телевидения.) Все эти изъяны и речевые недостатки устранены. Мы должны постоянно совершенствовать речевую культуру и обогащать наш родной язык, подчеркивая его приоритетные стороны.

Многие лингвисты, наблюдая падение речевой культуры общества, предлагают ввести санкции за нарушение литературных норм. Возможно, что применение более строгих мер в отношении культуры речи изменит ситуацию к лучшему.

Необходимо, чтобы русский язык был возведен на пьедестал как один из богатейших языков мира, которому нет равных. Следовательно, данный язык обязан предъявлять высокие требования к его носителям.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Изменение русского языка в настоящее время – это процесс закономерный и неизбежный. Изменения в обществе, ведет за собой изменения в языковой системе. Как будет развиваться языковая система в XXI веке, какой в будущем будет представлена культура речи – эти вопросы необходимо будет решать уже сегодня. Однако наблюдается тенденция к снижению языковой культуры. Данный процесс необходимо корректировать и направить в нужное русло. К сожалению, у носителей языка очевиден низкий уровень лингвистического образования, поэтому важнейшей задачей является расширение базы речевой деятельности обучаемых, повышение их языковой культуры. Очень жаль, что многими русский язык сегодня не воспринимается как национальное сокровище предшествующих поколений, как важная составная часть национальной культуры народа.

Это – его сила и оружие, его мудрость и вдохновение, его национальная гордость. Вильям Шекспир предупреждал: «Следите за своей речью, от неё зависит ваше будущее». Над этим стоит задуматься.

Литература:

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студентов. М. : 2017. 201 с.
2. Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. 1877. 194 с.
3. Введенская Л.А. Русский язык и культура речи : учеб. пособие / Л.А. Введенская [и др.]. Ростов-н/Д. : Изд-во «Феникс», 2017. 544 с.
4. Долбина И.А. Русский язык и культура речи / И.А. Долбина [и др.]; Кузбасский государственный университет/ 2018. 63 с.
5. Русский язык сегодня / Под ред. Л.П. Крысина. М. : 2019. 105 с.
6. Скляревская Г.Н. Русский язык конца XX века: Версия Лексикографического описания / Г.Н. Скляревская // Словарь. Грамматика. М., 2011.
7. Черникова Л.Ф. Роль личности в коммуникационном пространстве: культурно-речевой аспект : монография. 2-я глава / Л.Ф. Черникова, Е.А. Ягупова, А.Н. Доморников; Под общей редакцией С.П. Решиковой. Западный : Научно-исследовательский центр «АнтроВита», 2019. С. 27–52.
8. Черникова Л.Ф. Употребление ненормативной лексики (инвективы) как социально-педагогическая проблема (статья). Экономика, управление, право и общество: Сб. материалов I Межрегиональной научно-практической конференции. (Симферополь, КрФ ФГБОУ ВО РГУП, 20.12. 2016 г.). Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 142–145.
9. Шагалова Ю.Н. Русский язык XXI века : учеб. пособ. для студентов. М. : 2017. 312 с.
10. Юдина Н.В. Русский язык в XXI в.: кризис, эволюция, прогресс. 2016. 205 с.

Literature:

1. Valgina N.S. Active processes in modern Russian language : textbook for students. M. : 2017. 201 p.
2. Nekrasov N.A. To whom it is good to live in Russia. 1877. 194 p.
3. Russian language and culture of speech : text. manual / L.A. Vvedenskaya [et al.]. Rostov-on/D., publishing house «Phoenix», 2017. 544 p.
4. Russian language and culture of speech I.A. Dolbin [et al.]; Kuzbass State University 2018. 63 p.
5. Russian language today under the editor. Rat L.P. M. : 2019. 105 p.

6. Sklyarevskaya G.N. Russian language of the late twentieth century: Version of the Lexicographic Description / G.N. Sklyarevskaya // Dictionary. Grammar. M., 2011.
7. Chernikova L.F. Role of personality in communication space: culturally speech aspect: monograph. 2nd chapter / L.F. Chernikova, E.A. Yagupova, A.N. Domornikov; Edited by S.P. Reshchikova. Zapadnyy : Antro-Vita Research Centre. 2019. P. 27–52.
8. Chernikova L.F. The use of profanity (invective) as a socio-pedagogical problem (article). Economics, management, law and society: Materials of the I Interregional Scientific and Practical Conference. (Simferopol, KrF FSBO UVO RGUE, 20.12. 2016). Simferopol : IT «ARIAL», 2016. P. 142–145.
9. Shagalova Yu.N. Russian language of the XXI century: educational method. for students. M. : 2017. 312 p.
10. Yudina N.V. Russian language in the XXI century: crisis, evolution, progres. 2016. 205 p.

**СТРАТЕГИЯ «ХЕДЖИНГ» КАК ВАЖНЫЙ РЕСУРС
АКАДЕМИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ**



**HEDGING STRATEGY AS AN IMPORTANT RESOURCE
OF ACADEMIC COMMUNICATION**

Ярмолинец Лариса Григорьевна
кандидат филологических наук,
профессор,
заведующая кафедрой
иностранных языков,
Краснодарский университет
физической культуры, спорта и туризма
mari.kunina@bk.ru

Larissa G. Yarmolina
Candidate of Philological Sciences,
Professor,
Head of Department
Foreign Languages,
Krasnodar University
Physical Culture, Sports and Tourism
mari.kunina@bk.ru

Лучинская Елена Николаевна
доктор филологических наук,
профессор,
Кубанский государственный университет
mari.kunina@bk.ru

Elena N. Lushinskaya
Doctor of Philology,
Professor,
Kuban State University
mari.kunina@bk.ru

Кунина Мария Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Краснодарский университет МВД РФ
mari.kunina@bk.ru

Maria N. Kunina
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Foreign Languages,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian federation
mari.kunina@bk.ru

Аннотация. Проблематика академического взаимодействия широко исследуется на уровне социальных наук и психологии, однако, получает сравнительно невысокое отражение в лингвистике. Однако языковой аспект взаимодействия преподавателя и учащихся имеет очень большое значение, поскольку образовательная деятельность реализуется в процессе коммуникации между ними. Это определяет актуальность лингвистического рассмотрения образовательной деятельности, включающего в себя анализ применяемых в академической среде языковых форм. В статье рассматривается специфика языковой стратегии хеджинга. Анализируется применимость некатегоричных суждений, в контексте основных функциональных аспектов образовательной деятельности. Доказывается, что хеджинг как лингвистическая стратегия обладает конструктивным значением в рамках академического общения.

**Ключевые
слова:**

хеджинг, образование, коммуникация, язык, лингвистика.

Annotation.

The problems of academic interaction are widely studied at the level of social sciences and psychology, but receive a relatively low reflection in linguistics. However, the linguistic aspect of the interaction between teachers and students is very important, since educational activities are carried out in the process of communication between them. This determines the relevance of linguistic consideration of educational activities, including the analysis of language forms used in the academic environment. The article discusses the specifics of the language strategy of hedging.

The applicability of non-categorical judgments in the context of the main functional aspects of educational activity is analyzed. It is proved that hedging as a linguistic strategy has a constructive meaning in the framework of academic communication.

Keywords: hedging, education, communication, language, linguistics.

Академическое взаимодействие – очень важный процесс, в ходе которого формируется компетентность учащихся, развиваются их навыки, формируется необходимый набор знаний. Само по себе, понятие «академическое взаимодействие» уже указывает на его институциональную, функциональную определенность. Речь идет об общении преподавателя и учащегося, либо о взаимодействии учащихся между собой, подчиненного образовательным задачам.

Основные аспекты академического взаимодействия получают отражение на уровне таких дисциплин, как педагогика, социальная психология, социология образования и т.д. На их уровне рассматриваются основные аспекты деятельности ученика и преподавателя, ключевые формы их взаимодействия, дидактическая методология, влияние статусного аспекта взаимодействия в образовательной среде. Между тем, существует вопрос, имеющий непосредственное отношение к академической деятельности и, вместе с тем, относительно слабо изученный – лингвистическая определенность учебного процесса. Взаимодействие ученика и преподавателя носит четко выраженный коммуникативный характер, и потому осмысление того, при помощи каких языковых средств реализуется данное взаимодействие, имеет первостепенное значение для оценки перспективности образовательного процесса, проблем, возникающих в ходе него, а также – скрытых инструментов воздействия, которые может иметь преподаватель, различающий различные коммуникативные стратегии и осознанно применяющий их в конкретных ситуациях.

В рамках настоящей статьи мы намерены осветить такое явление в языковой академической среде, как хеджинг. Само по себе понятие «хеджинг» возникло в экономической среде, и лишь затем претерпело перенос в область лингвистики, в результате которого приобрело значение самостоятельного термина (хотя, следует отметить, что для понимания лингвистического аспекта хеджинга полезно владеть исходным значением данного термина). Изначально, под хеджингом подразумевалась операция, направленная на страхование экономических рисков за счет действий, предшествующих осуществлению экономических операций в будущем. В лингвистике под хеджингом понимается осуществление таких формулировок, которые способствуют снижению категоричности высказывания и, как следствие, уберегают говорящего от негативных последствий его слов (например, в случае если обнаруживается ошибочность высказывания). Таким образом, хеджинг в лингвистике также представляет собой специфическое действие, направленное на недопущение негативных последствий коммуникативного действия за счет его модификации.

Понятие «хеджинг» ввел в лингвистический обиход Дж. Лакофф, обративший внимание на практику употребления лексических единиц, способствующих снижению категоричности высказывания [2]. Примером подобных лексических единиц могут быть слова «вероятно», «возможно», «предположительно», а также такие связки, как «скорее всего», «на наш взгляд», «с высокой долей вероятности» и т.д., применяемые в ходе высказывания. Данные лексические единицы приводят к позиционированию высказываемого суждения в качестве мнения, либо к отражению неабсолютного характера определенного высказываемого правила, что защищает последнее от критики, связанной с предоставлением контрпримеров. Специфика хеджинга состоит в том, что в рамках его осуществления, по сути, изначально закладываются рамки трактовки сформулированной речевой единицы как некатегоричной, смягченной элементами указания на вероятностный, либо субъективный аспект суждения.

Для чего вообще может быть нужным «смягчение» высказываний в академической сфере, с учетом того, что речь идет о передаче знаний, а также, разнообразных дискуссиях между его носителями? Для того, чтобы ответить на данный вопрос, целесообразно первоначально осветить один языковой аспект научного взаимодействия, который имеет непосредственное отношение к практике хеджинга. Длительное время наука стремилась к достижению четкости и однозначности суждений, что получило выражение, в том числе, в многочисленных языковых исследованиях и проектах, ориентированных на искоренение двусмысленностей в коммуникативной научной среде через создание специфического «языка науки» [1].

Суть данной интенции состоит в том, что научная теория должна быть выражена четко и однозначно, что делает возможной оценку ее корректности и, в том числе, позволяет фальси-

фицировать ошибочную теорию. Вместе с тем, такая установка несет в себе не только пользу, но и существенные издержки, связанные с ограничением научного дискурса в условиях недостатка информации. Более того, тот факт, что современные научные теории не столько претендуют на отражение истины в последней инстанции, сколько ориентированы на формирование максимально приближенного к отражению исследуемого объекта знания, определяет смещение акцентов в научном дискурсе и формирование тенденции некатегоричных суждений в исследовательской среде [4].

Если рассмотреть специфику академического взаимодействия, мы увидим, что преподаватель, взаимодействуя со студентами, реализует три основные функции – обучения, воспитания и контроля [3]. И, как минимум, на уровне двух из трех функциональных аспектов образовательной деятельности категоричность в суждениях преподавателя может иметь деструктивные последствия. С одной стороны, как мы видим по анализу ситуации в науке, категоричность и догматизм не являются ценностями современного научного знания – в нем больше приветствуются корректность в суждениях и скромность исследователей, не претендующих на предельное отражение рассматриваемого объекта. Более того, догматичность в академической среде является вредной в силу того, что наука непрерывно развивается и суждения, приемлемые несколько лет назад, могут быть подвергнуты серьезному пересмотру. По этой причине хеджинг как коммуникативная стратегия препятствует созданию излишнего догматизма в среде учащихся. Это то, что касается непосредственно реализации обучающей функции в академической среде.

По сути, указание на относительный, вероятностный характер некоторых высказываний является в данном случае максимально корректным подходом. Вместе с тем, следует отметить, что и в рамках реализации контролирующей функции осторожность в выражении позиции преподавателя имеет серьезное значение, поскольку учащиеся могут обладать точкой зрения, отличной от позиции преподавателя, однако, имеющей право на существование с научной точки зрения. И в данном случае некатегоричность, корректность преподавателя представляет собой одно из важнейших условий соблюдения конструктивного течения академического процесса, в ходе которого учащиеся, обладающие оригинальной позицией по рассматриваемому в ходе учебного процесса вопросу, не подвергаются подавлению со стороны преподавателя.

Итак, как становится видно из проведенного анализа, хеджинг представляет собой важную стратегию академической деятельности, обладающую серьезным конструктивным потенциалом, поскольку позволяет избежать в рамках коммуникативного взаимодействия преподавателя и учащегося ряда деструктивных последствий, связанных с категоричностью преподавателя. На наш взгляд, хеджинг как коммуникативная стратегия является важной частью академической культуры. Причем, речь идет, с одной стороны, о недопущении преподавателем нарушений в процессе обучения, связанных с чрезмерно категоричной оценкой позиции учащихся, с другой – о привитии самим учащимся склонности к осторожному, корректному выражению своих мыслей в ходе академического процесса.

Литература:

1. Бугорская Н.В. Об определении понятия язык науки / Н.В. Бугорская // Научный вестник МГТУ ГА. 2006. № 102. С. 76–81.
2. Горина О.Г. Лингвистический хеджинг как коммуникативная стратегия (в русле корпусных исследований) / О.Г. Горина, В.Е. Храброва // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 44–53.
3. Зубкова Я.В. Тактики участников русского академического общения (на материале жанра лекции) / Я.В. Зубкова // Известия ВГПУ. 2012. № 8. С. 15–19.
4. Руцкая Е.А. Некатегоричность в научных статьях технической тематики / Е.А. Руцкая, В.В. Звягина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-2(90). С. 371–375.

Literature:

1. Bugorskaya N.V. On the definition of the concept of language of science / N.V. Bugorskaya // Scientific Bulletin of MSTU GA. 2006. № 102. P. 76–81.

2. Gorina O.G. Linguistic hedging as a communicative strategy (in line with corpus research) / O.G. Gorina, V.E. Khrabrova // Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2017. № 3. P. 44–53.
3. Zubkova Ya.V. Tactics of participants in Russian academic communication (based on the lecture genre) / Ya.V. Zubkova // Izvestiya VSPU. 2012. № 8. P. 15–19.
4. Rutsкая E.A. Noncategoricity in scientific articles of technical subjects / E.A. Rutsкая, V.V. Zvyagina // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2018. № 12-2(90). P. 371–375.

ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА НА ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ



THE IMPACT OF SOCIOCULTURAL CONTEXT ON FOREIGN LANGUAGE LEARNING

Ястребова Оксана Ивановна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков,
Российский государственный
университет правосудия,
Северо-Кавказский филиал
miss.oxenia@yandex.ru

Oxana I. Yastrebova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Linguistics
and Foreign Languages,
Russian State
University of Justice,
North Caucasus branch
miss.oxenia@yandex.ru

Аннотация. Профессиональное обучение иностранному языку предлагается для развития способности к межкультурному общению в сфере будущей профессиональной деятельности. Посредством межкультурной компетентности иностранного языка мы также повышаем профессиональную компетентность. В странах, где английский является родным языком, он преподается носителям других языков в качестве дополнительного языка, позволяющего им участвовать во всех сферах жизни этой страны. Во многих странах, где это официальный язык и язык обучения, его преподают как язык для изучения других дисциплин. Это два противоположных контекста для улучшения навыков английского языка. В обоих случаях существуют опасения по поводу трудностей учащихся в выработке адекватного знания английского языка для успешного изучения контента на этом языке. В данной статье анализируется влияние социокультурных факторов на мотивацию студентов к изучению английского языка, выявляются основные проблемы и трудности в преподавании устного английского языка, иллюстрируется взаимосвязь между преподаванием устного английского языка и компетенцией в межкультурном общении. С одной стороны, межкультурное общение играет важную роль в преподавании устного английского языка; кроме того, устное обучение английскому языку способствует развитию межкультурной коммуникационной компетенции. С другой стороны, в некоторых странах английский не является предпосылкой будущей успешной карьеры. Улучшение межкультурных устных навыков общения студентов невозможно без равного внимания к межкультурным навыкам общения и устному обучению английскому языку.

**Ключевые
слова:**

межкультурная коммуникация, культура, преподавание английского языка, мотивация, традиции, социокультурный фактор.

Annotation.

Professional training in a foreign language is offered to develop the ability for intercultural communication in the field of future professional activities. Through the intercultural competence of a foreign language, we also improve professional competence. In countries where English is the first language, it is taught to native speakers of other languages as an additional language, allowing them to participate in all spheres of life in that country. In many countries where it is the official language and the language of instruction, it is taught as a language for other disciplines. These are two opposing contexts for improving English skills. In both cases, there are concerns about the difficulty of learners in developing adequate knowledge of the English language in order to successfully learn content in that language. This article analyzes the influence of socio-cultural factors on the motivation of students to learn English,

identifies the main problems and difficulties in teaching oral English, illustrates the relationship between teaching oral English and competence in intercultural communication. On the one hand, intercultural communication plays an important role in the teaching of oral English; in addition, oral teaching of English contributes to the development of intercultural communication competence. On the other hand, in some countries, English is not a prerequisite for a successful future career. Improving students' intercultural oral communication skills is impossible without equal attention to intercultural communication skills and oral English teaching.

Keywords: intercultural communication, culture, teaching English, motivation, traditions, socio-cultural factor.

На современном этапе развития мирового сообщества крайне важно построение межкультурных отношений с европейскими государствами для тесного сотрудничества в экономической и политической сферах. Поэтому необходимым качеством современного специалиста в области права является способность к профессиональному общению на иностранном языке, что невозможно сделать эффективно без знания правил и норм межкультурного общения. В этом контексте следует обратить внимание на опыт других стран мира, в которых английский не является национальным языком и преподается как иностранный в учебных заведениях. С другой стороны, мы не должны недооценивать влияние социокультурных аспектов на процесс овладения иностранными языками. Вот почему вопрос национальной культуры как мотивирующего фактора представляет для нас определенный интерес.

Целью данной статьи является изучение влияния межкультурных факторов на процесс обучения иностранным языкам студентов в разных странах, где английский преподается как второй иностранный язык, выявление влияния культурных аспектов на мотивацию обучения студентов и особенности формирования коммуникативной компетентности в зарубежных странах.

Проблемы, связанные с процессом изучения иностранного языка, всегда привлекали пристальное внимание отечественных и зарубежных ученых и преподавателей, которые подчеркивали важность компетентности: Г. Болл, В. Байденко, И. Бех, Г. Белицкая, Л. Берестова, Н. Чомский, Г. Дегтярева, Н. Гришанова, С. Гончаренко, А. Кочубей, В. Кремень, В. Куницына, Н. Кузьмина, А. Маркова, Ю. Равен, И. Войнар, Г. Уайт и др. Значительный вклад в изучение процесса изучения иностранных языков внесли в филологическом направлении А. Леонтович, С. Тер-Минасова, Н. Трошина, в этнопсихологии В. Крыско, Н. Лебедева, В. Садохин А. Стефаненко. Однако для обеспечения эффективности процесса формирования компетенции в области иностранного языка с учетом социокультурных особенностей процесса будет полезно обратиться к опыту других стран по этому вопросу, который еще недостаточно изучен.

Во многих странах происходят беспрецедентные образовательные реформы, направленные на повышение эффективности изучения языка, особенно английского как международного, без знания которого специалист не считается конкурентоспособным на рынках труда. В последние годы их министерства образования активно представляют Национальную двуязычную программу, чтобы предоставить гражданам возможность изучать два иностранных языка (английский и родной) и, тем самым, укрепить позиции стран в мировой политике и на транснациональных рынках [1]. Сегодня все больше и больше людей осознают важность английского языка в профессиональной и повседневной жизни.

Английский язык является доминирующим языком мира, который является родным для населения в пяти странах (Австралия, Канада, Великобритания, Новая Зеландия, США). В большинстве неанглоязычных странах обучение иностранному языку происходит в поликультурных условиях, поэтому студенты используют английский для определенных целей, в основном, в формальном образовании, потому что основная часть общения происходит на родном языке [2]. В странах, где английский является родным, он преподается для студентов, не говорящих по-английски, в качестве дополнительного, чтобы они имели возможность участвовать во всех сферах жизни в англоязычных странах.

Таким образом, мы можем констатировать существование двух противоположных контекстов для изучения английского языка: обучение англоязычных студентов для улучшения общих знаний и навыков и обучение не говорящих по-английски студентов для их дальнейшей социализации в англоязычной среде. Общая для обоих этих контекстов, хотя и противоречивая,

это проблема повышения эффективности овладения английским языком для успешного изучения содержания других дисциплин.

Коммуникативная компетентность является общим «замыслом», охватывающим все необходимые навыки для эффективного общения с использованием словесных и невербальных средств. Л. Бахман и А. Палмер считают, что оно распространяется на организационные и прагматические знания. Организационные знания – это знание грамматики на уровне слов и предложений, текстовые знания, которые дают студентам возможность общаться и интерпретировать слова собеседника, и социолингвистические знания, которые позволяют пользователям языка эффективно общаться в социокультурном контексте. В дополнение к этим типам, языковая коммуникативная компетентность включает стратегическую компетентность и психомоторные навыки [1].

В контексте обучения студентов, не говорящих по-английски, важно подчеркнуть ценности культуры и традиций своей страны, которые сильно влияют на мотивацию студентов изучать иностранный язык. Язык и культура являются взаимосвязанными компонентами, которые нельзя рассматривать отдельно [3]. Как культура не может быть отделена от языка, так и язык пронизывает все стороны жизни людей, с помощью которых они строят, понимают мир и передают знания из поколения в поколение. Язык формирует определенный народ как культурную группу, отделяя его от других [4]. Хорошо известно, что язык является одним из главных факторов функционирования общества.

В обществе язык выполняет различные функции: номинативные (способность языка обозначать и представлять вещи и процессы), когнитивные (участие в процессе обучения), общение (участие в процессе общения между людьми) и т.д. Язык позволяет людям идентифицировать себя как элементы определенной социальной группы, которая имеет свое видение мира. Это позволяет людям осознать свой потенциал в настоящее время и увидеть перспективы развития в будущем на основе прошлого опыта. П. Фрейре и Д. Маседо считают, что эти компоненты тесно связаны с экономическими интересами и идеологией нации, которая направлена на продвижение бедных, непривилегированных граждан и национальных меньшинств в логику национального единства, доминирующей культурной традиции. Д. Хаймс считает, что возникновение и функционирование языка напрямую связано с национальными традициями [4].

Следует подчеркнуть, что традиции и социокультурный контекст оказывают существенное влияние на отношение студентов к изучению английского во всем мире. Если социокультурная среда способствует развитию конкуренции, она создает позитивное отношение к обучению и формирует мотивацию для изучения английского языка. Позитивное отношение и мотивация к изучению английского языка часто обусловлены социальной средой. Интересным фактом является то, что это явление существует во всех странах мира, и теоретические исследования показывают, что конкурентная и благоприятная среда значительно повышает мотивацию к обучению. Кроме того, различные исследования показывают, что на уровень владения английским языком существенно влияют разнообразные национальные и социокультурные факторы. Например, в Саудовской Аравии арабский язык считается лингвистическим, культурным и религиозным наследием общества. В то же время, английский язык не считается большинством населения единственным средством успешной жизни, хотя отсутствие навыков общения на английском языке является одним из основных препятствий для поступления в высшие учебные заведения страны. Более того, следует отметить, что нет мотивации изучать английский язык в семьях, если родители к нему равнодушны.

Некоторые религиозные лидеры выражают опасения, что, если в стране будет распространен английский язык, их собственные языковые, культурные и религиозные нормы морали будут забыты. Хотя следует подчеркнуть, что правительство Саудовской Аравии расходует значительные средства на образование и повышение образовательных стандартов при обучении английскому языку в соответствии с международными требованиями [1].

Согласно Оксфордскому словарю, традиция – это долгосрочный обычай или вера, которые передаются из поколения в поколение и влияют на все аспекты человеческой жизни, включая отношение к таким ценностям, как обучение и образование [1]. Понятие «традиция» часто считается основным компонентом религиозных верований, культуры, знаний и навыков, которые не заканчиваются смертью поколения, но сознательно сохраняются и передаются каждому следующему поколению. Это обеспечивает связь между поколениями и сохранением национальных ценностей, норм, символов, отношения и поведения на протяжении всей истории человечества. Следовательно, традиция – это принцип единства, идентичности в любой культуре.

Важно напомнить, что в Саудовской Аравии ее граждане очень сильно преданы традиции, и это избавляет страну от одержимости английским языком и его массовым изучением. Поэтому в таких условиях английский язык никогда не был признан важным фактором успешной жизни в этом обществе. В то же время, в других странах существует мнение о том, что английский язык является важным фактором для получения более высокого социального статуса, уважения и т.д. [1].

В такой латиноамериканской стране, как Колумбия, обучение иностранным языкам для национальных меньшинств направлено на обучение осознанию национальной идентичности студентов, их понимания мира, их отношений с большими народами [4]. Тем не менее, мы должны обратить внимание на тот факт, что в Колумбии существует много земель и предприятий, принадлежащих иностранным компаниям, и поэтому обучение иностранным языкам должно включать некоторые социально-политические вопросы, способствующие реализации индивидуальной и коллективной идентичности [4]. В Китае, как одной из азиатских стран с наиболее быстро растущей экономикой, Министерство образования отмечает, что преподавание английского языка в колледжах должно быть сосредоточено на приобретении навыков межкультурного общения, развитии общих знаний иностранного языка, особенно аудирования и разговорных навыков, необходимых для реальных жизненных ситуаций. Внедрение эффективного общения считается чрезвычайно важным для будущей карьеры и жизни в многокультурном обществе [3].

В результате анализа литературы, мы можем сделать вывод о том, что отсутствие понимания культуры нации, языка, изучаемого студентами, является основной причиной неудач при приобретении навыков и межкультурного общения. В большинстве случаев, основное внимание уделяется традиционным аспектам обучения (произношение, грамматика, словарный запас). К сожалению, изучение соответствующих культур, которые стоят за языком, часто игнорируется. Еще одной причиной неудовлетворительного владения английским языком является неправильное понимание стиля, выбор которого зависит от конкретной ситуации, в которой он важен, и содержания разговора, происхождения собеседников и типа общения. Зачастую, студенты не обращают внимания на звание собеседника, среду, в которой происходит беседа, что, в свою очередь, приводит к неправильному межкультурному общению. В проанализированных материалах исследователи отмечают, что для повышения межкультурной компетенции студентов обучение устной речи должно основываться на соответствующих педагогических, психологических и лингвистических теориях. Обучение устной речи предполагает разнонаправленное взаимодействие в соответствии с целями обучения, содержанием, стратегиями и методами оценки. Зарубежные ученые определили ориентацию на студента, реальную языковую среду, взаимодействие с преподавателем как основные факторы эффективного обучения иностранному языку и совершенствования навыков межкультурного общения студента [3].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о важности изучения языка не только как «кодированной системы знаков». Одним из необходимых условий эффективного обучения иностранному языку является создание условий для освоения студентами специфики межкультурных отношений, а именно, различий в структурах речевых актов родного и изучаемого языков, системы ценностей целевой культуры, особенности вербального и невербального поведения в соответствии с нормами национальной культуры.

Литература:

1. Abad J. (2013). Педагогические факторы, влияющие на обучение в EFL: некоторые аспекты профессионального развития учителей. Профиль, Колумбия. Т. 15. № 1. С. 97–108.
2. Традиционные и социокультурные барьеры в обучении EFL: тематическое исследование. Преподавание английского языка. 2014. Т. 8. № 12. С. 191–208.
3. Преподавание английского как второго языка в Кении и США: конвергенции и расхождения. *Global Education Review*. 2015. № 2(2). С. 84–97.
4. Yesid W. Развитие межкультурной коммуникационной компетенции в практике преподавания устного английского языка. Преподавание английского языка / W. Yesid, E. Almciga. 2010. Т. 8. № 12. С. 7–9.
5. Silenced Fighters: идентичность, язык и мысли народа наса в двуязычном контексте Колумбии. Профиль. Колумбия. Т. 12. № 2. С. 125–140.

Literature:

1. Abad J. (2013). Teaching factors influencing EFL training: some aspects of teacher development. *Profile, Colombia*. 2015. Vol.15. № 1. P. 97–108.
2. Traditional and sociocultural barriers to EFL learning: case study. *Teaching English*. 2014. Vol. 8. № 12. P. 191–208.
3. Teaching English as a second language in Kenya and the United States: convergence and divergence. *Global Education Review*. 2015. № 2(2). P. 84–97.
4. Development of intercultural communication competence in the practice of teaching spoken English. *Teaching English*. 2010. Vol. 8. № 12. P. 7–9.
5. Silenced Fighters: The identity, language and thoughts of the Nasa people in the bilingual context of Colombia. *Profile, Colombia*. Vol. 12. № 2. P. 125–140.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ПОЗИЦИИ КРИМИНОЛОГИИ



INTERPERSONAL RELATIONS FROM THE PERSPECTIVE OF CRIMINOLOGY

Вишневецкий Кирилл Валерьевич

доктор юридических наук,
профессор,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский
университет МВД России
kvishnevecky@mail.ru

Kirill V. Vishnevetsky

Doctor of Law,
Professor,
Head of Department
Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kvishnevecky@mail.ru

Аннотация. Современная криминология достаточно активно исследует личность и поведение потерпевшего от преступления. Однако к взаимоотношениям жертвы и преступника ученые относятся поверхностно, в рамках исследования непосредственно жертвы преступления или отдельных видов преступности, рассматривая взаимоотношения жертвы и преступника как основание для классификации жертв преступлений, исследуя природу связи преступника и жертвы во время совершения убийств и тяжких телесных повреждений.

Ключевые слова:

криминология, виктимология, мотивация преступного поведения, преступник, жертва, «преступления отношений».

Annotation. Modern criminology actively studies the personality and behavior of the victim of a crime. However, the relationship of victim and perpetrator scientists are superficial, the study directly the victim of a crime or of certain types of crime, examining the relationship of victim and perpetrator as a basis for the classification of crime victims, exploring the nature of the relationship of the offender and the victim during the Commission of murder and grievous bodily harm.

Keywords:

Criminology, victimology, motivation of criminal behavior, criminal, victim, «relationship crimes».

Довольно существенное влияние на мотивацию преступного поведения оказывает как поведение и личность жертвы, так и взаимоотношения последней с преступником. Этимология слова «взаимоотношения» адресует нас, прежде всего, к содержанию понятия «отношения», которое имеет несколько определений. Так, под отношениями понимается:

- 1) взаимная связь разных величин, предметов, явлений;
- 2) тот или иной характер поведения, обращения кого-либо с кем-либо;
- 3) связь между кем-либо, возникшая на каком-то основании.

Как видим, в этом определении зафиксирован как объективный характер отношений, то есть разнообразное поведение субъектов, так и субъективное отношение субъектов друг к другу. Учитывая, что категория «отношения» занимает одно из главных мест в психологической науке, мы считаем нужным обратиться к научной разработке данной категории отношений именно с позиций психологии. Заметим, что категории «отношения» принадлежит ведущая гносеологическая функция при разработке проблем мотивов, ценностных ориентаций, установок и других составляющих личности, которые имеют существенное значение для криминологического изучения поведения личности и ситуации совершения преступления.

В результате изучения этой категории в психологии, образовались две основные теории отношений – психическая теория отношений и непосредственно психологическая.

Центральными категориями названных теорий является, соответственно, психические и психологические отношения. Под психическими отношениями ученые понимают переживания

субъектом приятного или неприятного ощущения и вызванных этим переживанием соответствующих ему аффективных реакций [1]. Психические отношения выявляют степень притягательности объекта, осуществляют благоприятное или неблагоприятное воздействие на органы чувств человека. Психические отношения сопровождают любой акт познавательной деятельности человека на конкретно-чувственном уровне отражения и определяют ее эмоциональную окраску. Примером психических отношений является такая ситуация: на остановке общественного транспорта возле кого-то остановился мужчина в состоянии алкогольного опьянения, в грязной одежде и с неприятным запахом. Скорее всего, первой реакцией этого лица будет отвернуться от него или отойти подальше. То есть, он является непривлекательным объектом и негативно влияет на органы чувств (обоняния и зрения), вызывает у человека неприятные эмоции, поэтому человек невольно реагирует. Как мы видим, психические отношения не содержат никаких связей с объектом, а лишь ограничиваются соответствующими реакциями на него.

В свою очередь, психологические отношения – это целостная система индивидуальных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности.

Приведенное свидетельство о том, что психологические отношения, в отличие от психических, раскрывают индивидуальность личности, потому что ее активными компонентами являются сознание, чувство и воля.

С.В. Духновский, считает, что осознанный характер и произвольность психологических отношений придают им конативный (от лат. *conatus* – попытка, усиление, стремление) характер в том смысле, что они направляют поведение и деятельность человека в конкретном направлении, вовлекая в этот процесс такие важные психические образования личности, как потребности, чувства, интересы, убеждения, оценки, волю, внимание и мотив.

Но кроме субъективной активности, человек проявляет еще и объективную активность, которая выражается в его поведении и поступках, совершаемых под влиянием социальных установок. Таким образом, психологические отношения превращаются в социально-психологические, одним из видов которых психологи называют межличностные отношения.

Взаимоотношения – это связи и отношения между людьми, которые они переживают субъективно. Это система межличностных установок, ориентаций, ожиданий, определяемых содержанием совместной деятельности людей и их общения. Взаимоотношения складываются в рамках взаимодействия людей и влияют на характер протекания и интенсивность процесса общения. Взаимоотношения характеризуются избирательностью и нередко ярко эмоционально окрашены: человек отдает предпочтение одним людям, безразличен к другим, не принимает третьих. При этом феномен избирательности обусловлен сферой потребностей человека.

Приведенное определение также демонстрирует субъективно–объективный характер взаимоотношений. Эту особенность подчеркнул и Я.Л. Коломинский, говоря, что в отношении одного человека с другим необходимо различать объективные и субъективные аспекты [2]. А указание на то, что это отношения между людьми, раскрывает их обязательный персонализированный характер – является главной, доминирующей чертой этих отношений. Но, по нашему мнению, этого недостаточно. Когда речь идет о межличностных отношениях, их обязательным признаком должна быть взаимная направленность отношения субъектов. Это также является отличительной чертой межличностных отношений от других видов отношений. Как справедливо замечает Я.Л. Коломинский, взаимоотношения – это обязательные прямые межличностные отношения. Под взаимоотношениями он понимает специфический вид отношения человека к человеку, в котором имеется возможность непосредственного (или опосредованного техническими средствами) одновременного или отсроченного личностного отношения. Все это дает нам основания утверждать, что не будет ошибкой использование терминов «отношения» и «межличностные отношения» как синонимов.

Формирование взаимоотношений в первую очередь характеризуется процессом совместной жизнедеятельности, через общение, межличностное отражение и под влиянием общественных отношений. Заметим, что отдельными разновидностями общей категории отношений являются социальные отношения, под которыми понимают определенную устойчивую систему связей индивидов, сложившиеся в процессе их взаимодействия друг с другом в условиях данного общества. Они преломляются через внутреннее содержание (или состояние) человека и выражаются в его деятельности, личном отношении к окружающей действительности.

Указанный вид отношений раскрывает их сущность в определенных группах. Субъективная связь между людьми может не ограничиваться только групповым (ролевым) взаимодействием (служебной, учебной, соседской и др.). По мнению В.А. Петровского, в любой группе межличностные отношения обуславливаются содержанием, задачами и целями социально зна-

чимой деятельности этой группы [3]. Кроме этого, межличностные взаимоотношения являются динамическими. Они начинаются (и прекращаются) с межличностного события или конкретной жизненной ситуацией. Под последней следует понимать значимое для данного человека изменение в жизни, ключевую роль в которой играет другое лицо, с которым они находятся (или находились) в непосредственном контакте [4].

Межличностные отношения и их проявление являются показателями внутренней психической деятельности человека. Проявление раскрывает, каким образом одна личность воспринимает другую: понимает или нет, любит или ненавидит, подчиняется ей или чувствует себя свободно. То есть, как именно это лицо (объект проявления) отражается в ее сознании. Отношение же характеризует структуру личности субъектов взаимоотношений в зависимости от их потребностей, интересов и ценностных ориентаций, оно демонстрирует понимание таких правовых и моральных ценностей, как свобода и необходимость, добро и зло, справедливость и несправедливость.

Достижения психологии и психиатрии в области исследования взаимоотношений имеют практическое значение и для криминологических исследований: во-первых, при разработке криминологической характеристики межличностных преступлений и, во-вторых, при разработке методов профилактики таких преступлений в случаях диагностирования девиаций во взаимоотношениях.

Рассмотрим межличностные отношения с позиции криминологии. Современная криминология достаточно активно исследует личность и поведение потерпевшего от преступления. Однако к взаимоотношениям жертвы и преступника ученые относятся поверхностно, в рамках исследования непосредственно жертвы преступления или отдельных видов преступности, рассматривая взаимоотношения жертвы и преступника как основание для классификации жертв преступлений, исследуя природу связи преступника и жертвы во время совершения убийств и тяжких телесных повреждений.

Очевидно, что между преступником и жертвой всегда существует объективная связь, независимо от того, знакомы они были раньше или нет. В момент совершения преступления их объединяет время и место совершения преступления. Поведение и состояние потерпевшего определенным образом способствуют или, наоборот, противодействуют совершению преступления. Субъективная же связь «преступник-жертва» имеет место только тогда, когда между ними существуют определенные взаимоотношения – родственные, супружеские, соседские, коммерческие, служебные и т.п., которые протекают в пространстве и времени. Эти отношения наполнены разнообразным содержанием, которое и определяет поведение субъектов. В этом случае потерпевший входит в круг непосредственного окружения преступника и также влияет на формирование преступной мотивации и на принятие им решения совершить преступление.

Один из основоположников виктимологии Ганс фон Гентиг отмечал, что негласное взаимопонимание преступника и жертвы является основополагающим фактом криминологии. Разумеется, никаких договоренностей, тем более паевых, при этом не заключается, однако имеет место интеракция, взаимодействие и обмен элементами причинности [5].

По нашему мнению, свои социальные роли «преступник» и «жертва» субъекты получили вследствие такого жизненного события, как криминальный конфликт, который между ними состоялся. Отношения, имевшие место между ними до совершения преступления, можно отнести к любому виду взаимоотношений, но криминальный конфликт, к которому привели эти отношения, свидетельствует об их отклонении от нормы, то есть девиацию, в процессе их развития и протекания. Это утверждение касается только тех преступлений, субъектами которых являются лица, которые до его совершения находились в определенных отношениях и имели такие социальные роли, как: родители – дети, родные, соседи, сотрудники, друзья или, наоборот, враги. Поэтому считаем целесообразным такие взаимоотношения классифицировать как деструктивные.

Ю.М. Антонян считает, что все насильственные преступления можно назвать «преступлениями отношений» [6]. Чем является связь «преступник – жертва» в механизме преступного поведения и какую роль она в нем играет? Под этой связью мы понимаем взаимоотношения между потенциальным преступником и потенциальным потерпевшим. Эти взаимоотношения возникли в определенное время и определенным образом. Они базируются на определенном фундаменте и не являются криминальными. То есть между субъектами взаимоотношений существует социальная и (или) эмоциональная связь. Таким образом, можно выделить наиболее значимые признаки взаимоотношений жертвы и преступника:

1. Субъектами взаимоотношений выступают физические лица – люди, что указывает на социальный характер взаимоотношений.

2. Наличие определенного отношения субъектов друг к другу, что указывает на существование связи между ними.

3. Динамичность. Связь в динамике проявляется через определенные физические действия, движения, которые можно наблюдать извне, а также, в изменении эмоционального отношения субъектов друг к другу. В отношениях такое взаимодействие может носить как позитивный, так и негативный характер. Позитивное взаимодействие заключается в таком поведении субъектов, которое создает благоприятные условия для нормального сосуществования всех членов группы, развития и реализации интересов каждого. Отрицательная же, наоборот, препятствует таким нормальным процессам.

4. Устойчивость связи характеризуется силой, глубиной субъективного, эмоционального компонента и заключается в том, что даже, когда непосредственное общение субъектов является невозможным, отношения поддерживаются косвенно. Например, в ситуации, когда лицо переезжает на другое место жительства, у него остается связь со своим бывшим окружением, но общение является не постоянным, а периодическим; не непосредственным, а опосредованным (посредством переписки и телефонной связи).

5. Эмоциональное отношение раскрывает субъективный характер связи между субъектами, который заключается в собственном эмоциональном отношении одного субъекта к другому и проявляется в таких чувствах, как любовь, симпатия, уважение или ненависть, равнодушные. Например, в благополучных семьях, обычно, их члены относятся друг к другу уважительно, с любовью, и это отношение взаимное, что способствует их нормальному сосуществованию. Существуют и другие варианты эмоционального сосуществования или душевного восприятия субъектов семьи друг другом, которые мешают субъектам взаимоотношений гармонично сосуществовать. Это свидетельствует о девиантности.

6. Девиантность в отношении субъектов друг к другу имеет место, как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». Девиация со знаком «минус» заключается в негативном, враждебном отношении и поведении лиц друг к другу, в тех ситуациях, когда отношения между ними должны быть положительными. Девиация со знаком «плюс» – это чрезмерное положительное отношение одного субъекта к другому, что мешает ему нормально существовать и действовать по собственному усмотрению. Например, когда родители слишком заботятся о ребенке, не разрешают учиться в том учебном заведении, где он сам желает, или муж так сильно любит свою жену, что безосновательно ревнует и подозревает в изменах, не позволяет ей ходить на работу и общаться с друзьями. Подводя итог, можно сказать, что при анализе взаимоотношений нужно устанавливать следующие элементы: субъекты (физические лица), между которыми существует определенная социальная связь. Эта связь заключается в разных физических формах взаимодействия, создании условий сосуществования (как позитивных, так и негативных), а также, эмоционального отношения субъектов друг к другу. В зависимости от вида взаимоотношений, они имеют свой конкретный предмет, по поводу которого образовались и существуют. Обычно, преступлению могут предшествовать как вполне нормальные дружеские, родственные, деловые отношения, так и конфликтные, напряженные. «Взаимоотношениями жертвы и преступника» они станут после того, как их развитие приведет к созданию криминальной ситуации, то есть девиантность таких взаимоотношений детерминирует совершение преступления. Она способствует возникновению преступной мотивации у одного из субъектов и обуславливает виктимизацию другого. Таким образом, под взаимоотношениями жертвы (потерпевшего) и преступника следует понимать устойчивую социальную связь, существующую между физическими лицами, которая заключается в различных формах взаимодействия по поводу конкретного предмета, характеризуется девиантным эмоциональным отношением субъектов друг к другу и приведшая к созданию криминальной ситуации. Следует заметить, что девиантное отношение возможно как со стороны преступника к потерпевшему, так и со стороны потерпевшего к преступнику, или их отношение одновременно может быть взаимно девиантным. Как видим, взаимоотношения жертвы и преступника отличаются от межличностных отношений лишь тем, что они способствуют криминализации одного субъекта и виктимизации другого, то есть имеют такую дополнительную характеристику, как девиантность.

Исходя из сформулированного нами понятия «взаимоотношения жертвы и преступника», можем сказать, что их структура должна состоять из:

- субъектов взаимоотношений;
- социальной связи между субъектами;

- предмета взаимоотношений;
- субъективного девиантного отношения субъектов друг к другу;
- взаимодействия, то есть объективного поведения субъектов взаимоотношений друг с другом – их деятельности, общения.

Учитывая изложенное, считаем, что взаимоотношения жертвы и преступника возникают и функционируют в рамках межличностных отношений и отличаются от последних дополнительным признаком – девиантностью.

Литература:

1. Духновский С.В. Переживание дисгармонии межличностных отношений : монография. Курган : Изд-во Курганского гос. Ун-та, 2005.
2. Коломинский Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах. Общие и возрастные особенности. Мн. : Изд-во: Тетра Системс, 2000.
3. Петровский В.А. К психологии активности личности / В.А. Петровский // Вопросы психологии. 1975. № 3.
4. Куницина В.Н. Межличностное общение : учебник для вузов. СПб. : Изд. Питер, 2001.
5. Квашис В.Е. Основы виктимологии. М. : изд. NOTABENE, 1999.
6. Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М. : Изд-во Акад. МВД СССР, 1973.

Literature:

1. Dukhnovsky S.V. Experiencing disharmony of interpersonal relations : monograph. Kurgan : Publishing House of Kurgan State University, 2005.
2. Kolominsky Ya.L. Psychology of relationships in small groups. General and age-specific features. Mn. : Publishing house: TetraSystems, 2000.
3. Petrovsky V.A. K psikhologii aktivnosti lichnosti / V.A. Petrovsky // To the psychology of personality activity. 1975. № 3.
4. Kunitsyna V.N. Interpersonal communication : Textbook for universities. SPb. : Ed. Peter, 2001.
5. Kvashis V.E. Fundamentals of victimology. M. : Ed. NOTABENE, 1999.
6. Antonyan Yu.M. The role of a specific life situation in the commission of a crime M. : Akad Publishing House. Ministry of Internal Affairs of THE USSR, 1973.

**К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ ПО ПРЕСЕЧЕНИЮ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК
И ОБЩЕСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ»**



**TO THE DEFINITION OF «ACTIVITIES OF A POLICE DISTRICT
POLICE OFFICER TO SUPPRESS OFFENSES THAT INFRINGE
ON PUBLIC ORDER AND PUBLIC SAFETY»**

Заброда Дмитрий Григорьевич
кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
административного права
и административной деятельности ОВД,
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России
zabroda_dq@mail.ru

Dmitriy G. Zabroda
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
Administrative Law
and the Administration of the Department
of Internal Affairs,
Crimean branch of Krasnodar
University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
zabroda_dq@mail.ru

Асанов Марлен Усеинович
слушатель,
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России
marik-021@yandex.ru

Marlen U. Asanov
Listener,
Crimean branch of Krasnodar
University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
marik-021@yandex.ru

Аннотация. Обеспечение общественного порядка и общественной безопасности является основной задачей органов внутренних дел Российской Федерации, реализация которой предполагает консолидацию усилий все структурных подразделений полиции, привлечения сил и средств других государственных органов, а также общественности. Проанализированы основные подходы к формулированию понятия «деятельность участкового уполномоченного полиции по пресечению правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность». Выделена специфика данного направления деятельности участкового уполномоченного полиции. Предложена авторская дефиниция этой категории.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, правонарушения, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, пресечение.

Annotation. Ensuring public order and public security is the main task of the internal affairs bodies of the Russian Federation, the implementation of which involves consolidating the efforts of all the structural units of the police, attracting the forces and resources of other state bodies, as well as the public. The main approaches to the formulation of the concept of «the activity of a district police officer to suppress offenses that infringe on public order and public safety» are analyzed. The specifics of this area of activity of the district police officer are highlighted. The author's definition of this category is proposed.

Keywords: district police officer, offenses that infringe on public order and public safety, suppression.

Обеспечение общественного порядка и общественной безопасности является основной задачей органов внутренних дел Российской Федерации, реализация которой предполагает консолидацию усилий все структурных подразделений полиции, привлечения сил и средств других государственных органов, а также – общественности.

Выступая на заседании расширенной коллегии МВД России, В. Путин указал, что «...Министерство внутренних дел традиционно занимает ключевое место в правоохранительной системе России, несёт прямую ответственность за обеспечение общественного порядка, находится на передовой борьбы с преступностью» [1].

В свою очередь, Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции России В.А. Колокольцев отметил, что в 2019 г. четкая организация межведомственного взаимодействия позволила не допустить серьезных инцидентов во время массовых мероприятий, повысить уровень безопасности в общественных местах, в том числе, и на улицах, а развитие правоохранительного сегмента аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» расширить возможности розыскной работы, повысить раскрываемость преступлений и фиксацию административных правонарушений [2].

В тоже время, анализ результатов деятельности полиции в Российской Федерации в 2019 г. (по данным ФГКУ «ВНИИ МВД России») показывает, что чувство защищённости от преступных посягательств на жизнь, здоровье, имущество и т.д. присутствует у 45,7 % (в 2018 г. – у 42,2 %) опрошенных граждан, а на объектах транспорта – у 45,2 % (в 2018 г. – у 41,9 %) [3].

Кроме этого, необходимо обратить внимание и на отношение граждан к полиции. Так, 2 % россиян говорят, что хорошо относятся к полиции, 21 % – что плохо; 41 % уверены в хорошем отношении граждан к полицейским, столько же респондентов полагают, что к ним в стране относятся плохо. Ощущают тревогу при обращении полицейского 26 % респондентов, не ощущают – 68 %. В целом хорошей считают работу полиции 28 % опрошенных, плохой – 21 %, удовлетворительной – 36 % [4].

Сегодня актуализируется потребность в повышении уровня доверия россиян к полиции и деятельности её основных подразделений, обеспечивающих охрану правопорядка, а также формирования безусловного чувства уверенности в безопасности и спокойствии граждан, не зависимо от места их пребывания: дома или в общественных местах.

Одним из путей реализации данной задачи является совершенствование системы противодействия правонарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность, основным признаком которых является место их совершения.

Несмотря на то, что основным подразделением органов внутренних дел, на которые возложены задачи по обеспечению правопорядка в общественных местах, является патрульно-постовая служба полиции, к выполнению задач по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений, совершаемых в общественных местах, привлекаются и участковые уполномоченные полиции.

Кроме этого, при отсутствии подразделений ППСП (например, в сельской или отдаленной местности), УУП выступает основным субъектом организации охраны общественного порядка и безопасности на территории обслуживаемых ими административных участков.

Целью данной публикации является формулирование понятия «пресечение правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность» в контексте деятельности участкового уполномоченного полиции.

Теоретическая основа данной публикации представлена трудами ученых-административистов Ю.Е. Аврутина, О.И. Бекетова, С.Н. Бочарова, И.О. Васюхно, М.Ю. Водяной, В.В. Гущина, А.Г. Гришакова, В.В. Йонаша, Н.Н. Жильского, А.И. Каплунова, К.А. Кареевой-Попелковской, А.В. Коркина, О.О. Лебедевой, Л.Л. Мартыновой, А.В. Никонова, Д.В. Пивоварова, З.А. Пехтеревой, К.Д. Рыдченка, В.В. Тарубарова, В.А. Тюрина, Н.Н. Цуканова и др. Этими учеными сформулирована теория административно-принудительной деятельности органов внутренних дел (полиции), рассмотрена проблематика пресечения правонарушений сотрудниками ОВД в целом и в контексте отдельных видов правонарушений, проанализирован соответствующий правоприменительный опыт.

Анализ научных и учебных публикаций указанных авторов показывает, что в юриспруденции сформированы основные подходы к формулированию понятий «пресечение административных правонарушений», «меры административного пресечения», «административно-пресекательные меры» и схожих с ними категорий.

В связи с тем, что количество публикаций, посвященных общим вопросам административного пресечения, значительно, сосредоточим свое внимание на особенностях административно-правового пресечения в деятельности полиции.

С этимологической точки зрения слово «пресекать» толкуется как «прекращать», «уничтожать», «останавливать» (В. Даль) [5, с. 396]. При дальнейшем лингвистическом анализе ученые отмечают несовпадение объема понятий «пресечение» и «прекращение» (второе включает в себя первое), а также двоякий характер термина «прекращение»: он указывает либо на специфику цели деятельности («положить конец чему-нибудь»), либо на состояние, связанное с окончанием деятельности («перестать делать что-нибудь») [6, с. 581–583].

Следует согласиться с В.В. Степанюк, сделавшей вывод о том, что «...именно в первом значении термин «прекращение» выступает в качестве смыслового источника термина «пресечение». При этом «пресечение», как новообразуемый термин, не только сохраняет базовый элемент своего содержания («прекращение»), но и включает в его объем указание на тот отличительный признак, наличием которого определяется специфика (новизна) обозначаемого понятия в целом («прекратить сразу, остановить резким вмешательством») [7].

В специализированной учебной и научной литературе, как правило, сущность административного пресечения раскрывается путем формулирования понятия «меры административного пресечения».

Наиболее часто встречается следующее определение мер административного пресечения, применяемых в административной деятельности полиции, как «... предусмотренных нормами административного и административно-процессуального права юридических способов и средств психического или физического воздействия, применяемых сотрудниками полиции для прекращения объективно противоправных уголовно или административно наказуемых деяний на месте и во время их совершения, путем прямого вмешательства в действия (деятельность) нарушителя [8, с. 70–71; 9, с. 112–113; 10, с. 17–19; 11, с. 191; 12, с. 45–47].

Иногда это определение дополняется теми или иными признаками:

- характером правоограничений;
- перечислением видов мер воздействия;
- конкретизацией цели пресечения;
- указанием на этапы развития противоправной ситуации (стадия совершения);
- типом обстоятельства (события), наличие которого создает угрозу охраняемым ценностям, требующую немедленного прекращения и др. [13, с. 56–57; 14, с. 33–34; 15, с. 6].

Основная научная полемика связана с пониманием сущности административного пресечения в части его самостоятельности, соотношения с мерами административно-процессуального обеспечения, моментом окончания его использования, а также, с обоснованием потребности нормативного закрепления порядка реализации соответствующих мер.

Для характеристики особенностей пресечения УУП правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, нами предлагается использовать схему структурного анализа административного пресечения, разработанную В.В. Йонашем [16, с. 11–12]. В ходе рассмотрения сущности данной разновидности деятельности УУП, нами выделены её следующие основные признаки:

1) пресечение рассматриваемой группы правонарушений урегулирована преимущественно нормами административного права, определяющими материальные и процессуальные основы соответствующей деятельности УУП;

2) властно-распорядительный характер, проявляющийся в санкционированной государством УУП необходимости и возможности требовать от физических и юридических лиц исполнения его законных распоряжений или соблюдения установленных правил;

3) УУП как субъект административного пресечения представителем государственного органа – органа внутренних дел, который в соответствии с законодательством, наделен контрольно-надзорными полномочиями;

4) адресаты этой деятельности – физические или юридические лица, совершающие правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность;

5) содержание деятельности – правовые ограничения личного, имущественного или организационного характера;

6) форма деятельности – устные, письменные или конклюдентные правоприменительные акты государственного управления;

7) метод деятельности – административно-принудительный, воздействующий на сознание и поведение правонарушителей с целью понудить их прекратить противоправное деяние и исполнить законные требования УУП;

8) основание для применения административного пресечения – нарушение предписаний правовых норм, устанавливающих ответственность в сфере общественного порядка и общественной безопасности;

9) направленность пресекающей деятельности – восстановление нарушенного порядка развития общественных отношений, урегулированных нормами права;

10) непосредственные цели деятельности – прекращение правонарушений, ликвидация противоправных состояний, предупреждение, минимизация (устранение) вредных последствий, создание условий, обеспечивающих привлечение правонарушителя к юридической ответственности.

Таким образом, деятельность УУП по пресечению правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность – это урегулированное преимущественно нормами административного права психологическое, физическое и организационное воздействие УУП на физических или юридических лиц, совершающих правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, с целью их прекращения и обеспечения условий для привлечения виновных к юридической ответственности, устранения угроз общественной безопасности и минимизации (ликвидации) последствий, причинённых правонарушением.

Литература:

1. Стенограмма выступления В. Путина на заседании коллегии МВД России, 26.02.2020. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860>
2. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации, 26.02.2020. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/19639152>.
3. Оценка деятельности полиции в Российской Федерации в 2019 г. (январь 2020 г.). URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion>
4. Работа полиции и отношение к полицейским. URL : <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14465>
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. III.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1990.
7. Степанюк В.В. Административное пресечение правонарушений в системе государственного принуждения Российской Федерации. М. : Закон и право, 2015. № 3. С. 144–146.
8. Административная деятельность полиции: курс лекций. Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2015. Ч. 1. 246 с.
9. Административная деятельность полиции: курс лекций : в 2 ч. / Сост. А.С. Шиенкова, Н.В. Анохина, Е.В. Селянина. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2016, Ч. 1. 288 с.
10. Зорькин В.Е. Меры государственного принуждения, применяемые полицией в процессе охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : учеб. пособие / В.Е. Зорькин. Ставрополь : СФ КрУ МВД России, 2016, 104 с.
11. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел: теория и практика. СПб., 2004.
12. Организация деятельности участкового уполномоченного полиции : учебник. 2-е изд., испр. и доп. / Под. ред. проф. В.А. Кудина. М. : ДГСК МВД России, 2018. 304 с.
13. Мельников В.А. Административное принуждение в деятельности государственной инспекции безопасности дорожного движения : монография. Волгоград : ВА МВД России, 2015. 160 с.
14. Труфанов М.Е. Методы административной деятельности органов внутренних дел: (030505.65 Правоохранительная деятельность) / М.Е. Труфанов; Краснодарский ун-т МВД России. Краснодар, 2016. 50 с.
15. Кареева-Попелковская К.А. Административно-правовое регулирование применения мер пресечения сотрудниками полиции Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / К.А. Кареева-Попелковская. М., 2012. 22 с.
16. Йонаш В.В. Административное пресечение как вид административного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / В.В. Йонаш. Саратов, 2006. 22 с.

Literature:

1. Transcript of V. Putin's speech at a meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 26.02.2020. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860>
2. Speech by the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation, General of the Police of the Russian Federation Vladimir Kolokoltsev at an expanded meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 26.02.2020. URL : <https://xn--b1aew.xn-p1ai/document/19639152>
3. Assessment of police activities in the Russian Federation in 2019 (January 2020) (according to the FSKU «All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia»). URL : <https://xn--b1aew.xn-p1ai/publicopinion>
4. The work of the police and the attitude towards the police. URL : <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14465>
5. Dal V. Interpretive dictionary of the living Great Russian language. M., 1955. Vol. III.
6. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / S.I. Ozhegov; Ed. N.Yu. Shvedova. M., 1990.
7. Stepanyuk V.V. Administrative suppression of offenses in the state coercion system of the Russian Federation. M. : Law and Law, 2015. № 3. P. 144–146.
8. Administrative activities of the police: course of lectures. Voronezh : Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. Part 1. 246 p.
9. Administrative activity of the police: course of lectures : at 2 hours / Originators A.S. Shienkova, N.V. Anokhin, E.V. Selyanin. Krasnodar : Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. Part 1. 288 p.
10. Zorkin V.E. Measures of state coercion used by the police in the process of protecting public order and ensuring public safety: training manual / V.E. Zorkin. Stavropol : Federation Council of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 104 p.
11. Kaplunov A.I. Administrative coercion used by internal affairs bodies: theory and practice. SPb., 2004.
12. Organization of the activities of the district police commissioner: textbook. 2nd ed., correct and additional / under. professional edition. V.A. Kudina. M. : DGSK Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 304 p.
13. Melnikov V.A. Administrative coercion in the activities of the state inspectorate of road safety : monogram. Volgograd : VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015, 160 p.
14. Trufanov M.E. Methods of administrative activity of internal affairs bodies: (030505.65 Law enforcement) / M.E. Trufanov; Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Krasnodar, 2016. 50 p.
15. Kareeva-Popelkovskaya K.A. Administrative and legal regulation of the use of preventive measures by police officers of the Russian Federation : autoref. dis. ... candidate law sciences: 12.00.14 / K.A. Kareeva-Popelkovskaya. M., 2012. 22 p.
16. Jonash V.V. Administrative suppression as a type of administrative coercion : autoref. dis. ... candidate law sciences: 12.00.14 / V.V. Yonash. Saratov, 2006 22 p.

КРИМИНОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ



CRIMINOGENIC POTENTIAL OF THE MODERN INFORMATION ENVIRONMENT

Игнатов Александр Николаевич

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России
aleksandrignatov@mail.ru

Aleksandr N. Ignatov

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Crimean branch of Krasnodar
University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
aleksandrignatov@mail.ru

Аннотация. Представленная автором публикация затрагивает актуальную для современной юридической науки тему, который отмечает, что криминогенный потенциал информационного пространства обусловлен, с одной стороны, криминогенными рисками развития информационных технологий, а, с другой стороны, дефектами духовной сферы современного общества. Анализ современного состояния и перспектив информационно-технологического развития человечества и его криминогенного потенциала позволяет определить основные направления изменения парадигмы обеспечения криминологической безопасности.

Ключевые слова:

информация, информационные технологии, криминал, криминогенный потенциал.

Annotation.

The author's publication touches on a topic relevant to modern legal science, which notes that. The criminogenic potential of the information space is due, on the one hand, to the criminogenic risks of the development of information technologies, and on the other hand, to defects in the spiritual sphere of modern society. Analysis of the current state and prospects of information and technological development of mankind and its criminogenic potential allows us to determine the main directions of changing the paradigm of ensuring criminological security.

Keywords:

information, information technology, crime, criminogenic potential.

Одним из важнейших условий нормальной жизнедеятельности человека и полноценного функционирования общества, в целом, есть постоянная информационная связь с окружающим миром. Общеизвестно, что необходимую информацию человек получает не только из собственного непосредственного опыта, личного общения, но и из разнообразных источников символического характера, таких как книги, радио, телевидение, журналы, газеты и т.п. На современном этапе развития социума и совершенствования информационных технологий человек становится все более зависимым от потока социально значимой информации, которая поступает через сообщения средств массовой информации, средств массовой коммуникации (СМИ, СМК). Ведь жизнь человека все более зависит от массовых коммуникаций, создающих своего рода «другую» реальность, влияние которой не менее значимо, чем влияние реальности, в которой мы живем.

Транслируя информацию, средства массовой информации не видят ни семантических, ни этических, ни любых других препятствий. Кроме того, в условиях динамического потока сообщений не учитывается разность степени важности, значимости разных освещаемых событий. Подобное явление Г. Слотердаик назвал информационным цинизмом [1, с. 344–345]. Несомненно, прекращение информационного контакта может угрожать серьезными проблемами.

Тем не менее, в данном случае речь идет не об этом, а о принципиально противоположном эффекте – когда информация становится не просто избыточной, а начинает выступать в качестве средства манипуляции человеческим сознанием.

Манипуляция сознанием человека стала реальностью настоящего. Если обратиться к тысячелетней эволюции технологий власти, то можно заметить, что, если раньше для управления обществом использовались методы государственного, административного или другого силового принуждения, то сегодня они уступают место информационно-психологическому влиянию. Основная роль в создании подобных условий общественного управления принадлежит СМИ, которые осуществили в буквальном смысле слова переворот в сфере политических и социальных отношений [2, с. 58].

В кибернетическую эру личность все больше и больше подвластна манипуляции. Работа, потребление, досуг человека управляются с помощью рекламы и идеологий. Человек теряет свою активную, ответственную роль в социальном процессе, становится полностью регулируемым и учится тому, что любое поведение, действие, мысль или чувства, которые не вписываются в общий план, создают ему большие неудобства; фактически он уже есть тем, кем он должен быть. Если он старается быть самым собой, то ставит под угрозу – в полицейских государствах – свою свободу и даже жизнь; в демократических обществах – возможность продвижения или рискует потерять работу и (наверное, самое главное) рискует ощутить себя в изоляции, лишенным коммуникации с другими [3].

Именно СМИ, СМК выступают непосредственными носителями и распространителями значащей для определенной части социума информации. Новейшие же информационные технологии в условиях процесса глобализации достаточно динамично распространяются по всему миру, все больше влияя как на разные сферы жизни людей, так, и, собственно, на интеллект современного человека, его мировоззренческие установки. «Mass-media впервые обрели такой масштаб покрытия, которого не знала ни одна рационалистическая энциклопедия, никакое художественное произведение, никакая «философия жизни»: владея неизмеримой «емкостью», они стремительно двинулись к тому, о чем всегда могла только мечтать большая философия, – к тотальному синтезу, понятно, при нулевом уровне интеллекта, в виде тотального арифметического суммирования...» [1, с. 348–349].

В этом смысле можно с уверенностью заявить, что деятельность современных СМИ имеет принципиально манипуляционный характер. Существует ряд причин, определяющих данный факт:

1) причины, связанные с предубежденностью и субъективизмом людей, работающих в сфере массовой коммуникации (личностно-психологические, личностные особенности, предрасположенность, политические пристрастия и т.п.);

2) причины, вызванные политическими и социально-экономическими условиями, в которых работают СМИ (речь идет в основном о зависимости (экономической или административной) СМИ от конкретных социальных субъектов);

3) причины, обусловленные самим процессом функционирования СМИ. При подаче материалов и подготовке сообщений с целью привлечения внимания массовой аудитории СМИ руководствуются определенными правилами и принципами [5, с. 174–199].

Однако основной причиной, по нашему убеждению, является также жажда обогащения.

Официальные СМИ в стремлении к высоким рейтингам перенасыщены информацией об угрозах миру и безопасности граждан, терроризма, экологических, техногенных и других катастроф, разного рода экстремальных событий – голода, войны и т.п. Коммерческие СМИ в погоне за прибылью питают культ потребления человеческими «жертвами», навязывая аудитории в темпе социальных соревнований жесткую потребность в вещах, реально не имеющих ни единой ценности для человека. А акцентировать внимание на криминогенном влиянии сети Интернет, крайне перенасыщенной порнографией и пропагандирующей культ насилия и жестокости продукцией, стимулируя при этом потребителей к обмену информацией и получению, и повышению собственного «статуса» потребителя, вообще не имеет смысла.

Говоря о криминогенных последствиях манипулирования сознанием человека через средства массовой информации и коммуникации, следует учитывать следующие моменты, связанные с информационно-технологическими аспектами данного явления [5, с. 48–50].

Во-первых, сам способ трансляции субъективированной, «готовой», уже кем-то осмысленной информации подчиняет воспринимающего ее, сокращает до минимума возможность появления у него рефлексии. Как было установлено специалистами более полувека назад, подобное получение информационных сообщений из «вторых рук» нарушает биологически де-

терминированный способ усвоения информации и взаимодействия. В психике формируется дематериализованный мир, заменяющий реальный, материальный мир, к которому приспособлены организм и психика человека. В результате приходят болезни, депрессия, распад и разрушение личности и т.п. [6]. Соответствующие отрицательные изменения в психике могут выступать в качестве непосредственных факторов детерминации преступного, прежде всего, насильственного поведения.

Во-вторых, необходимо учитывать специфику информационно-психологического влияния СМИ (СМК), обусловленного, в отличие от межличностного общения, отсутствием обратной связи с источником информации. Это лишает человека возможности корректировать соответствующую информацию и осуществлять встречное контрманипулятивное влияние. Кроме того, часто информационное влияние осуществляется вне нашего сознания и не подвергается контролю. Отсутствие обратной связи с источником отрицательной информации и возможности влиять, контролировать его нередко приводит к психологическому «вымещению» отрицательного агрессивно-деструктивного потенциала, который накопился в человеке, на окружающих.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что криминогенный потенциал информационного пространства обусловлен, с одной стороны, криминогенными рисками развития информационных технологий, а, с другой стороны, дефектами духовной сферы современного общества, пораженной господством культов потребления, насилия и жестокости. В условиях идеологического вакуума и культурного обеднения человека происходит активное манипулирование его сознанием, побочным следствием или прямым результатом чего являются проявления преступного поведения. А само развитие информационных технологий манипуляции сознанием конституирует насильственное поведение человека.

Сегодня уже невозможно игнорировать (проблему интенсивной трансформации насилия, вечно сопровождающего человечество на пути его цивилизационного развития, из сферы физического (энергетического) в сферу психического (информационного) [7, с. 59–65]. Это неизбежно происходит в силу технологизации и информатизации, а, в частности, виртуализации нашей жизни. Параллельное существование наряду с обычной реальностью виртуальной реальности предполагает и виртуальную социализацию личности, криминогенность которой обуславливается заменой обычных социальных норм (сегодня крайне нестабильных и малоликвидных особенно среди молодежи) нормами киберпространства (виртуального мира). Введенное американским психологом Джоном Сулером (John Suler) понятие «эффект он-лайн дезингибиции» (англ. *online disinhibition effect*) емко характеризует эффект, оказываемый киберпространством, которое дает человеку возможность действовать более свободно, чем в реальном социуме [8]. Под воздействием таких факторов, как диссоциативная анонимность, невидимость, асинхронность, солипсическая интроспекция, диссоциативное воображение, минимизация власти и пр. в сочетании с личными качествами пользователя происходит эффект ослабления психологических барьеров, ограничивающих выход скрытых чувств и потребностей, который заставляет людей вести себя в Интернете так, как они, обычно, не поступают в реальной жизни. Возможность трансформации собственной личности или создания альтернативной личности (при одновременной постепенной потере собственного реального «Я»), отсутствие необходимости применять реальные физические усилия для совершения различных действий, отсутствие реального ощущения последствий их совершения, приводит не только к появлению новых виртуальных форм деликвентного поведения, но и к перенесению в реальную жизнь субъективного ощущения вседозволенности и безнаказанности. В результате, последствиями троллинга в Сети являются реальные жертвы суицида, а нас пока еще шокируют выходки стрелков-игроманов, расстреливающих по сценарию любимой «игрушки» людей на улицах, в торговых центрах и школах [9].

Учитывая сегодняшний уровень криминологической культуры населения нашей страны (при отсутствии системы ее выработки и обеспечения, за исключением отдельных несистемных элементов правового воспитания), целенаправленное массированное информационное воздействие может спровоцировать интенсивную криминализацию общества, вплоть до криминального коллапса [10].

С точки зрения криминогенности, технологическое развитие человечества несет угрозу появления все новых высокотехнологичных способов совершения преступлений и появлению качественно новых преступных деяний [11; 12; 13]. И речь здесь идет о самой широкой вариации рисков криминального использования современных информационных технологий, от высокотехнологических способов хищения информации до использования информационных технологий в целях убийства и пр., причем о рисках не только для отдельных людей или социальных групп, но и для всего человечества.

Сегодня темпы развития информационных технологий опережают мышление самых смелых фантастов, создавая огромное поле возможностей и вызовов для всего человечества. Уже сейчас многие продукты ИКТ-революции, такие как 3D-печать, интернет вещей, квантовые вычисления, нейрокомпьютерный интерфейс и суперкомпьютеры создают почву для революции в привычном нам укладе войны, экономики, торговли и производства, быта. Более того, сам человек стоит перед перспективой конвергенции с машиной, как в социально-коммуникативном, так и в непосредственном биологическом смысле [14, с. 19–23].

Общий анализ современного состояния и перспектив информационно-технологического развития человечества и его криминогенного потенциала [15, с. 81–91] позволяет определить в качестве одних из основных следующие направления изменения парадигмы обеспечения криминологической безопасности:

- минимизацию криминогенности существующей параллельно с обычной реальностью виртуальной реальности, предполагающей и виртуальную социализацию, криминогенный потенциал которой обусловлен заменой обычных социальных норм (сегодня крайне нестабильных и малоликвидных особенно среди молодежи) нормами киберпространства (виртуального мира), трансформацией собственной личности или создания альтернативной личности;

- смену объектива уголовно-правовой оценки (конструирования составов и квалификации соответствующих деяний) насильственных преступлений в связи интенсивной трансформацией насилия из сферы физического (энергетического) в сферу психического (информационного), использования информационных технологий и информационного (психического) насилия как способа совершения преступления;

- противодействие криминальному использованию достижений NBICS-технологий с целью уничтожения ресурсов и людей, и, что особо актуально с развитием технологий манипуляции сознанием человека, для управления последними;

- решение вопроса правоспособности и дееспособности, а, соответственно, и уголовно-правовой охраны, и уголовной ответственности искусственного интеллекта.

Учет указанных направлений при формировании криминологической политики и реализации практической деятельности, направленной на противодействие преступности и обеспечение криминологической безопасности, в целом, на наш взгляд, существенным образом позволит минимизировать криминогенные риски развития информационных технологий и современных трансформаций информационного пространства и в конечном итоге обеспечить гармоничное, прогрессивное и безопасное развитие информационной составляющей жизнедеятельности человечества.

Литература:

1. Слотердаик П. Критика цинического разума. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. Феномены, механизмы, защита. М. : МГУ, 1997.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М. : Алгоритм, 2004.
4. Протодьяконов С.А. Политика и антропология на пересечении смыслов в сфере массовых коммуникаций / С.А.Протодьяконов // Философия человека: сб. науч. тр. Омск : Изд-во ОмГУ, 2004. С. 174–199.
5. Игнатов А.Н. Кризис духовной сферы как фактор детерминации экстремизма, терроризма и криминального насилия в целом / А.Н. Игнатов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3(41). С. 48–50.
6. Boorstin D.J. The Image or what happened with the American Dream. New-York : Atheneum, 1961.
7. Игнатов А.Н. О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 4(37). С. 59–65.
8. John Suler. The Psychology of Cyberspace. URL : <http://users.rider.edu/~suler/psycyber/psycyber.html>
9. Игнатов А.Н. «Криминология завтра» нужна уже сегодня / А.Н. Игнатов // Общество и право. 2016. № 4(58). С. 94–100.
10. Игнатов А.Н. Современная криминологическая культура: перспективы развития и возможные «точки невозврата» / А.Н. Игнатов // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции. 2016. С. 158–164.

11. Ларина Е.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность («Коллекция Изборского клуба») / Е.С. Ларина, В.С. Овчинский. М. : Книжный мир, 2018.
12. Овчинский В.С. Технологии будущего против криминала («Коллекция Изборского клуба»). М. : Книжный мир, 2017.
13. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира : учебник для магистратуры. М. : Норма: ИНФРА-М, 2018.
14. Дэйв Эванс. Следует ожидать слияния человека и машины, пока мы не получим единый биокомпьютерный организм / Дэйв Эванс // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 4(107). С. 19–23.
15. Игнатов А.Н. Технологическое развитие человечества и перспективы трансформации уголовной политики и культуры противодействия преступности / А.Н. Игнатов // В сборнике: Уголовная политика и культура противодействия преступности. Материалы Международной научно-практической конференции : в 2-х т. 2018. С. 81–91.

Literature:

1. Sloterdijk P. Critique of Cynical Reason. Yekaterinburg : Ural Publishing House. University, 2001.
2. Dotsenko E.L. Psychology of manipulation. Phenomena, mechanisms, protection. М. : Moscow State University, 1997.
3. Kara-Murza S.G. Manipulation of consciousness. М. : Algorithm, 2004.
4. Protodyakonov S.A. Politics and anthropology at the intersection of meanings in the field of mass communications / S.A. Protodyakonov // Philosophy of man: collection of scientific works. Omsk : Publishing house of OmsSU, 2004. P. 174–199.
5. Ignatov A.N. The crisis of the spiritual sphere as a factor in the determination of extremism, terrorism and criminal violence in general / A.N. Ignatov // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3(41). P. 48–50.
6. Boorstin D.J. The Image or what happened with the American Dream. New-York : Atheneum, 1961.
7. Ignatov A.N. On violence, its types and their criminal-legal reflection / A.N. Ignatov // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 4(37). P. 59–65.
8. John Suler. The Psychology of Cyberspace. Electronic resource. URL : <http://users.rider.edu/~suler/psycyber/psycyber.html>
9. Ignatov A.N. «Criminology tomorrow» is needed today / A.N. Ignatov // Society and Law. 2016. № 4(58). P. 94–100.
10. Ignatov A.N. Modern criminological culture: development prospects and possible «points of no return» / A.N. Ignatov // Criminal policy and the culture of combating crime: materials of the International Scientific and Practical Conference. 2016. P. 158–164.
11. Larina E.S., Ovchinsky V.S. Artificial Intelligence. Big data. Crime («Collection of the Izborsk club»). М. : Book World, 2018.
12. Ovchinsky V.S. Future technologies against crime («Collection of the Izborsk club»). М. : Book World, 2017.
13. Ovchinsky V.S. Criminology of the Digital World : textbook for Master's Degree. М. : Norma: INFRA-M, 2018.
14. Dave Evans. We should expect the fusion of man and machine until we get a single biocomputer organism / Dave Evans // Security Index. 2013. Vol. 19. № 4(107). P. 19–23.
15. Ignatov A.N. Technological development of mankind and prospects for the transformation of criminal policy and the culture of combating crime / A.N. Ignatov // In the collection: Criminal policy and the culture of combating crime. Materials of the International Scientific and Practical Conference : in 2 vol. 2018. P. 81–91.

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОВЛЕЧЕНИЯ
СОТРУДНИКОВ ОВД В КОРРУПЦИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**



**CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE INVOLVEMENT
OF POLICE OFFICERS IN CORRUPT ACTIVITIES**

Кашкаров Алексей Александрович

доктор юридических наук,
доцент,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России
kashkarov79@ya.ru

Alexey A. Kashkarov

Doctor of Law,
Associate Professor,
Head of Department
Criminal Law and Criminology,
Crimean branch
of Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kashkarov79@ya.ru

Сейтаблаев Айдер Нарийманович

слушатель,
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России
kashkarov79@ya.ru

Ayder N. Seitablaev

Listener,
Crimean branch of Krasnodar
University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kashkarov79@ya.ru

Аннотация. Теорией криминологии и уголовного права достаточно широко рассмотрены вопросы вовлечения в совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности, различного рода деструктивные организации и склонение к деструктивной деятельности, а также, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, вовлечение и склонение к вышеуказанным преступлениям и аморальным деяниям можно назвать классическими вовлечениями в преступную деятельность, они системно рассматриваются учеными-криминологами. В статье проведен общий анализ причин, условий, способов, а также, субъектов вовлечения сотрудников органов внутренних дел в коррупционную деятельность. Проведена классификация лиц, которые вовлекают сотрудников органов внутренних дел в коррупционную деятельность.

Ключевые слова:

преступление, коррупция, органы внутренних дел, вовлечение, взятка, должностное преступление.

Annotation.

The theory of criminology and criminal law has broadly addressed the issues of involvement in the commission of crimes of a terrorist nature and extremist orientation, various kinds of destructive organizations and inclination to destructive activities, as well as, the involvement of minors in criminal activities, involvement and inclination to the above crimes and immoral acts can be called classic involvement in criminal activities, they are systematically considered by criminologists. The article provides a general analysis of the reasons, conditions, methods, as well as subjects of involvement of employees of the internal affairs bodies in corruption activities. A classification of persons who involve employees of the internal affairs bodies in corruption activities has been carried out.

Keywords:

crime, corruption, internal affairs bodies, involvement, bribe, malfeasance.

Теорией криминологии и уголовного права достаточно широко рассмотрены вопросы вовлечения в совершение преступлений террористического характера [1] и экстремистской направленности [2], различного рода деструктивные организации и склонение к деструктивной

деятельности [3], а также, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность [4], вовлечение и склонение к вышеуказанным преступлениям и аморальным деяниям можно назвать классическими вовлечениями в преступную деятельность, они системно рассматриваются учеными-криминологами. Однако научные разработки проблем вовлечения сотрудников ОВД в коррупционную деятельность не находят должного интереса среди учёных-криминологов, хотя вопросы, связанные с характеристикой коррупционной преступности сотрудников ОВД и её предупреждение рассматриваются [5; 6; 7]. По нашему мнению, такого рода «научный перевес» обусловлен рядом объективных факторов:

- во-первых, законодатель не предусматривает специального уголовно-правового запрета, связанного с установлением уголовной ответственности за вовлечение в осуществление коррупционной деятельности, ограничиваясь нормами соучастия в преступлении, как это, например, предусмотрено ст. 150 УК РФ, при вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность;

- во-вторых, обстоятельства, способствующие совершению коррупционных преступлений, если так можно выразиться, находятся за рамками интересов общественности, в отличие от вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления.

Исходя из содержания норм и положений действующего УК РФ, мы полагаем, что вовлечение и склонение следует рассматривать, как «часть и целое». Так, Н.Н. Бугера обоснованно полагает, что «вовлечение» по своему содержанию шире, чем «склонение», поскольку предполагает, как возникновение желания у другого лица совершить что-либо, так и фактическое совершение указанных действий. Склонение является одной из форм вовлечения и представляет только психологическое воздействие. В значениях рассматриваемых понятий можно выделить общую цель - возбудить желание у другого лица сделать что-либо неприятное» [8]. Приведенное даёт нам основание использовать понятие «вовлечение» для характеристики понятие «склонение».

Переходя к рассмотрению непосредственно вовлечения сотрудников ОВД в коррупционную деятельность, следует отметить, что условно всю совокупность лиц, которые вовлекают сотрудников ОВД в коррупционную деятельность, можно поделить на несколько групп:

- к первой, следует отнести сотрудников ОВД, коллег вовлекаемого;
- ко второй, сторонние лица, не являющиеся сотрудниками ОВД;
- к третьей, сотрудники правоохранительных органов, в том числе, и ОВД, не являющиеся коллегой вовлекаемого сотрудника ОВД.

Также, можно еще выделить отдельно группу, которая склоняет сотрудника ОВД к совершению коррупционного преступления – это родственники либо близкие лица сотрудника ОВД.

Общность первой группы обусловлена тем, что вовлекающий (вовлекатель) и вовлекаемый являются коллегами по службе, находятся в одном коллективе, выполняют схожие служебные функции. К этой группе следует относить сотрудников одного структурного подразделения, например, следователи одного следственного отделения, либо следователь и сотрудник оперативного подразделения, включенные в состав одной следственно-оперативной группы. Вместе с тем, указанную группу вовлекателей также следует разделить на подгруппы: вовлекателей – руководителей и вовлекателей – коллег. То есть, это вовлечение происходит в коллективе в определенной социальной среде. Следственные органы процесс вовлечения сотрудников ОВД в коррупционную деятельность, которая осуществлялась руководителем структурного подразделения ОВД, или, как мы определили, «коллективом» наряду с квалификацией по статьям Главы 30 УК РФ, такого рода действия дополнительно квалифицируют дополнительно по ст. 210 УК РФ [9; 10] как организация преступного сообщества.

Общность второй группы образуют лица, которые не находятся в трудовых отношениях с ОВД, однако, в силу стечения определенных обстоятельств, заинтересованы в вовлечении (склонении) сотрудника ОВД в коррупционную деятельность. Данную группу вовлекателей также следует разделить на подгруппы:

- лица, которые ситуативно (разово) вовлекают сотрудника ОВД в коррупционную деятельность, например, водитель транспортного средства, задержанный сотрудниками ДПС ГИБДД, предлагает денежные средства за не составление материалов о привлечении к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения;
- лица, которые стремятся вовлечь сотрудника ОВД к коррупционной деятельности на профессиональной основе. К ним можно отнести представителей организованной преступности, адвокатов, «бегунков-решал».

В современной теории криминологии такого рода лица часто именуется – корруптером. Корруптер – инициативный, активный подкуп служащих, нередко с одновременным сильным психическим воздействием на них. Последнее характерно для организованной преступности [11].

Наибольшую опасность представляют лица, вовлекающие сотрудников ОВД в коррупционную деятельность на профессиональной основе, на том основании, что они действуют системно, последовательно, и они вовлекают чаще руководителей структурных подразделений ОВД или лиц, обладающих авторитетами среди иных сотрудников ОВД.

Ситуативное вовлечение сотрудника ОВД в коррупционную деятельность является менее результативным по сравнению с профессиональным вовлечением, так как при профессиональном вовлечении сотрудника ОВД в коррупционную деятельность происходит последовательное изучение личности сотрудника; профессиональные вовлекатели устанавливают коррупционную склонность сотрудника ОВД, подыскивают возможные контакты для вхождения в доверие к сотруднику ОВД для последующего вовлечения последнего, предпринимают различного рода действия для того, чтобы необходимый корруптеру материал попал коррупционно заангажированному сотруднику ОВД. Как отмечают исследователи, такого рода деятельность носит инициативный, активный характер служащих, нередко с одновременным сильным психическим воздействием на них. Последнее характерно для организованной преступности. В США в каждом организованном преступном формировании фиксировалась, как минимум, одна должность корруптера. Корруптеры и подкупают, и запугивают чиновников [12; 13]. Такого рода тщательный подход объясним тем, что корруптеры – профессионалы, которые более чётко осознают характер своих действий, а также, риски, которые могут возникнуть в результате «провала» вовлечения сотрудника ОВД в коррупционную деятельность. Кроме того, такого рода лица понимают, что вовлечение сотрудника ОВД в коррупционную деятельность связана с иной противоправной или преступной деятельностью, что представляет определённого рода выгоду для корруптера как материального, так и репутационного характера.

Отмечая условность выделения такого рода групп и подгрупп вовлекателей, следует отметить, что в «чистом виде» они существуют крайне редко, представляется, что на практике они действуют в симбиозе, который сформирован задолго до появления вовлекаемого сотрудника ОВД на службе.

Изучение механизмов и способов вовлечения и мотивационных процессов при вовлечении в коррупционную деятельность сотрудника ОВД свидетельствует, что они имеют определённые характеристики, что даёт основание выделить общие и специфические черты с некоторыми из других видов вовлечения в преступную деятельность.

Как было отмечено выше, вовлечение в коррупционную деятельность сотрудника ОВД часто происходит в коллективе, в слаженной социальной среде. Аналогичным образом происходит и вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность в определённой социальной среде. В такого рода обстоятельствах вовлекаемый находится под влиянием социальной группы, в случае вовлечения сотрудника ОВД в коррупционную деятельность, которая происходит под влиянием коллектива. Сотрудник ОВД, особенно новый и молодой сотрудник ОВД, при вовлечении в коррупционную деятельность в собственном коллективе находится под психологическим влиянием психологических устоев, которые сложились в коллективе и которые имеют противоправную направленность, а также, под влиянием более авторитетных, влиятельных и заслуженных сотрудников коллектива. В такого рода ситуации, вовлекаемый сотрудник ОВД в коррупционную деятельность, как и несовершеннолетний, вовлекаемый в преступление, может желать быть как все члены коллектива, «не выделяться» своими принципами, соответствовать корпоративным правилам и устоям.

Особенностью вовлечения сотрудника ОВД в коррупционную деятельность является корыстная мотивация самого вовлекаемого сотрудника ОВД, его стремление обогатиться за счёт средств вовлекающего либо за счёт третьих лиц, чьи интересы представляет вовлекающий.

Корыстная мотивация вовлекаемого сотрудника ОВД обосновывает наш вывод о том, что основным способом вовлечения сотрудника ОВД в коррупционную деятельность является подкуп. Без получения личной материальной выгоды либо выгоды в интересах третьих лиц говорить о коррупционных преступлениях нельзя. Иные способы вовлечения в коррупционную деятельность сотрудника ОВД не являются доминирующими, как нам представляется, что получение вознаграждения может быть как до выполнения сотрудником ОВД договорённости, так и после, как отмечают исследователи «сам по себе подкуп не свидетельствует только лишь о

передаче незаконного вознаграждения заблаговременно, до совершения подкупаемой стороной ответных действий в пользу передающего. Подкуп может иметь и характер вознаграждения за уже выполненные действия, и характер расчёта – немедленной передачи денег за совершенные действия» [14]. Законодатель использует ряд терминов, имеющих по своей сути сходство с подстрекательством: «склонение», «вовлечение», которые не исключают использование такого способа, как подкуп [15].

Словарная статья в «Словаре русского языка С.И. Ожегова» определяет, что «подкупить – склонить кого-либо на свою сторону деньгами, подарками, расположить кого-либо в свою пользу» [16]. Однако законодатель использует термин подкуп более широко, так, например в ст. 204 УК РФ предусматривается ответственность, как за получение, так и за передачу [17]. Определяя подкуп как способ вовлечения сотрудника ОВД в коррупционную деятельность, следует исходить из характеристики, указанной С.И. Ожеговым, так как оно в полной мере отражает суть деяния, а законодатель в ст. 204 УК РФ необоснованно расширил характеристику подкупа.

Предметом подкупа могут выступать различные предметы, легальные и нелегальные услуги, имущественные права, однако, предмет подкупа в обязательном порядке должен получить денежную оценку, как это предусмотрено п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 июля 2013 г. № 24 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [18].

Подкуп – это активные действия вовлекающего лица, которые устойчиво ассоциируются с корыстной мотивацией его получателей, на что косвенно указывает имущественный характер предмета подкупа. Подкуп направлен на достижение преступного результата – склонение подкупаемого лица к поведению, удобному подкупающему лицу. Вместе с тем, такое желание входит в содержание прямого умысла и не должно рассматриваться как цель данных преступлений. Кроме того, даже активный подкуп может быть обусловлен требованием и даже вымогательством имущественных благ со стороны подкупаемого лица, а равно, осуществляться за действия (бездействие), уже осуществлённые последним [19].

Причинами и условиями коррупционной преступности и вовлечения сотрудников ОВД в коррупционную деятельность признается симбиоз факторов социального, экономического, политического, управленческого, культурного, исторического, правового, организационного, природного, информационного, психологического характера, а также, самодетерминация коррупционных отношений и, как следствие, коррупционной преступности в обществе, в целом, и в ОВД, в частности.

Лицами, вовлекающими сотрудников ОВД в коррупционную деятельность, могут выступать:

- коллеги вовлекаемого сотрудника ОВД;
- родственники и близкие лица вовлекаемого сотрудника ОВД;
- лица, которые вовлекают сотрудников ОВД в коррупционную деятельность на постоянной, профессиональной основе;
- лица, которые вовлекают сотрудника ОВД в силу сложившихся обстоятельств.

Наибольшую опасность представляют лица, вовлекающие сотрудников ОВД в коррупционную деятельность на профессиональной основе, на том основании, что они действуют системно, последовательно и они вовлекают чаще руководителей структурных подразделений ОВД и/или лиц, обладающих авторитетом среди иных сотрудников ОВД.

Основным механизмом вовлечения сотрудников ОВД в коррупционную деятельность является подкуп, который проявляется в предоставлении сотруднику ОВД различного рода материальных выгод, в виде предметов указанных в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 г «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

Литература:

1. Гаджималикова З.Х. Способы вовлечения в террористическую деятельность / З.Х. Гаджималикова // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 179–182.
2. Пашенко И.В. Технологии вовлечения в ИГИЛ: специфика пропаганды и методы противодействия / И.В. Пашенко // Манускрипт. 2017. № 12-5(86). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-vovlecheniya-v-igil-8-spetsifika-propagandy-i-metody-protivodeystviya>

3. Радькова Л.С. Механизмы вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / Л.С. Радькова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9. С. 218–222
4. Пудовочкин Ю.Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: новые решения и новые проблемы / Ю.Е. Пудовочкин // Пенитенциарная наука. 2012. № 19. С. 4–8
5. Игнатов А.Н. Преступления коррупционной направленности, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел: определение категории / А.Н. Игнатов, А.З. Хун // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-korrupcionnoy-napravlennosti-sovershaemye-sotrudnikami-organov-vnutrennih-del-opredelenie-kategorii>
6. Красовский А.В. Виды коррупционных проявлений в органах внутренних дел и их детерминанты / А.В. Красовский // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4(32). С. 246–250.
7. Корчагина К.А. Коррупция в органах внутренних дел – один из факторов дестабилизации российского общества / К.А. Корчагина // ЮП. 2017. № 3(82). С. 107–112.
8. Бугера Н.Н. Соотношение понятий «Вовлечение» и «Склонение» в уголовном праве России / Н.Н. Бугера // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. №3 (29). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatij-vovlechenie-i-sklonienie-v-ugolovnom-prave-rossii>
9. В Краснодарском крае пресечена деятельность преступного сообщества, в которое входили сотрудники правоохранительных органов URL : <https://sledcom.ru/news/item/1445039/?type=news®ion=605>
10. В Ставропольском крае пресечена деятельность преступного сообщества. URL : <https://sledcom.ru/news/item/1490573/>
11. Корруптер. URL : <https://determiner.ru/termin/korrupter.html>
12. Коррупционная преступность. Понятие и криминологическая характеристика. URL : <https://be5.biz/pravo/k008/19.html>
13. Утебаев Э.К. Коррупция – составляющий элемент составов преступлений взяточничества / Э.К. Утебаев // Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. 2016. № 1. С. 12–13; С. 13.
14. Головин А.Ю. Механизм коррупционных преступлений, совершаемых путем подкупа, и установление его элементов в ходе допроса / А.Ю. Головин, Н.В. Бугаевская // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 5-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-korrupcionnyh-prestupleniy-sovershaemyh-putem-podkupa-i-ustanovlenie-ego-elementov-v-hode-doprosa>.
15. Кашин О.В. Подкуп как проявление склонения, вовлечения и вербовки в статьях Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации / О.В. Кашин // Человек: преступление и наказание. 2015. № 2(89). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/podkup-kak-proyavlenie-skloneniya-vovlecheniya-i-verbovki-v-statyah-osobennoy-chasti-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoj-federatsii>
16. Подкупить. URL : <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=21648>
17. Кашин О.В. Подкуп как уголовно-правовой феномен: к постановке проблемы / О.В. Кашин // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4(87). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/podkup-kak-ugolovno-pravovoy-fenomen-k-postanovke-problemy>
18. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 июля 2013 г. № 24 г. URL : <https://rg.ru/2013/07/17/verhovny-sud-dok.html>
19. Фоменко Е.В. Об общем понятии состава преступления, связанного с подкупом: обоснование необходимости его введения в научный оборот / Е.В. Фоменко // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2019. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-obshchem-ponyatii-sostava-prestupleniya-svyazannogo-s-podkupom-obosnovanie-neobhodimosti-ego-vvedeniya-v-nauchnyy-oborot>.

Literature:

1. Gadzhimalikova Z.Kh. Methods of Involvement in Terrorist Activities / Z.Kh. Gadzhimalikova // State Service and Personnel. 2019. № 3. P. 179–182.

2. Pashchenko I.V. Technologies of involvement in ISIS: specificity of propaganda and methods of counteraction / I.V. Pashchenko // Manuscript. 2017. № 12-5(86). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-vovlecheniya-v-igil-8-spetsifika-propagandy-i-metody-protivodeystviya>
3. Rad'kova L.S. Mechanisms for involving minors in illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues / L.S. Rad'kova // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. № 8–9. P. 218–222.
4. Pudovochkin Yu.E. Involvement of a minor in the commission of a crime: new solutions and new problems / Yu.E. Pudovochkin // Penitentiary Science. 2012. № 19. P. 4–8.
5. Ignatov A.N. Corruption crimes committed by employees of internal affairs bodies: definition of the category / A.N. Ignatov, A.Z. Khun // Bulletin of economic security. 2019. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-korruptsionnoy-napravlenosti-sovershaemye-sotrudnikami-organov-vnutrennih-del-opredelenie-kategorii>
6. Krasovsky A.V. Types of corruption manifestations in the internal affairs bodies and their determinants / A.V. Krasovsky // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4(32). P. 246–250.
7. Korchagina K.A. Corruption in the internal affairs bodies is one of the factors of destabilization of Russian society / K.A. Korchagina // YuP 2017. № 3(82). P. 107–112.
8. Bougera N.N. Correlation of the concepts «Involvement» and «Declination» in the criminal law of Russia / N.N. Bougera // Legal science and law enforcement practice. 2014. № 3(29). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-vovlechenie-i-sklonenie-v-ugolovnom-prave-rossii>
9. In the Krasnodar Territory, the activities of a criminal community, which included law enforcement officers, were suppressed. URL : <https://sledcom.ru/news/item/1445039/?type=news®ion=605>
10. In the Stavropol Territory, the activities of the criminal community were suppressed URL : <https://sledcom.ru/news/item/1490573/>
11. Corrupter. URL : <https://determiner.ru/termin/korrupter.html>
12. Corrupt crime. Concept and criminological characteristics. URL : <https://be5.biz/pravo/k008/19.html>
13. Utebayev E.K. Corruption is a constituent element of the offenses of bribery / E.K. Utebayev // Bulletin of the Kazakh Humanitarian and Legal Innovative University 2016. № 1. P. 12–13; P. 13.
14. Golovin A.Yu. The mechanism of corruption crimes committed by bribery and the establishment of its elements during interrogation / A.Yu. Golovin, N.V. Bugaevskaya // Izvestia TulGU. Economic and legal sciences. 2013. № 5-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-korruptsionnyh-prestupleniy-sovershaemyh-putem-podkupa-i-ustanovlenie-ego-elementov-v-hode-doprosa>
15. Kashin O.V. Bribery as a manifestation of inclination, involvement and recruitment in the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation / O.V. Kashin // Human: Crime and Punishment. 2015. № 2(89). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/podkup-kak-proyavlenie-skloneniya-vovlecheniya-i-verbovki-v-statyah-osobnoy-chasti-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii>
16. Bribe. URL : <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=21648>
17. Kashin O.V. Bribery as a criminal-legal phenomenon: to the problem statement / O.V. Kashin // Man: crime and punishment. 2014. № 4(87). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/podkup-kak-ugolovno-pravovoy-fenomen-k-postanovke-problemy>
18. On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 09, 2013 № 24. URL : <https://rg.ru/2013/07/17/verhovny-sud-dok.html>
19. Fomenko E.V. On the general concept of corpus delicti associated with bribery: justification of the need for its introduction into scientific circulation / E.V. Fomenko // Uchen. app. Kazan. unth. Ser. Humanist. science. 2019. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-obschem-ponyatii-sostava-prestupleniya-svyazannogo-s-podkupom-obosnovanie-neobhodimosti-ego-vedeniya-v-nauchnyy-oborot>

**К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ
В ОТНОШЕНИИ ИМУЩЕСТВА, ПОДВЕРГНУТОГО ОПИСИ
ИЛИ АРЕСТУ ЛИБО ПОДЛЕЖАЩЕГО КОНФИСКАЦИИ**



**ON THE ISSUE OF LIABILITY FOR ILLEGAL ACTIONS
IN RELATION TO PROPERTY SUBJECT TO INVENTORY
OR SEIZURE OR SUBJECT TO CONFISCATION**

Козаев Нодар Шотаевич

доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет
МВД России
nkosaev@mail.ru

Nodar Sh. Kozaev

Doctor of Law,
Associate Professor,
Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University
Ministry of Internal Affairs of Russia
nkosaev@mail.ru

Чуб Инна Сергеевна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет
МВД России
innyla31@yandex.ru

Inna S. Chub

Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer of the Department
Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University
Ministry of Internal Affairs of Russia
nkosaev@mail.ru

Аннотация. На сегодняшний день вопрос уголовной ответственности за неправомерные действия по отношению к описанному или арестованному имуществу, а равно имуществу, которое должно быть конфисковано, стоит весьма остро в структуре деяний, направленных против правосудия. В статье анализируется состав преступления, предусмотренный статьей 312 Уголовного кодекса Российской Федерации. На основании проведенного анализа делается вывод о необходимости внесения изменений и уточнений в указанную статью с целью улучшения правоприменительной практики по данной категории уголовных дел.

**Ключевые
слова:**

уголовная ответственность, преступления против правосудия, состав преступления, конфискация имущества.

Annotation. To date, the issue of criminal responsibility for misconduct in relation to the property described or seized, as well as the property to be confiscated, is very acute in the structure of acts against justice. The article analyzes the corpus delicti provided for in Article 312 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the analysis, it is concluded that it is necessary to make changes and clarifications to this article in order to improve law enforcement practice in this category of criminal cases.

Keywords:

criminal liability, crimes against justice, corpus delicti, confiscation of property.

Н а сегодняшний день вопрос уголовной ответственности за неправомерные действия по отношению к описанному или арестованному имуществу, а равно, имуществу, которое должно быть конфисковано, стоит весьма остро в структуре деяний, направленных против правосудия. В связи с этим, уголовно-правовое изучение состава деяния, закрепленного в ст. 312 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), является обоснованным и актуальным.

В названную статью УК РФ входят две нормы, которые находят свое закрепление в ч. 1 и 2. В соответствии с ч. 1 ст. 312 УК РФ, преступление рассматривается в качестве неправомерной передачи, сокрытия, отчуждения, растраты арестованного или описанного имущества, производимые субъектом, которому было доверено такое имущество, а также проведение работником кредитного учреждения банковских операций с финансовыми ресурсами в виде вкладов, которые были арестованы. На основании ч. 2 ст. 312 УК РФ, в качестве посягательства также рассматриваются случаи присвоения либо сокрытия имущества, которое должно быть конфисковано на основании судебного приговора, и любое другое уклонение от реализации введенного в действие судебного приговора в части назначения его конфискации [1].

Рассматривая содержание указанной статьи, отметим, что исполнение судебных актов является исключительно важным, определяющим этапом отправления отечественного правосудия и, одновременно, выступает завершающей стадией уголовного, административного и гражданского процесса. Федеральным законодательством задачи по осуществлению принудительного исполнения судебных актов, а к числу мер принудительного исполнения отнесено, в том числе, наложение ареста на имущество должника возложены именно на Управление Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации (далее – УФССП России) [2]. При этом в большинстве случаев, в силу различных обстоятельств объективного характера, имущество, подвергнутое описи или аресту, остается у должника на ответственном хранении. При этом должник, расписываясь в акте об аресте, предупреждается об уголовной ответственности по ст. 312 УК РФ.

Рассматривая объект уголовно-правовой охраны указанной нормы, подчеркнем следующее. Общественный вред неправомерных действий, осуществляемых с подобным имуществом, значительно осложняют, а иногда делают невозможной реализацию решения суда в сфере исполнительного производства. Кроме того, подобные действия делают невозможным возмещение вреда, нанесенного деянием или другим правонарушением, и не позволяют конфисковать имущество в соответствии с судебным решением. В качестве непосредственного объекта такого деяния выступают закрепленные в правовых актах правила обеспечения имущества, которое описано или арестовано или должно быть конфисковано. В качестве дополнительного непосредственного объекта выступают правоотношения собственности граждан либо юридических лиц [12, с. 79–84].

В области правоприменительной практики встречались ситуации, когда по рассматриваемой статье граждане были осуждены неправомерно. Подчеркнем, что состав данного деяния с точки зрения состава объективной стороны является формальным. Это означает, что деяние рассматривается как оконченное при осуществлении действия, которые закрепляет диспозиция статьи 312. Иными словами, состав деяния по этой статье формируется только теми действиями преступника, которые он совершил после того, как на имущество был наложен арест или после того, как оно было описано. Но в таком случае, для того чтобы квалифицировать содеянное на основании ч. 1 ст. 312 УК РФ, виновным, которому было доверено имущество, подлежащее описи (аресту), следует выявить, что у него имелся умысел на отчуждение такового именно в целях учинить препятствия для принудительной реализации решения суда [7, с. 30–36].

Приведем пример. Гражданину В. с целью ответственного хранения передали две автомашины. Они были описаны на основании сводного исполнительного производства в сфере взыскания задолженности по выплате зарплаты. Однако В. нарушил запрет и осуществил отчуждение обеих машин третьему лицу. Однако финансы, которые он получил за сбыт данного имущества, виновный перевел на депозитный счет в отдел судебных приставов-исполнителей, которые занимались производством по этому делу. Так, действия виновного помогли ему погасить задолженность по исполнительной документации.

Несмотря на это обстоятельство, в отношении С. было возбуждено уголовное дело, и приговором мирового судьи он был признан виновным и осужден по ч. 1 ст. 312 УК РФ к штрафу в размере 30000 рублей за незаконные действия в отношении имущества, переданного ему на ответственное хранение. В апелляционном порядке приговор оставлен без изменения. И только судебной коллегией по уголовным делам областного суда были отменены решения судов нижестоящих инстанций, а уголовное дело в отношении гражданина С. прекращено с признанием за последним права на реабилитацию. Судебная коллегия прямо указала на отсутствие состав преступления по части 1 статьи 312 УК РФ: «в действиях подсудимого не обнаружены признаки

того, что они каким-либо образом затрудняли или вовсе исключали бы возможность исполнения решения суда в части обращения взыскания на арестованное имущество» [4].

Интересной в этой связи представляется и практика надзорной инстанции. Так, Верховным Судом РФ 24 мая 2016 года рассматривалось дело № 307-КГ16-4649, которым установлено, что бездействие самого взыскателя, длительное время не обращающегося с заявлениями о растрате имущества в службу судебных приставов, свидетельствует об отсутствии интереса к переданном на хранение должника имуществу и при прочих установленных по делу обстоятельствах не свидетельствует о бездействии судебного пристава-исполнителя. При этом Верховный Суд РФ заметил, что «имущество выбыло из-за незаконных действий должника в результате умышленных противоправных действий хранителя и именно действия должника, которому передано на ответственное хранение арестованное имущество, повлекли утрату арестованного имущества и, поскольку с этого момента спорное (арестованное) имущество фактически утрачено (вывезено руководителем должника из места хранения) у судебного пристава отсутствовала возможность обратиться на него взыскание в целях удовлетворения требований взыскателя по спорному исполнительному производству» [5].

Таким образом, в настоящее время прослеживается тенденция усиления роли взыскателя в правоотношениях по принудительному исполнению решения суда и, в связи с этим, отдельными интересантами даже ставится вопрос о возможности включения состава ст. 312 УК РФ в подгруппу уголовных дел частного-публичного обвинения [6, с. 28]. Однако, на наш взгляд, внесение таких поправок будет противоречить существу конструкции состава преступления по ст. 312 УК РФ как преступления, направленного против интересов правосудия, и фактически лишит возможностей самого судебного пристава, как лица, наряду со взыскателем, не менее заинтересованного в исполнении судебного акта, каким-либо воздействовать на должника.

Вместе с тем, отметим, что в последнее время обострилась дискуссия на предмет необходимости частичной или даже полной декриминализации рассматриваемого деяния. Поводом послужили отдельные приговоры судов с назначением санкций, связанных с лишением свободы по ч. 1 ст. 312 УК РФ, за действия должников в отношении арестованного имущества, стоимость которого представляется относительно невысокой. Так, Т.А. Плаксина приводит пример, когда мировым судьей был вынесен обвинительный приговор в отношении гражданина, сокрывшего арестованный телевизор стоимостью 2500 рублей, и последнему назначено наказание в виде одного года лишения свободы условно с испытательным сроком в шесть месяцев [11, с. 34]. Однако позиция научного сообщества по этому поводу разделилась.

Так, в Методических рекомендациях УФССП России по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 312 УК РФ, подчеркивается, что в настоящее время в уголовном законе отсутствует минимальная стоимость арестованного имущества, незаконные действия с которым влекут уголовную ответственность: «последствия, в том числе, в виде размера имущественного ущерба, не выступают признаком анализируемого состава, соответственно, сумма арестованного имущества не влияет на образование состава преступления, предусмотренного ст. 312 УК РФ, но может быть учтена судом при назначении наказания» [10].

В этой связи, некоторые авторы считают, что в подобных случаях необходимо использовать возможности нормы ч. 2 ст. 14 УК РФ и прекращать уголовные дела за отсутствием в действиях обвиняемых состава преступления в силу малозначительности совершенного деяния [9, с. 29].

Заслуживают внимания предложения отдельных ученых-криминалистов о возможности перевода части деяний, подпадающих под действие уголовной нормы в разряд административных правонарушений [8, с. 55–56].

Действительно, общественная опасность рассматриваемого деяния должна быть логично дифференцирована в зависимости от масштабности последствий, причиненных незаконными действиями с арестованным имуществом. Такую дифференциацию в сторону гуманизации в настоящее время уже можно проследить по отдельным положениям уголовного законодательства. К примеру, в силу статьи 1992 УК РФ – сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов, уголовная ответственность наступает только при причинении обвиняемым крупного ущерба (более 1,5 миллиона рублей).

Федеральным законом от 03.07.2016 № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», внесены поправки в примечание к статье 199 УК РФ, и сегодня декриминализованы составы преступлений по ст. 199, 1991, 1992 УК РФ, в которых ущерб причинен на сумму менее 5 мил-

лионов рублей [3]. При этом, в соответствии с новым уголовным законом, лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ст. ... УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба. На наш взгляд именно в этом ключе и следует найти баланс в определении пределов уголовно-правового регулирования по статье 312 УК РФ.

Изложенное позволяет нам сделать определенные выводы. В настоящее время регистрируется достаточно высокое количество преступлений, совершаемых в отношении имущества, повергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации, которые причиняют значительный ущерб интересам правосудия и нарушают права взыскателей. В этой связи, мнение отдельных авторов о необходимости полной декриминализации рассматриваемого состава преступления, а, равно, отнесение преступлений по статье 312 УК РФ к уголовным делам частного-публичного обвинения мы считаем нецелесообразным.

Учитывая важность и необходимость охраны рассматриваемых общественных отношений в сфере отправления правосудия, ряд деяний по ч. 1 ст. 312 УК РФ в настоящее время, все же, следует декриминализировать. Для этого в диспозицию ч. 1 ст. 312 УК РФ следует конкретизировать ущерб путем введения особо квалифицирующего признака – «значительность ущерба, нанесенного незаконными действиями должника». При этом, учитывая предпосылки совершения деяний и характеристики составов преступлений, границу уголовной ответственности следует установить в размере значительности причиненного ущерба, который, в свою очередь, не может составлять менее 10000 рублей. Иначе, незаконные действия с имуществом, подвергнутым описи на сумму ниже данного предела, следует квалифицировать как административное правонарушение с установлением наказаний в виде штрафов, обязательных работ или административного ареста.

На наш взгляд, указанные предложения позволяют в целом более качественно улучшить уголовно-правовую охрану общественных отношений в сфере правосудия и, в частности, сохранить баланс между степенью общественной опасности незаконных действий должников и уголовной ответственностью за их совершение.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с последующими измен. и доп.) // Российская газета. 1996. 18 июня.
2. Федеральный закон от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 20.07.2020) // Российская газета. 2007. 06 декабря
3. Плаксина Т.А. Субъект растраты, отчуждения, сокрытия или незаконной передачи имущества, подвергнутого описи или аресту / Т.А. Плаксина // Уголовное право. 2015. № 1. С. 118.
4. Федеральный закон от 03 июля 2016 № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 10 июля.
5. Определение судебной коллегии по уголовным делам Челябинского областного суда от 17 ноября 2011 г. № 22-2838/2011 // Официальный сайт Челябинского областного суда. URL : <http://www.chel-oblsud.ru/> (дата обращения 19.10.2020).
6. Определение Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 307-КГ16-4649 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL : <http://www.vsrif.ru> (дата обращения 13.10.2020).
7. Аксенов И.А. Взыскатель в исполнительном производстве: защита прав и интересов / И.А. Аксенов // Библиотека РГ. 2014. № 2.
8. Аксенов И.А. Коллекторское агентство или судебный пристав – кого выберет кредитор? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 8. С. 30–36.
9. Виноградов Д.Ю. О некоторых недостатках объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ / Д.Ю. Виноградов // Уголовное право. 2010. № 7. С. 55–56.
10. Гулый А.А. Уголовная ответственность за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту / А.А. Гулый // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 2. С. 28–29.

11. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 312 Уголовного кодекса Российской Федерации «Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации» (утв. ФССП России от 25 апреля 2012 г. № 04-7) // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2012. № 6. С. 65–92.
12. Плаксина Т.А. Незаконные действия в отношении арестованного имущества: оценка возможности и обоснованности частичной декриминализации / Т.А. Плаксина // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 14. С. 31–37.

Literature:

1. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law № 63-FZ of June 13, 1996 (as amended). treason. and more.) // The Russian newspaper. 1996. June 18.
2. Federal Law № 229-FZ of October 02, 2007 «On Enforcement Proceedings» (ed. of 20.07.2020) // RossiyskayaGazeta. 2007. December 06.
3. Plaksina T.A. The subject of embezzlement, alienation, concealment or illegal transfer of property subjected to inventory or arrest / T.A. Plaksina // Criminal Law. 2015. № 1. P. 118.
4. Federal Law № 325-FZ of July 03, 2016 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». 2016. July 10.
5. Ruling of the judicial board for Criminal Cases of the Chelyabinsk Regional Court of November 17, 2011 № 22-2838/2011 // Official website of the Chelyabinsk Regional Court. URL : <http://www.chel-oblsud.ru/> (date of application 19.10.2020).
6. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of May 24, 2016 No. 307-KG16-4649 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL : <http://www.vsrfr.ru> (date of application 13.10.2020).
7. Aksenov I.A. The recoverer in enforcement proceedings: protection of rights and interests. 2014. № 2.
8. Aksenov I.A. Collection agency or bailiff-who will the creditor choose? / I.A. Aksenov // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2014. № 8. P. 30–36.
9. Vinogradov D.Yu. About some shortcomings of the objective side of the crime provided for in Part 1 of Article 312 of the Criminal Code of the Russian Federation / D.Yu. Vinogradov // Criminal law. 2010. № 7. P. 55–56.
10. Guly A.A. Criminal liability for illegal actions in relation to property subjected to inventory or arrest / A.A. Guly // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 2. P. 28–29.
11. Guidelines for the identification and investigation of crimes under article 312 of the Criminal code of the Russian Federation «Illegal actions against property subject to distraint or seizure, or confiscation» (UTV. The Federal bailiff service of Russia dated April 25, 2012 № 04-7) // The Bulletin of the Federal service of bailiffs. 2012. № 6. P. 65–92.
12. Plaksina T.A. Illegal actions in relation to the arrested property: assessment of the possibility and validity of partial decriminalization / T.A. Plaksina // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 14. P. 31–37.

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ
ДЕТЕЙ ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ
(НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**



**POLICY-LEGAL ISSUES OF SECURITY AND PROTECTION
CHILDREN FROM CRIMINAL OBLIGATIONS
(ON THE EXAMPLE OF THE KRASNODAR TERRITORY)**

Чапурко Татьяна Михайловна

доктор политических наук,
кандидат юридических наук,
профессор юридического факультета,
ФГБОУ ВО
«Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»
chapurko@mail.ru

Chapurko Tatiana Mikhailovna

Doctor of Political Science,
Candidate of Legal Sciences,
Professor of the Faculty of Law,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
«Tambov State University
named after G.R. Derzhavin»
chapurko@mail.ru

Ковалева Татьяна Федоровна

магистрант юридического факультета,
ФГБОУ ВО
«Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»
chapurko@mail.ru

Kovaleva Tatiana Fedorovna

Master's Student of the Faculty of Law,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
«Tambov State University
named after G.R. Derzhavin»
chapurko@mail.ru

Поддубная Ирина Евгеньевна

аспирантка юридического факультета,
ФГБОУ ВО
«Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»
chapurko@mail.ru

Poddubnaya Irina Evgenievna

Postgraduate student of the Faculty of Law,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
«Tambov State University
named after G.R. Derzhavin»
chapurko@mail.ru

Аннотация.

Семья – уникальный институт общества, которая оказывает особое влияние на формирование и развитие личности человека, особенно – малолетних и несовершеннолетних детей. Характер семьи, её духовное и нравственное здоровье, а также, уровень материального благополучия во многом определяют облик человека, его общественную и трудовую активность, правильное воспитание детей и в конечном счете успехи и достижения всего общества и государства в целом. Авторами статьи проводится анализ и оценка отдельных региональных показателей состояния охраны и защиты несовершеннолетней части населения Краснодарского края с позиций правоохранительных и государственных органов, а также, общественных организаций и непосредственно населения края.

Ключевые слова:

дети, подростки, несовершеннолетние, преступность, семья, воспитание.

Annotation.

The family is a unique institution of society, which has a special influence on the formation and development of the person's personality, especially minor and minor children. The character of the family, its spiritual and moral health, as well as the

level of material well-being largely determine the person's appearance, social and labor activities, the correct upbringing of children and ultimately the successes and achievements of society and the state as a whole. The authors of the article analyze and evaluate individual regional indicators of the state of protection and protection of the minor part of the population of the Krasnodar region from the positions of law enforcement and state agencies, as well as public organizations and directly the population of the region.

Keywords: children, adolescents, minors, crime, family, upbringing.

В настоящее время государственная политика в России направлена на укрепление российской семьи, увеличение рождаемости, а также – на поддержку традиционных семейных ценностей. И знаковыми в этом направлении стали изменения, вносимые в российское законодательство, принятые в 2020 году в виде поправок в Конституцию Российской Федерации [1], которые закрепили обязанность государства:

- создавать условия, способствующие всестороннему развитию детей;
- обеспечивать приоритет семейного воспитания;
- создавать условия для достойного воспитания детей, а также для всесторонней охраны детей от преступных на них посягательств.

Безусловно, семья – это уникальный институт общества, которая оказывает особое влияние на формирование и развитие личности человека, особенно – малолетних и несовершеннолетних детей. Характер семьи, её духовное и нравственное здоровье, а также, уровень материального благополучия во многом определяют облик человека, его общественную и трудовую активность, правильное воспитание детей и, в конечном счете, успехи и достижения всего общества и государства, в целом. Не случайно, древневосточная мудрость гласит: «Государство – это большая семья, а семья – маленькое государство». И сила одного немыслима без благополучия другого.

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю, численность населения Краснодарского края на 01 января 2020 года составляла 5 млн 675 тысяч 462 человека (в 2018 году – 5 млн 603 тысяч 420 человек, в 2019 году – 5 млн 648 тысяч 235 человек), в том числе, детского населения – 1 млн 185 тысяч 680 детей (в 2018 году – 1 млн 156 тысяч 233 детей, в 2019 году – 1 млн 117 тысяч 301 ребенок).

Семья и семейные ценности – важнейший фундамент, на котором закладывается формирование личности ребенка, а родители являются главными гарантами соблюдения основных прав детей. Кубанская семья под влиянием современных тенденций претерпевает серьезные изменения, последствия которых имеют значение как для нее самой, так и для общества, в целом.

В целях защиты детей от преступных посягательств, охраны их прав и законных интересов, а также – профилактики совершения противоправных деяний правоохранительными органами проводится комплекс мер, направленных на выявление и предупреждение преступлений, как среди несовершеннолетних, так и в их отношении. Так, по итогам 2020 года отмечалось некоторое снижение количества преступлений, совершенных в отношении детей, а именно, 2 тысячи 846 фактов, когда в 2019 году было зарегистрировано – 3 тыс. 130 преступлений и в 2018 году – 2 тыс. 578 преступлений, из которых примерно половину составляют уголовно-наказуемые деяния, предусмотренные статьей 157 Уголовного кодекса РФ (неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей), а именно, в 2018 году – 1 тыс. 462, в 2019 году – 1 тыс. 428, в 2020 году – 1 тыс. 408. Оставшуюся, примерно, половину оставляют преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, что является одной из наиболее тяжких по своим последствиям форм антисоциального, преступного поведения и представляют собой повышенную общественную опасность. Так, по итогам 2020 года отмечался относительно «стабильный» уровень зарегистрированных фактов совершения данного вида преступлений, а именно, в 2020 году – 312 деяний, в 2019 году – 307 фактов [2]. Однако показатель 2018 года намного превышал данные показатели – 467 преступлений, и, как мы полагаем, это снижение можно соотнести с наличием принудительного нахождения детей в период 2019–2020 годов в домашних условиях из-за проблем с COVID-19.

По нашему мнению, в целях предотвращения противоправных деяний в отношении детей особую важность приобретает, как разъяснительная работа среди несовершеннолетних и

их родителей о повышении бдительности, осторожности при общении с посторонними лицами, так и о недопущении нахождения детей одних в общественных местах, на улицах, об организации их сопровождения к местам учебы и отдыха, особенно, в раннее утреннее и позднее вечернее время суток.

Вместе с указанным есть необходимость обратить внимание на данные следственного управления Следственного комитета России по Краснодарскому краю, а, именно, о том, что, несмотря на некоторое снижение количества убийств детей по статьям 105–107 УК РФ (убийство, убийство матерью новорожденного ребенка, убийство в состоянии аффекта), их число остается достаточно высоким: в 2018 году – 12, в 2019 году – 12, в 2020 году – 10.

Не менее актуальной авторы считают серьезную озабоченность общественности в связи с нарастающей угрозой для жизни и здоровья несовершеннолетних, связанной с распространением и употреблением не только алкогольных и наркотических, но и новых видов психоактивных и иных одурманивающих веществ. Так, в 2020 году отмечен рост преступлений, совершенных несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения: в 2018 году – 38, в 2019 году – 22, и в 2020 год – 33; – наркотического опьянения: в 2018 году – 2, в 2019 году – 0, в 2020 году – 3.

Отметим, что в крае проводится системная работа по предупреждению распространения наркомании среди несовершеннолетних, пропаганде здорового образа жизни, пресечению незаконного оборота наркотиков; с этой целью создана система оказания наркологической помощи во всех муниципальных образованиях. Уполномоченные ведомства используют разнообразные, в том числе, дистанционные, формы профилактической работы с несовершеннолетними.

По данным наркологического диспансера министерства здравоохранения Краснодарского края, по итогам 2020 года достаточно высоким остается число несовершеннолетних, состоящих под наблюдением врачей психиатров-наркологов (в 2018 году – 241, в 2019 году – 250, в 2020 году – 212); в том числе:

- употребляющих алкогольную продукцию (в 2018 году – 149, в 2019 году – 129, в 2020 году – 95);
- наркотические вещества (в 2018 году – 63, в 2019 году – 81, в 2020 году – 77);
- токсические вещества (в 2018 году – 29, в 2019 году – 40, в 2020 году – 40);
- впервые взятых под наблюдение специалистами наркологической службы края (в 2018 году – 145, в 2019 году – 131, в 2020 году – 77).

Но и при этом нельзя не отметить положительную тенденции к снижению их числа в прошлом году. Однако проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что одной из главных причин сложившейся ситуации является свободное и беспрепятственное получение подростками информации о наркотических средствах как в социальных сетях, где открыто множество групп, ведущих пропаганду употребления психо-активных препаратов, так и через нарко-трафареты и нарко-граффити. В связи с этим мы полагаем, что принимаемые правоохранительными органами и заинтересованными лицами меры недостаточны для выявления и устранения этой противоправной информации.

Вместе с тем, по данным следственного управления Следственного комитета России по Краснодарскому краю, в 2020 году уменьшилось количество уголовных дел по признакам состава преступления, предусмотренного статьей 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего) – в 2018 году – 45, в 2019 году – 51, в 2020 году – 42.

Однако, несмотря на принимаемые органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений меры, увеличивается количество преступных посягательств на детей со стороны близких родственников и членов их семей – в 2018 году – 38, в 2019 году – 37, в 2020 году – 45, в том числе, родителей – в 2018 году – 29, в 2019 году – 27, в 2020 году – 31, которыми совершались преступления, предусмотренные статьями 105–107, 109–111, 117, 131, 132, 134, 135 Уголовного кодекса РФ.

Авторы статьи убеждены в том, что органам и учреждениям системы профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних первоочередное внимание необходимо уделять предупреждению и раннему выявлению семейного неблагополучия как одному из основных факторов, способствующих снижению уровня защищенности детей. Вместе с этим, особое внимание органами прокуратуры, органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних обращалось:

- на неполноту принимаемых мер по предупреждению антиобщественных действий среди самих несовершеннолетних, распространения среди подрастающего поколения криминальной субкультуры;

- по профилактике совершения преступлений подростками;
- по выявлению причин, провоцирующих подростков к нарушению закона с целью их предотвращения.

В связи с этим, отличительной особенностью 2020 года явилась наметившаяся положительная тенденция к снижению совершения преступлений самими несовершеннолетними, а именно:

- в 2018 году – 990, в 2019 году – 1004, в 2020 год – 936;
- число подростков, имевших опыт преступной деятельности: в 2018 году – 206, в 2019 году – 166, в 2020 году – 151, в том числе, ранее судимых: в 2018 году – 75, в 2019 году – 59, в 2020 год – 53.

Уменьшилась численность участников преступлений, относящихся к категории учащихся: в 2018 году – 552, в 2019 году – 693, в 2020 году – 586 и студентов: в 2018 году – 11, в 2019 году – 25, в 2020 году – 14.

По нашему мнению, достойной альтернативой деструктивному поведению и самой действенной профилактикой по предупреждению преступности среди несовершеннолетних является вовлечение детей в досуговую занятость, в связи с чем, необходимо принять исчерпывающие меры по полному охвату детей, в том числе, состоящих на профилактическом учете, досуговой занятостью, дополнительным образованием, трудовой занятостью и, особенно, во время летних каникул.

Современное российское государство как никакая другая страна нуждается в пополнении людских ресурсов из-за обладания огромной, неравномерно освоенной территорией с богатыми природными ресурсами, что в условиях дефицита на планете энергоносителей, питьевой воды и продовольствия требует присутствия здорового хозяина и боеспособного защитника, а это невозможно без постоянного прироста населения, который, в основном, обеспечивается молодежью, но мы вновь вошли в полосу демографического спада, а проводимые в стране реформы лишь усугубляют положение дел. Поэтому политическое и государственное руководство Российской Федерации ищет выходы из сложившегося положения, разрабатывает и осуществляет приоритетные Национальные проекты. Так, Президент РФ утверждает, что «судьба России, ее историческая перспектива зависит от того, сколько нас будет, зависит от того, сколько детей родится в российских семьях через год, через пять, через десять лет, какими они вырастут, кем станут, что сделают для развития страны и какие ценности будут для них опорой в жизни»[3].

Но, по нашему убеждению, талантливые и самостоятельные граждане гарантированно появляются в той стране, где им комфортно или, по крайней мере, безопасно. Однако наша страна пока не до конца может обеспечить такие условия, и дети, все же, в значительном количестве подвергаются насильственной и сексуальной агрессии и различными формами эксплуатации, что провоцирует в их сознании изначально искаженное восприятие всех сторон жизни людей, и этим обеспечивается их высокая латентность.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Краснодарском крае – 2021 г.
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию – 15 января 2021 года – Москва // Российская газета. 2021. 16 янв.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved in the nationwide vote on July 01, 2020 // Russian newspaper. 1993. 25 Dec.
2. Report of the Commissioner for the Rights of the Child in krasnodar Region – 2021.
3. The message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly – January 15, 2021 – Moscow / Russian newspaper. 2021. 16 Jan.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ
БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ И СПОСОБЫ ЕЁ РАЗВИТИЯ**



**PROFESSIONAL REFLEXION
OF FUTURE TEACHERS AND WAYS OF ITS DEVELOPMENT**

Базаева Фатима Умаровна

доктор педагогических наук,
профессор кафедры педагогики,
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
педагогический университет»,
г. Грозный, Россия
elena_goverdovskaya@mail.ru

Fatima U. Bazaeva

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor of the Department of Pedagogy,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
«Chechen State Pedagogical University»,
Grozny, Russia
elena_goverdovskaya@mail.ru

Аннотация. Одной из главных целей при изучении дисциплин профессионального образования будущего педагога является получение профессиональных знаний и умений. В целом, новые требования к педагогу состоят в том, чтобы уметь действовать не по шаблону, не по заранее и кем-то предписанному конспекту, а гибко, с учетом интересов детей и образовательных задач. Исходя из этого, возникает предположение о том, что ключевой характеристикой педагога должна стать рефлексия – умение оценивать эффективность своих действий и уже исходя из такой оценки их корректировать. Профессиональная рефлексия – это поэтапное осознание себя в процессе своей профессиональной деятельности. В данной статье проводится краткий теоретический обзор понятийного аппарата в области развития понятия «рефлексия» и его соотнесение с понятием профессиональная рефлексия. Описан методический инструментарий, используемый для формирования ключевых компетенций будущих педагогов и развития профессиональной рефлексии.

Ключевые слова:

высшее образование, педагог, рефлексия, способы развития профессиональной рефлексии.

Annotation. One of the main goals in studying the disciplines of professional education of a future teacher is to obtain professional knowledge and skills. In general, the new requirements for the teacher are to be able to act not according to a template, not according to a prescription and someone prescribed by an outline, but flexibly, taking into account the interests of children and educational tasks. Based on this, the assumption arises that the key characteristic of the teacher should be reflection – the ability to assess the effectiveness of their actions and, based on this assessment, correct them. Professional reflection is a gradual awareness of oneself in the process of one's professional activity. This article provides a brief theoretical overview of the conceptual apparatus in the development of the concept of reflection and its correlation with the concept of professional reflection. The methodological tools used for the formation of key competencies of future teachers and the development of professional reflection are described.

Keywords: higher education, teacher, reflection, ways of developing professional reflection.

Сегодня, в условиях стремительно меняющегося мира, в век компьютеров и высоких технологий как никогда растет потребность в высокообразованных специалистах, в сфере педагогики особенно. Следуя запросу времени и общества, вузы основной своей задачей считают воспитание, в первую очередь, хорошо образованного, всесторонне развитого, способного учиться в течение всей жизни, человека. Разработаны на основе педагогической деятельности

стандарты, включающие совокупность компетенций, позволяющих педагогу успешно решать его функциональные задачи.

По мнению В. Шадрикова, И. Кузнецова и др., лишь на основе ключевого показателя – педагогическая рефлексия, можно оценить уровень компетентности в области личностных качеств педагога [5]. Это важная характеристика личности и деятельности учителя, и необходимость её формирования обусловлена актуальным уровнем социокультурных и педагогических требований [4, с. 85]. Рефлексия помогает оценить качество профессионального действия. В свою очередь, профессиональное действие – это те умения, которые нужны взрослому для установления взаимодействия с ребёнком в педагогической деятельности. На современном этапе, при оценке своих действий, качества и соответствия задач современной педагогической деятельности, исходя из развития участников педагогического процесса, при поиске новых форм и линий взаимодействия педагогу необходима профессиональная рефлексия.

Совершенно очевидно, что для характеристики рефлексии в педагогической деятельности необходим специальный конструкт – профессиональная рефлексия. Этот конструкт существует достаточно давно и детально изучен и описан в теории психологии и педагогики. Между тем существует необходимость в определении эффективных стратегий формирования профессиональной рефлексии.

Одним из первых о рефлексии заговорил Дж. Локк. По его мнению, рефлексия – целенаправленный процесс осознанного восприятия реализуемой деятельности с точки зрения осмысления собственного опыта. По мнению Фитхе и Гегеля, рефлексия – это инструмент преодоления складывающихся стереотипов, и данный процесс стоит интерпретировать не как самоанализ профдеятельности, а инструмент развития, самообразования и самосовершенствования. Рефлексия – это возможность отойти от своего опыта, переосмыслить его для решения новых задач, она позволяет зафиксировать противоречия, которые появляются в процессе развития [6, с. 26–29]. В современной психологической литературе довольно часто мы можем встретить терминологическую интерпретацию рефлексии, прежде всего, как самоанализ. Многие авторы, выходя за рамки теоретического понимания, подключают практические особенности данного процесса, то есть, сопоставляют данный процесс с анализом, продуктивным мышлением, личностным развитием, самосовершенствованием и возможностью личности выходить за рамки своей практической деятельности с целью преодоления проблем и обновления деятельности [4, с. 86].

Дж. Дьюи описывал рефлексию педагога как особую форму мышления [7, с. 16]. По мнению Дж. Дьюи, для рефлексии необходимо время, чтобы понять и переосмыслить совершённое действие. Для этого человеку необходимо посмотреть на событие со стороны, занять внешнюю позицию по отношению к этому событию. Все эти действия приводят к тому, что человек начинает осознавать важность знаний и практического опыта о том, где его можно применить. Это и есть результат рефлексии.

Рефлексия – это то, что позволяет педагогу увидеть, как его действия отражаются на действиях, поведении и развитии ребёнка. Э. Лепмерт-Шепель считает, что рефлексия является высшей психической функцией, а значит, её становление связано с освоением культурных средств. «В качестве таких культурных средств Э. Лемперт-Шепель выделяет рефлексивный диалог, нарратив (историю), схему, исследование/наблюдение, метафору» [8]. Совершая рефлексивный выход по отношению к ситуации, человек занимает внешнюю позицию. Это даёт возможность увидеть собственные ограничения в ходе анализа ситуации. Таким образом, появляются два слоя: само действие и собственное понимание действия.

За счёт изменения понимания человек может выстроить новое действие. Для рефлексии необходимо критическое мышление и умение сомневаться в наличном описании реальности. О рефлексивном преодолении проблемной ситуации и его влиянии на развитие писал в своих работах В.К. Зарецкий [3, с. 20]. В своем исследовании В.К. Зарецкий размышляет о рефлексивно-деятельностном подходе. С точки зрения образования будущих педагогов, рефлексивно-деятельностный подход – базовая цель педагога, то есть, создавая определенные условия, педагог должен сподвигнуть учащегося на преодоление проблемной ситуации. Основная задача педагога в этом случае – это помощь для самостоятельного действия. Такое действие является субъектным, оно позволяет ребёнку или подростку справиться с синдромом выученной беспомощности, который сформировался в опыте, и выйти на уровень субъектности действия.

Исследования В.К. Зарецкого показывают, что при таком построении педагогического процесса начинает действовать феномен, который описал Л.С. Выготский, когда один шаг в обучении может дать сто шагов в развитии [2, с. 44–48].

Таким образом, в субъективном понимании феноменологический контекст понятия рефлексия рассматривается как: «Субъектная позиция, деятельность и рефлексия образуют триаду, в которой эти понятия оказываются связанными вполне определенным образом» [3, с. 12]. Это позволяет нам говорить о процессе в результате, которого рефлексия позволяет, в первую очередь, выстраивать целевой ориентир на продуктивность и смыслодержательный контекст реализуемой деятельности, во-вторых, рефлексия – осознание собственного места в реализуемой деятельности с точки зрения субъекта, определение собственной позиции по отношению к собственному труду и профессиональной деятельности.

В профессиональной подготовке педагогов применение рефлексивно-деятельностного подхода предложили использовать Е.И. Булин-Соколова и А.С. Обухов. По их мнению, для того, чтобы педагоги получили опыт, в результате которого оценивается продуктивность деятельности не только на уровне учащихся, но и на уровне педагога, должна сформироваться определенная схема действий «один осознает, как он учит, другой – как и чему он учится» [1, с. 207–225]. В процессе проведения данного опыта должно происходить осознание смыслового контекста деятельности.

Итак, сопоставив различные точки зрения, нам удалось определить, что существуют различные способы развития и понимания профессиональной рефлексии.

Мы полагаем, что рефлексия – это, прежде всего, процесс прояснения, изучение опыта и возникших проблем, осмысление, которое ведёт к изменениям в реализуемой деятельности. Смысловой контекст понятия «рефлексия» на современном этапе достаточно актуален не только для педагогической практики и дальнейшего ее совершенствования, но и профессионального действия. Однако, рассматривая данный процесс на уровне психологического понимания и восприятия, мы можем сказать, что само понятие «рефлексия» раскрыто слабо, так как не понятно, что именно запускает рефлексию, по каким критериям оценивается проблемный фактор, на какие ключевые точки при осмыслении опыта должно быть направлено внимание педагога, а также этапы и критерии оценки рефлексии.

Целесообразно определять уровни рефлексии и их зависимость от того, на что сфокусировано внимание. В зависимости от объективного понимания, фокус внимания может иметь различную направленность: фактический, процедурный, подтверждающий, критический. Из представленных направлений фактический фокус относится к низкому уровню рефлексии, так как основная направленность данного процесса – это рутинный процесс совершаемых действий, к нему, как правило, относят «рутинный» тип учителя. Остальные направления базируются не только на самооценивании, но и оценивании деятельности всех участников образовательного процесса.

Высокий уровень рефлексии – способность анализировать причины и особенности профессиональных действий. Низкий уровень – показатель социального клише, «внешнего коллективного кода» в результате которого человек не выходит за рамки возможного. Таким образом, в данном случае, педагог использует рефлексию механически, так как не может на практике учесть все различные варианты развития событий, особенности детей, с которыми он работает, различные точки зрения и так далее. В этом случае должен применяться метод «рефлексивно-выхода», т.е., рефлексия даёт возможность приостановить свою деятельность и выйти за её пределы.

Совершая рефлексивный выход по отношению к ситуации, человек занимает внешнюю позицию. Это даёт ему возможность увидеть собственные ограничения в ходе анализа ситуации. Таким образом, появляются два слоя: само действие и собственное понимание действия.

Если рассмотреть данный вопрос с точки зрения практического применения и реализации именно в процессе обучения будущих учителей, то в качестве основных путей развития рефлексии в вузе используют:

- групповые дискуссии и обратную связь;
- в процессе практики ведение рефлексивных дневников, сопоставление своей практики с существующими теоретическими подходами;
- наставничество (кураторство);
- проведение самооценки, создание программ практико-исследовательского характера (экспериментального и апробационного типа).

Часто, в таких программах для развития профессиональной рефлексии одновременно используется несколько средств. К примеру, при подготовке учителей музыки и изобразительного искусства используются разные способы развития профессиональной рефлексии:

- самоанализ практики;
- анализ видео и фото своей работы с учащимися;

- рефлексия практики с опорой на вопросник;
- документирование;
- протоколирование;
- ведение записей наблюдения за учащимися.

В процессе формирования профессиональной рефлексии у студентов используется различный практический инструментарий, позволяющий им не только грамотно вытраивать исследовательскую часть в процессе практики, но и сопоставлять апробационный материал, выявлять положительные и отрицательные моменты, делать заключение, правильно оценивать критику и быть самокритичным. Самокритика, в этом контексте, должна выступать как движущий фактор для саморазвития и совершенствования своей профессиональной деятельности. Охарактеризуем основные способы, для развития профессиональной рефлексии, используемые в процессе практики студентами.

Самоанализ. Эта форма рефлексии проводится устно или письменно, итогом являются записи студентов в дневнике практики после проведения деятельности с детьми во время педагогической практики. Обучение самоанализу включено в программу практики подготовки специалистов. Оно состоит из двух этапов.

На первом этапе проводится обучение студентов анализу педагогической деятельности. Студенты наблюдают за работой специалистов в дошкольных учреждениях, анализируют их работу с опорой на вопросники и пишут анализ.

На втором этапе студенты учатся анализировать свою деятельность, то есть, пишут уже самоанализ, но с опорой на вопросники. Акцент в данной работе делается на том, что у студентов получилось в соответствии с поставленной целью развития детей дошкольного возраста, какие возникли сложности с реализацией цели с проведением деятельности, в чём причины сложностей, что студент планирует делать в дальнейшем, чтобы закрепить успех и скорректировать проблемные места.

Сложности, которые можно выделить из практики обучения студентов в этом виде работы:

- часто анализ и самоанализ пишутся формально;
- текст сводится к перечислению действий без поиска логических взаимосвязей между целью деятельности;
- действиями воспитателя и детей и полученным результатом;
- редко студент может выйти на новый уровень своей деятельности, так называемый, рефлексивный выход.

Анализ видео. Эта форма работы фактически мало используются при подготовке специалистов дошкольного воспитания, хотя несёт в себе очень мощный рефлексивный потенциал. При просмотре видео человек наблюдает себя со стороны. У него есть возможность увидеть в своей практике сильные стороны и дефициты, на которые он может работать, изменяя свою деятельность в соответствии с увиденным со стороны в записи. Этот инструмент позволяет более тонко корректировать собственную педагогическую деятельность. При обучении анализу видео обязательно нужен наставник (куратор), который помогает студенту тем, что обращает внимание на положительные моменты в видео, на дефициты и на то, что можно поменять в деятельности. Данный инструмент помогает быстрее понять, что так, а что не совсем так, и как поменять свою деятельность, потому что студент реально видит картинку: как он осуществляет деятельность с детьми, минимум искажений, не надо припоминать и вспоминать.

При использовании этого инструмента тоже есть свои сложности. Одна из них связана с преодолением барьера «меня будут оценивать», и переходом на уровень анализа «мне помогут увидеть, как сделать мою работу с детьми более качественной», а в дальнейшем – на рефлексивный уровень «я могу соотнести свою цель/замысел с тем, что получилось и сделать лучше/ по-другому / более качественно и так далее, то есть – рефлексивный выход».

Рефлексивный анализ видео по своей сути очень похож на самоанализ практики студентов тем, что тоже представляет собой оценивание своей деятельности с опорой на вопросы. Но есть существенное отличие. Если в самоанализе вопросы формулируются с учётом вида деятельности (игра, непосредственная образовательная деятельность, взаимодействие с родителями и так далее), то тут общий, универсальный бланк, применимый для любого подвида педагогической деятельности. В основе сопоставление замысла результата, что, на взгляд студента, получилось – не получилось, пути решения/ устранения дефицита и рефлексивный выход.

Несмотря на универсальность, здесь тоже есть свои сложности. И эти сложности очень похожи на сложности в самоанализе практики. Здесь также возможно простое перечисление действий, без соотнесения с целью деятельности, зачастую, нет соотнесения действий педагога/ студента с изменениями в поведении детей, нет выхода на решение возникших в ходе деятельности сложностей или решение формальное, зачастую прописываются сложности студента при организации деятельности, а не сложности при решении поставленных задач.

Бальная проф-оценка. Позволяет настроить фокус восприятия педагогической деятельности, направлена на работу с аргументацией. То есть, надо не только отметить в бланке, что ты видишь, но и аргументировать, как ты это увидел, провести градационные приоритеты в соответствии с баллами. При работе с данным методом так же, как и при обучении самоанализу, необходимы два этапа.

Первый этап – оценка деятельности или видео других специалистов с использованием бланка «проф баллы».

Второй этап – оценка своего видео с использованием этого бланка. При настройке фокуса внимания очень важна работа с аргументом.

Данный инструмент позволяет натренировать умение выделять наблюдаемое в деятельности. Сложности при использовании данного инструмента связаны, в основном, с аргументированием. Часто студент отмечает наблюдаемое верно, но как он это заметил, сказать не может. Либо приводит нерелевантный аргумент. В этом процессе очень важно использовать рефлекссию, чтобы понять, как отметить наблюдаемое, на что обращается внимание, что выделяется в качестве аргумента и какова оценка в баллах.

Итак, рефлексия возникает в диалоге, когда разные участники процесса представляют своё видение ситуации. Рефлексия позволяет педагогу стать субъектом своей деятельности, понимать, что и зачем он делает, совершая педагогическое действие. На основе этого рефлексивного понимания педагог определяет будущие стратегии своего взаимодействия. Это понимание позволяет ему осуществлять выбор задач на основе его индивидуальных особенностей, интересов, инициатив и возникающих во взаимодействии ситуаций. То есть, профессиональная рефлексия позволяет педагогу строить гибкое профессиональное действие в зависимости от культурных норм и возможностей участников педагогического процесса.

Литература:

1. Булин-Соколова Е.И. Будущее педагогическое образование. Направление движения и первые практические шаги / Е.И. Булин-Соколова, А.С. Обухов, А.Л. Семенов // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. № 3. С. 207–225.
2. Зарецкий В.К. Теорема Л.С. Выготского «Один шаг в обучении — сто шагов в развитии»: в поисках доказательства / В.К. Зарецкий // Культурноисторическая психология. 2015. Т. 11. № 3. С. 44–63.
3. Зарецкий, В.К. Становление и сущность рефлексивно-деятельностного подхода / В.К. Зарецкий // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 2. С. 8–37.
4. Колышева Т.А. Профессионально-личностная рефлексия педагога-музыканта: операциональный компонент / Т.А. Колышева, Т.И. Благинина // Музыкальное искусство и образование/Musical Art and Education. 2020. Т. 8. № 3. С. 86.
5. Профессиональная рефлексия как условие продуктивной педагогической деятельности. URL : <https://urok.1sept.ru/articles/659584> (режим доступа 20.03.2021)
6. Шиян О.А. Развитие рефлексии в рамках педагогической практики будущих воспитателей: обзор современных подходов / О.А. Шиян [и др.] // Вестник московского городского педагогического университета. Серия: педагогика и психология. Педагогическое образование. 2019. № 4-50. С. 25–36.
7. Шиян, О.А. Средства развития профессиональной рефлексии педагогов дошкольного образования / О.А. Шиян [и др.] // Современное дошкольное образование. 2019. № 4(94). С. 14–35.
8. Lampert Shepel E. Reflective Thinking in Educational Praxis: Analysis of Multiple Perspectives / E. Lampert Shepel // Educational Foundations, Summer. 1999. URL : https://www.academia.edu/16674480/Reflective_Thinking_in_Educational_Praxis_Analysis_of_Multiple_Perspectives (access mode 20.03.2021).

Literature:

1. Bulin-Sokolova E.I. Future of Education. Direction of movement and first practical steps / E.I. Bulin-Sokolova, A.S. Obukhov, A.L. Semenov // Psychological science and education. 2014. Vol. 19. № 3. P. 207–225.
2. Zaretskiy V.K. Theorem L.S. Vygotsky «One step in learning - one hundred steps in development»: in search of evidence / V.K. Zaretsky // Cultural history psychology. 2015. Vol. 11. № 3. P. 44–63.
3. Zaretsky V.K. Formation and the essence of the reflexive-activity approach / V.K. Zaretsky // Advisory psychology and psychotherapy. 2013. № 2. P. 8–37.
4. Kolysheva T.A. Professional-personal reflection of a teacher-musician: an operational component / T.A. Kolysheva, T.I. Blaginina // Musical Art and education / Musical Art and Education. 2020. Vol. 8. № 3. P. 86.
5. Professional reflection as a condition for productive pedagogical activity. URL : <https://urok.1sept.ru/articles/659584> (access mode 20.03.2021).
6. Shiyani O.A. Development of reflection in the framework of pedagogical practice of future educators: a review of modern approaches / O.A. Shiyani [et al.] // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: pedagogy and psychology. Pedagogical education. 2019. № 4-50. P. 25–36.
7. Shiyani O.A. Means of development of professional reflection of teachers of preschool education O.A. Shiyani [et al.] // Modern preschool education. 2019. № 4(94). P. 14–35.
8. Lampert Shepel E. Reflective Thinking in Educational Praxis: Analysis of Multiple Perspectives / E. Lampert Shepel // Educational Foundations, Summer. 1999. URL : https://www.academia.edu/16674480/Reflective_Thinking_in_Educational_Praxis_Analysis_of_Multiple_Perspectives (access mode 20.03.2021).

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЗНАЧИМЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ У БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**



**TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF PROFESSIONALLY SIGNIFICANT
COMPETENCES IN A FUTURE TEACHER OF PRIMARY EDUCATION**

**Магомеддибирова
Зульпат Абдулгалимовна**
доктор педагогических наук, наук,
профессор кафедры
методик начального образования,
ФГБОУ ВО
«Чеченский государственный
педагогический университет»
elena_goverdovskaya@mail.ru

**Zulpat A.
Magomeddibirova**
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor of the Department
Methods of Primary Education,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
«Chechen State Pedagogical University»
elena_goverdovskaya@mail.ru

Аннотация. Статья содержит в себе анализ наиболее актуальных на сегодняшний день профессионально-значимых компетенций будущего учителя начальных классов и особенности их формирования. Адекватное видение студента себя в профессии учителя способствует постоянному совершенствованию общих и специальных знаний для работы при любых социально-экономических условиях. Проведенные исследования по вопросу формирования профессионально-значимых компетенций у студентов – преподавателей младших классов, показали основные проблемы в процессе обучения в вузе. После анализа полученных данных исследования стало очевидно, что для успешного формирования профессионально-значимых компетенций у будущих педагогов начального образования необходимо повысить обогащение образовательной среды вуза и создавать условия для активизации студенческой позиции.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, профессионально-значимые компетенции, будущий педагог начального образования, образовательная среда в вузе, формы организации образовательной среды.

Annotation. The article contains an analysis of the most relevant today professionally significant competences of the future primary school teacher and the peculiarities of their formation. A student's adequate vision of himself in the teaching profession contributes to the continuous improvement of general and special knowledge for work under any socio-economic conditions. The conducted research on the formation of professionally significant competencies among students – teachers of elementary grades showed the main problems in the process of studying at a university. After analyzing the obtained research data, it became obvious that for the successful formation of professionally significant competencies in future teachers of primary education, it is necessary to increase the enrichment of the educational environment of the university and create conditions for activating the student's position.

Keywords: professional competence, professionally significant competencies, future teacher of primary education, educational environment at the university, forms of organization of the educational environment.

Сегодня, в условиях стремительно меняющегося мира, в век компьютеров и высоких технологий как никогда растет потребность в высокообразованных специалистах, в сфере педагогики особенно. Следуя запросу времени и общества, вузы основной своей задачей считают воспитание, в первую очередь, хорошо образованного, всесторонне развитого, способного учиться в течение всей жизни, человека. Наряду с этими базовыми качествами, студент должен

в полном объеме овладеть выбранной профессией. Для достижения этих целей, в вузах практикуются принципы гуманизации образовательного процесса и компетентностный подход к обучению студентов.

Ответом на вызовы и требования современного общества является внедрение в образовательный процесс Федеральных образовательных стандартов, в частности, ФГОС ВО.

Исходя из понимания основных задач преподавателя младших классов – научить учеников учиться, привить им привычку и желание постигать новые знания, студенты педагогических вузов должны развивать в себе способности нестандартно мыслить, быстро находить решения задач из множества областей знаний. И основная цель сегодняшней системы высшего образования, найти современные формы и контекстные методы обучения студентов.

Сегодня ученые педагоги, психологи и социологи говорят о том, что современный преподаватель младших классов должен быстро адаптироваться к социальным изменениям, постоянно пополнять багаж знаний и повышать квалификацию, объединять в своей работе контекстуальные нововведения.

Профессиональная компетентность современного учителя, с точки зрения психологии – это «интегральное качество личности, выступающее как результат профессионально-педагогической подготовки и как важнейшее условие ее эффективности» [1]. Еще в студенческое время в учебных заведениях зарождаются предпосылки к профессиональной компетентности, однако абсолютная эта характеристика образуется только, когда студент начал свою профессиональную деятельность.

Процесс обучения в высших педагогических учебных заведениях, как правило, состоит из постепенного получения и накопления специальных знаний, а затем и профессиональных навыков и компетенций, развития в себе необходимых для будущей профессии внутренних человеческих качеств. Именно в процессе профессионального образования в вузе приходит понимание о значимости выбранной профессии, и формируются профессионально-значимые компетенции будущего педагога начального образования [2].

Но, какие бы теоретические профессиональные знания не давали студентам в педагогическом вузе, стать настоящим специалистом поможет только практика. Внутренняя готовность студента к работе с подрастающим поколением, его убежденность в правильности выбранной стези, играет важнейшую роль в профессиональном становлении будущего педагога и помогает ему активно развивать профессионально-значимые компетенции.

Еще П.Ф. Каптерев, один из выдающихся педагогов конца XIX века, говорил о необходимости постоянного саморазвития самосовершенствования учителя. Педагог обязан быть на острие всего нового и прогрессивного и иметь желание и возможность отдавать свои знания ученикам. Ограниченный и остановившийся на достигнутых знаниях преподаватель не способен помочь развитию своих учеников, так как в условиях постоянно изменяющегося мира он может безнадежно отстать от них [3].

Ученые-педагоги в своих исследованиях, посвященных проблеме профессионального самоопределения, считают, что профессионально-значимые компетенции студента педагогического вуза – будущего учителя начальных классов, характеризуются как процесс и одновременно результат организации его деятельности, связанный с осознанием себя в роли будущего учителя, со стремлением развивать свои личностные профессионально-значимые качества, а во главу угла ставить присущие ему нравственные принципы. Можно рассматривать педагогическую деятельность как призвание только в том случае, если система личностных качеств и моральных ценностей человека полностью совпадает с его представлением о профессиональных качествах педагога.

Настоящего педагога, в высоком смысле этого слова, отличает постоянная потребность совершенствовать профессионально-значимые компетенции, вследствие чего возрастает и его педагогическое мастерство.

Нежелание преподавателя совершенствовать профессионально-значимые компетенции может стать губительным в его карьере. Только жажда новых знаний и умений, поиск новых методов и форм преподавания дает возможность педагогу повышать свой профессиональный уровень и прийти к новым достижениям.

Студенты вузов, выбравшие своей профессией педагогику и имеющие соответствующие профессионально-ценностные качества, вполне способны определить основные цели и задачи своей будущей педагогической деятельности и выработать необходимые шаги к самосовершенствованию.

В педагогической деятельности существует своеобразная система координат, во главе которой стоит личность ученика, затем – личность учителя и сам процесс обучения. Все эти понятия неразрывно взаимосвязаны и являются основными компонентами профессионально-ценностных ориентиров для педагога. Нельзя не отметить, что ученик является особенно важным ориентиром для педагога начальной школы, так как вся его деятельность направлена на развитие цельной полноправной личности [4].

Нами был проведен анализ по выявлению степени сформированности профессионально-значимых компетенций студентов педагогического вуза по ряду показателей: готовность студентов к профессиональному самоопределению, система ценностных ориентаций, мотивы профессионального выбора.

Проведенные нами наблюдения, беседы и анкетирование показали, что активность студента – будущего учителя начальных классов в овладении профессией в вузе мотивирована самим содержанием педагогической деятельности, стремлением определенной части студентов (40 %) достичь в ней позитивных результатов, возможностью наиболее полной самореализации именно в педагогической деятельности. При этом у 37 % студентов обнаружился наихудший мотивационный комплекс, т.е. деятельность студентов обусловлена мотивами избегания порицания, желанием «не попасть впросак». У этого числа студентов высокий уровень эмоциональной нестабильности и естественно не выраженное положительное отношение к личности студента. Скорей всего, это связано с мотивами поступления в вуз и с ожиданиями каждого студента [5].

Выявленные результаты показывают, что профессиональное самоопределение студентов характеризуется только выбором педагогической профессии и образовательного учреждения для получения специального профессионального образования.

Нами были также выявлены причины, препятствующие формированию профессионально-значимых компетенций студентов:

- неспособность ряда студентов использовать имеющиеся возможности для профессионального самоопределения;
- нежелание некоторых студентов самостоятельно искать источники образовательной среды в процессе решения различных учебных задач;
- отсутствие проявления какой-либо активности в процессе обучения.

Выявленные причины позволили обозначить план конкретных действий, направленных на создание оптимальных условий для более успешного формирования профессионально-значимых компетенций студентов – будущих педагогов начальной школы [5].

Была произведена опытно-экспериментальная работа, которая показала, что на формирование профессионально-значимых компетенций студентов – будущих педагогов начального образования можно повлиять, обогащая образовательную среду вуза и активизируя студенческую позицию. Стояла задача, связанная с подбором определенных форм деятельности. В результате этой деятельности студенты педагогического вуза могут понять свои возможности, которые направлены на развитие профессионализма в своей личности, а также, позволили бы работать сообща с вузовской средой.

Поставленную задачу было предложено студентам решать в нестандартных современных формах: использовать технологии Интернета, внедрить систему рейтинга, портфолио – конференции, деловые игры и учебные игры, зачеты и экзамены в иной форме. Так, в виде игры можно провести имитацию урока в школе или раздать студентам роли, чтобы на практике разыграть ситуацию среди педагогов, проводить профессиональные тренинги на педагогическую тематику, разрабатывать технологии по проектам, решать учебно-методические задачи для того, чтобы у детей младших классов сформировать универсальные учебные действия.

В процессе работы происходило привлечение студентов к формированию навыков парной работы, навыков личной работы. Перед ними ставились учебные задачи, которые требовалось решить, а также, использовались сложные проблемные обучающие способы. Разные организационные обучающие формы использовались при моделировании среды образования. Это помогло выработать у студентов навык формирования универсальных учебных действий у детей начальной школы. Таким образом, студенты вырабатывали навыки профессионально-практической работы. Студенты самоопределяются как учителя начальной школы в процессе преобразования возможностей среды образования, знакомятся с ними и используют их на практике. Кроме того, студенты периодически обогащают данную среду с помощью внешних и внутренних связей, развития элементов среды. Этот процесс сказывается на студенческом самоопределении. Они для себя выделяют мотивы своей работы и профессионально-ценностную

ориентацию. Студенты обретают навык самообразования, а также навык оценки необходимости в профессиональном образовании и совершенствовании своих знаний.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что основной процесс обучения и профессиональной подготовки в современных высших педагогических учебных заведениях состоит, прежде всего, из постепенного получения и накопления специальных знаний, а затем и профессиональных навыков и компетенций, развития в себе необходимых для будущей профессии внутренних человеческих качеств. Внутренняя готовность студента к работе с подрастающим поколением, его убежденность в правильности выбранной стези, играет важнейшую роль в профессиональном становлении будущего педагога и помогает ему активно развивать профессионально-значимые компетенции.

Именно в процессе профессионального образования в вузе приходит понимание о значимости выбранной профессии, и формируются профессионально-значимые компетенции будущего педагога начального образования.

Литература:

1. Адольф В.А. Профессиональная компетентность современного учителя : монография / В.А. Адольф; Мин-во общего и проф. обр. РФ, Красноярск гос. ун-т. Красноярск, 1998. С. 51.
2. Бардовская Н.В. Педагогика / Н.В. Бардовская, А.А. Реан. СПб., Харьков, Мн., 2001.
3. Компетентностный подход в педагогическом образовании / Под ред. В.А. Козырева, Н.Ф. Радионовой, А.П. Тряпицыной. СПб., 2005.
4. Магомеддибирова З.А. К вопросу о формировании информационной компетентности будущих учителей начальных классов. Материалы V Международной научно-практической конференции. «Учитель создает нацию». Грозный, 2020. С. 99–102.
5. Магомеддибирова З.А. Пути формирования профессиональной компетентности будущих учителей начальных классов в процессе их подготовки в вузе. Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5(84). С. 134–137.

Literature:

1. Adolf V.A. Professional competence of the modern teacher : monograph / V.A. Adolf; Ministry of General and Vocational Education of the Russian Federation, Krasnoyarsk State University. Krasnoyarsk, 1998. P. 51.
2. Bardowska N.V. Pedagogy / N.V. Bardowska, A.A. Rean. SPb., Kharkiv, Mn., 2001.
3. Competent approach in pedagogical education / Under ed. V.A. Kozyreva, N.F. Radionova, A.P. Treapysina. SPb., 2005.
4. Magomeddibirova S.A. To the question of forming the information competence of future primary school teachers. Motherals V International Scientific and Practical Conference. «Teacher creates a nation». Grozny, 2020. P. 99–102.
5. Magomeddibirova S.A. Ways of forming the professional competence of future primary school teachers in the process of their preparation at the university. World of science, culture, education. 2020. № 5(84). P.134–137.

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРИЕМОВ ОСТРОУМИЯ В ПРАЗДНИЧНО-ИГРОВЫХ ФОРМАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ



EDUCATION OF CHILDREN WITH USE OF RECEPTIONS OF WIT OF FESTIVE AND GAME FORMS OF ACTIVITY

Опарина Нина Александровна

кандидат педагогических наук,
доцент,
профессор кафедры
социально-культурной деятельности,
Московский городской
педагогический университет,
член Союза писателей России
oparil18@yandex.ru

Nina A. Oparina

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
Social and Cultural Activities,
Moscow City
Pedagogical University,
Member of the Union of Writers of Russia
oparil18@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы празднично-игровой деятельности детей и молодежи. Приводятся примеры различных зрелищных форм досуга. Обращается внимание на важность включения в современную культурно-досуговую деятельность традиций народной смеховой культуры. Представлены примеры использования различных приемов остроумия в современной празднично-игровой деятельности подрастающего поколения. Актуальность важно обусловлена следующими позициями. Первое – обращение к использованию в воспитании современных детей приемов и методов народной педагогики, дошедших до нас в различных жанрах и видах фольклора. Знание своих корней, происхождения, понимание и прочувствование причастности к культуре своего народа является одной из важнейших составляющих в работе с детьми и молодежью в наше время. Второе – приобщение детей и молодежи к празднично-игровой культуре народа соответствует потребностям их возраста. Яркостью, зрелищным многообразием форм привлекают народные зрелища и праздники. Третье – акцентировка смеховой культуры и приемов остроумия как важнейших средств в создании празднично-игровых форм досуга детей и молодежи. Цель статьи – показать важность обращения к народным традициям в воспитании современного молодого поколения с помощью различных форм и средств празднично-игровой культуры, сохраненной фольклором. Досуг современной молодежи зачастую заполнен бессодержательным времяпрепровождением или занятиями худшего порядка. Перед педагогами, воспитателями и организаторами досуга детей и молодежи сегодня стоят непростые задачи. В поиске средств их решения может помочь обращение к воспитательному и художественно-творческому опыту народа. Задачи исследования решались с помощью лично ориентированного подхода, творческих заданий, наблюдений и анализа. Результаты убеждают в ценности использования приемов смеховой культуры празднично-игрового фольклора в работе с детьми и молодежью в настоящее время.

Ключевые слова:

праздник, зрелище, культура, досуг, воспитание, творчество, юмор.

Annotation.

The problems of festive-play activities of children and youth are considered. It also provides examples of various spectacular forms of entertainment. Draws attention to the importance of inclusion in contemporary cultural and leisure activities of the traditions of the culture of folk humour. Examples of the use of various techniques of wit in the modern holiday-gaming activities of the younger generation. From the point of view of relevance, it is important to emphasize several important lines, conducted

and analyzed in the article. The first is an appeal to the importance of use in the education of today's children's techniques and methods of folk pedagogy, extant in a variety of genres and types of folklore. Knowledge of their roots, their origin, understanding and a strong feeling of belonging to the culture of its people is one of the priority directions in work with children and youth in our time. The second - the problems of familiarizing of children considered in article and youth to festive and game culture of the people are actual the nearness to needs of age for pleasure, brightness of spectacular forms of leisure of the younger generation. Namely qualities are also attractive by these national shows and holidays. The third, then it is possible to motivate relevance of article is an aktsentirovka of humorous culture and receptions of wit as major means in creation of festive and game forms of leisure of children and youth. Article purpose – to show importance of the appeal to national traditions in education of the modern younger generation by means of various forms and means of the festive and game culture kept by folklore. The problem consists that leisure of modern youth is often filled with meaningless pastime or occupation of the worst order. Teachers, tutors and organizers of leisure of children and youth are faced by difficult tasks now. In search of cures of many tasks the address to educational and art creatively can help experience of the people. Research problems were solved with the help of the personal focused method, creative tasks, supervision and the analysis. Results convince of the value of use of receptions of humorous culture of festive and game folklore in work with children and youth now.

Keywords: holiday, spectacle, culture, leisure, education, creativity, humor.

Особое место в праздниках и других современных формах театрализованных зрелищ занимают приемы и традиции, передающие в художественно-образной форме традиции народа, его культурное наследие. Иными словами, художественная современность в различных видах деятельности подрастающего поколения невозможна без опоры на народные традиции. О благотворном влиянии народного творчества и о необходимости серьезного к нему внимания со стороны педагогов пишут и фольклористы, и деятели культуры (Д. Лихачев, А. Лазарев, М. Мухлынин, В. Григорьев, З. Васильцова [и др.]).

Совместная деятельность разных поколений, уже сама по себе, является народной традицией. Сотворчество детей и взрослых в процессе празднично-игровой деятельности становится основой общения разных поколений. «Праздник выступает как многогранное социально-художественное явление, направленное на духовно-нравственное развитие личности. Творчески участвуя в создании праздника, дети и взрослые вступают в процесс активного взаимодействия по большому спектру организационно-художественных моментов» [5, с. 19]. Все это говорит о том, что «детский праздник требует от его создателей четкой организации, соблюдения определенного алгоритма его подготовки и проведения, что определяется технологией организации праздника» [7, с. 27].

Использование в современных праздниках и обрядах народных традиций позволяет извлечь зрелище от статичности и пассивного восприятия аудиторией тех или иных форм художественно-творческой работы. Одной из главных сценарно-режиссерских проблем в подготовке и проведении празднично-игровых форм детского и молодежного досуга является поиск новых приемов, интересных фактов, интерактивных методов общения зрителей с исполнителями, нового содержания детских праздников. В детский и молодежный досуг, наряду с традиционными и привычными праздниками, пришли и новые празднично-игровые формы, и зрелища. Современные социокультурные условия ставят перед организаторами досуга и свои задачи.

Сегодняшние формы детского и молодежного досуга в основном базируются на взаимопроникновении праздника и игры. Этот процесс помогает созданию новых моделей празднично-игровых форм досуга. К данным вопросам обращались в своих работах: Д.Б. Эльконин, С.А. Шамаков, Б.З. Вульф, В.М. Григорьев, Г.П. Черный, И.И. Фришман и др.

Организация праздника или игровой программы всегда требует от воспитателей, педагогов и руководителей творческих кружков и студий серьезных усилий, слаженности в работе, взаимопонимания детей и взрослых. Большой педагогической эффективности добиваются постановщики игровых программ и праздников с активным включением в них многообразных форм, методов и художественных приемов, с привлечением к участию разновозрастных катего-

рий детей и молодежи. Пространство игры и праздника имеет свои важные особенности [2, с. 98].

Современные праздники сложились на основе фольклорных традиций и трансформируются в соответствии с требованиями времени. Широкое распространение получил художественный тип игрового фольклора. Зачастую, в структуру самых разных современных праздников входит и обширный пласт собственно произведений фольклора (песни, частушки, хороводы и др.), и богатейшая игровая палитра народной культуры. В речевой культуре праздничного действия просматривается и то, как народ учитывал потребность ребенка в смехе, веселье, юморе.

Термин смеховая культура в научный и практический обиход был введен М.М. Бахтиным [1]. У каждого народа своя смеховая культура, но сущность смешного, как утверждал Д.С. Лихачев, оставалась «во все времена одинаковой...» [3, с. 7]. Это проявлялось в пародировании, в балагурстве, в нелепости строения слов, рифмовке текстов, в употреблении слов «внешне похожих по звучанию» и т.п. [6, с. 22]. Эти формы смехового аспекта существовали и в представлениях скоморохов, и в «святочных обрядах, и в масленичных гуляниях, с их общим праздничным весельем» [3, с. 16].

Значимость формирования культуры смеха средствами, в том числе, и досуговой деятельности, трудно переоценить. Это, по сути, становление духовной культуры личности, способность овладения системой приемов, вызывающих смех, помогающих совершенствованию человеческой личности.

Детский массовый праздник был и остается одной из самых сложных, но и самых благодарных форм работы педагогов со своими воспитанниками. Удачно организованное празднично-игровое действие способно оставить яркий эмоциональный след в сердце каждого участника, обогатить его духовно. «Праздники открывают детям простор для творчества, рождают в душе ребенка светлые чувства, воспитывают умение жить в коллективе» [7, с. 3].

Праздник – это эстетико-социальное явление. Красочность, эмоциональная приподнятость делают его радостью для всех, антиподом будней, неординарным и ярким событием на фоне обыденности. Без праздника и праздничности невозможно представить жизнь детских учреждений. Празднику с его игровой направленностью в жизни ребячьего коллектива уделяли огромное внимание А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, С.Т. Шацкий. И в настоящее время детский праздник, празднично-игровое зрелище как одна их форм организованного, творческого досуга ребят пристально изучается философами, педагогами, психологами, культурологами, писателями, общественными деятелями и др.

У каждого праздника есть свои приметы, обычаи, обряды, но главная черта остается неизменной у всех – это радость! Но праздник – это не просто веселое бездумное время. «Праздник – не праздность, а большое и важное дело, всегда коллективное и всегда творческое. Праздник есть своеобразная форма духовного самовыражения и духовного обогащения ребенка. Без праздников немислима жизнь детей» [9, с. 6].

Для детей праздник родственен самой природе игры, поскольку от игры есть все компоненты: мажорный тон, отход от рамок обыденной жизни, гармония игры и поучения, ведь любой «грамотно сочиненный детский праздник, развлекая, поучает» [9, с. 8]. Игры подразделяются на подвижные, интеллектуальные, спортивные (могут иметь как интеллектуальный, так и подвижный характер), творческие (творчество – неперенный компонент любой игры).

По составу участников можно назвать индивидуальные и коллективные, парные и командные игры. Они могут проходить состязательно или в ролевых формах, и у каждой игры выработываются специфические правила, требования и условия:

1) правила должны быть простыми, доступными для детского понимания; игру не следует долго объяснять – теряется интерес к ней;

2) игра подбирается таким образом, чтобы было интересно всем, кто в ней участвует и тем, кто является наблюдающим, зрителем;

3) условия для участников игры должны быть одинаковыми.

В специфику ролевых игр входит их особая способность будить фантазию и стимулировать творческую активность детей. В отличие от ролевых игр, в соревновательных царит дух соперничества. Здесь обязателен судья или судейская команда – жюри, которые должны объективно выделить и наградить лучших. Наиболее популярными в детской и молодежной аудитории стали игры викторинного типа, построенные как ответы на вопросы, которые позволяют вовлечь и заинтересовать практически все возрастные категории участников.

Непременным спутником игры является смех, порождающий атмосферу веселья и хорошего настроения. Детская аудитория особенно нуждается в юморе, смехе, радостных эмоциях. Подлинный юмор всегда связан с творчеством. Он требует выдумки, остроумных решений и находок, нестандартного мышления.

В играх и игровых программах используются разные приемы юмора. Многие игровые программы пришли в детские аудитории с экрана телевидения: КВН, «Поле чудес», «Умники и умницы» и др. Они популярны в детской среде и приносят большую пользу ребятам в развитии у них творческих качеств, способствуют формированию взаимоотношений в коллективе [10]. Игры КВН глубоко педагогичны, по своей сути, и вызывают неизменный интерес у самой разной аудитории. Участие в создании и проведении игр КВН всегда представляет собой очень ценную деятельность и в творческом, и в педагогическом смысле, влияющую на развитие творческой и социальной активности личности. Распространение информационных технологий внесло свои коррективы в досуг школьников, насытив его многочисленными компьютерными играми. Современные дети уже с самого раннего возраста, уделяя им много времени, не испытывают потребности в общении с кем бы то ни было, что не может не настораживать педагогов, психологов и родителей.

Кроме того, такое увлечение формирует устойчивую привычку и, даже, зависимость, портит зрение, осанку, вызывает повышенную утомляемость, симптомы расстройства психики, мышления, проявления неадекватного поведения в реальном мире.

В связи с этим, мы рассматриваем организацию зрелищно-игровых форм культурно-досуговой деятельности как важнейший аспект воспитания детей и молодежи, способствующий формированию духовно-нравственных качеств личности и разносторонних способностей у каждого ребенка. Сотворческое участие в замысле, подготовке и проведении праздника детей и взрослых позволит решить очень многие психолого-педагогические и организационно-творческие задачи. Среди них - привнесение мажорной, веселой окраски в игровую программу и праздник, в целом, поскольку, для детей радость и оптимизм – доминирующая потребность.

Один из главных принципов народной педагогики можно сформулировать так: «воспитай ребенка в радости!» И действительно, каким бы ни был тяжелым труд и жизнь наших далеких предков, они придумывали веселые песенки, сказки, прибаутки, небылицы для детей.

Стучит, бренчит на улице –
Фома едет на курице,
Тимоха – на кошке
Едет по дорожке!

(«Литература и фантазия»,
составитель Л.Е. Стрельцова, изд. «Просвещение», 1992 г.)

Долгоухая свинья
На дубу гнездо свила,
Опоросила поросят
Ровным счетом пятьдесят!
Распустила поросят
Все по маленьким сучкам;
Поросята визжат,
Полететь они хотят;
Полетели, полетели
И на воздухе присели! [11]

Остановимся подробнее на приемах остроумия в современных формах празднично-игровой деятельности. Небылица, перевертыш – это один из самых действенных приемов, который можно использовать в сценариях детских праздников, во всех игровых эпизодах и зрелищно-игровых программах. По принципу перевертыша в современные школьные праздники включаются эпизоды, когда дети исполняют роли учителей или учителя – роли учеников и т.п. На принципе перевертыша основаны сюжеты, в которых учитель ставит хорошую оценку за безграмотную работу и распекает отличника за верно выполненное задание.

Нелепица, нелепость – очень близкий к перевертышу прием остроумия. Он унаследован нами от скоморохов, шутов и балагуров, которые специально придумывали нелепые ситуации, нелепые одежды, движения и т.д., чтобы посмешить народ.

Любое несоответствие принятым нормам способно рассмешить людей, а в детской аудитории – вызвать искренний смех. Педагогам важно лишь стараться, чтобы в сценариях с помощью такого приема были соблюдены чувство меры, такт и культура.

Известным приемом остроумия является намек, он доставляет удовольствие детям уже потому, что задает работу уму, воображению, заставляет домысливать что-то самим.

Распространенным приемом является ирония. И в быту дети сами нередко его используют. Например, подразумевая совершенно противоположное, могут сказать: «умник ты какой выискался!».

Повтор применяют весьма часто юмористы в своих произведениях.

Смех достигается в детских праздниках и игровых программах с помощью приема неожиданности, и над этим порой приходится задумываться педагогу специально.

Известным приемом юмора является розыгрыш.

Смех вызывает и прием перефразирования песни, стихотворения или сказки. На этом держится интерес к «старым сказкам на новый лад». Для успеха следует брать широко известные и хорошо знакомые песни или сказки. Эффект основан на несоответствии новых слов тому, что «засело» в памяти.

Каламбур или любая игра слов тоже является одним из любимых приемов остроумия в детской среде, и сценаристу необходимо немало потрудиться во время работы над сценарием, чтобы текст содержал и всевозможные словесные игры.

Отметим и прием гиперболы, преувеличения – как один из основных в практике и детского, и взрослого досуга.

Смешение стилей – самый любимый детьми прием. На нем держится весь сюжет книги Л. Лагина «Старик Хоттабыч», он стал основой всенародно любимой комедии Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию». На этом приеме построены эпизоды детских праздников, в которых совершается космическое путешествие, путешествие из современности в прошлое или из реального мира в мир сказок и фантастики, что позволяет детям пофантазировать, помечтать, устремиться мыслями в нечто неизведанное, отойти от обыденности.

«Для детей игры и праздники – не просто отдохновение, но и естественная разрядка от дидактической и режимной напряженности жизни. Дети переходят из состояния слепых исполнителей воли взрослых в мир суверенных проявлений и свобод» [9, с. 13].

Обращение к народной традиции в воспитании подрастающего поколения и в наше время позволяет успешнее решать и психолого-педагогические, и художественно-творческие задачи. Причастность к культуре своего народа всегда является одной из важнейших составляющих в работе с детьми и молодежью.

Литература:

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. 2-е изд. М. : Худож. лит., 1990.
2. Гагин В.Н. Национальные праздники и обряды, или Праздничность как феномен русской культуры / В.Н. Гагин. М. : Профиздат, 2005.
3. Лихачев Д.С. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Понырков. Л. : Наука, 1984.
4. Опарина Н.А. Фольклорно-игровые традиции в организации детского театрализованного досуга : монография / Н.А. Опарина. М. : МПГУ, 2010.
5. Опарина Н.А. Школьные театрализованные праздники и зрелища / Н.А. Опарина. М. : Арманов-центр, 2012.
6. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха / В.Я. Пропп. М. : Лабиринт, 1999.
7. Черный Г.П. Торжественно, красиво, памятно. Массовые школьные праздники и театрализованные представления: книга для учителя / Г.П. Черный. М. : Просвещение, 1989.
8. Шендрик А.И. Социология культуры : учеб. пособие / А.И. Шендрик. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
9. Шмаков С.А. Нетрадиционные праздники в школе / С.А. Шмаков. М. : Новая школа, 1997.
10. Ярошенко Н.Н. Социально-культурная анимация : учеб. пособие / Н.Н. Ярошенко. 2-е изд., испр. и доп. М. : МГУКИ, 2005.
11. Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия : учеб. пособие для вузов / Сост. Э.В. Померанцева, С.И. Мина. М. : Учпедгиз, 1959.

Literature:

1. Bakhtin M.M. The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renes Sans / M.M. Bakhtin. 2nd ed. M. : lit., 1990.
2. Gagin V.N. National holidays and rites, or Celebrity as a phenomenon of Russian culture / V.N. Gagin. M. : Profizdat, 2005.
3. Likhachev D.S. Laughter in Ancient Russia / D.S. Likhachev, A.M. Panchenko, N.V. Ponyrko. L. : Science, 1984.
4. Oparina N.A. Folklore-game traditions in the organization of children's theatrical leisure : monograph / N.A. Oparina. M. : MPSU, 2010.
5. Oparina N.A. School theatrical holidays and spectacles / N.A. Oparina. M. : Armanov Center, 2012.
6. Propp V.Ya. Problems of Comism and Laughter / V.Ya. Propp. M. : Labyrinth, 1999.
7. Black G.P. Solemnly, beautifully, memorably. Mass school holidays and theater-leased performances: a book for a teacher / G.P. Black. M. : Enlightenment, 1989.
8. Shendrick A.I. Sociology of culture : textbook / A.I. Shendrick. M. : UNITY-DANA, 2005.
9. Shmakov S.A. Non-traditional holidays at school / S.A. Shmakov. M. : New school, 1997.
10. Yaroshenko N.N. Socio-cultural animation : manual / N.N. Yaroshenko. 2nd edition, amended and supplemented. M. : MGUKI, 2005.
11. Russian folk poetic work. Textbook: textbook for universities / Compilers E.V. Pomerantsev, S.I. Mina. M. : Uchpedgiz, 1959

С ЧЕГО ДОЛЖНА НАЧИНАТЬСЯ ДОКТРИНА НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ?



WHERE SHOULD THE DOCTRINE OF NATIONAL EDUCATION BEGIN?

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук,
профессор
popov-52@mail.ru

Mikhail Yu. Popov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor
popov-52@mail.ru

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук,
профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права,
Краснодарский университет МВД России
popov-52@mail.ru

Ivan V. Uporov

Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
popov-52@mail.ru

Аннотация. В данной статье авторами выявляются тенденции разработки в постсоветской России национальных доктрин образования. Отмечается, что документы доктринального уровня (собственно доктрины, концепции, законы, федеральные целевые программы) принимались в хаотичном порядке, без взаимосвязи друг с другом, и, скорее, отражали текущий политический момент, чем заботу о будущем российского образования. В результате ни одна доктрина не была выполнена, а по приоритетам начальная доктрина кардинально отличается от действующих проектов и программ. Возникла доктринальная неопределенность. Решать ее, однако, следует не с разработки новых доктрин, а с решения «земных» вопросов, которые поставлены давно и не решаются уже почти двадцать лет и без чего любая доктрина обречена на декларативность.

Ключевые слова:

доктрина, образование, концепция, программа, школа, университет, преподаватель, закон, государство.

Annotation.

In this article, the authors identify trends in the development of national doctrines of education in post-Soviet Russia. It is noted that documents of the doctrinal level (doctrines, concepts, laws, federal targeted programs) were adopted in a chaotic manner, without interconnection with each other, and, rather, reflected the current political moment than concern for the future of Russian education. As a result, no doctrine has been implemented, and by priority the initial doctrine is radically different from existing projects and programmes. Doctrinal uncertainty arose. However, it should be solved not by developing new doctrines, but by solving «earthly» issues that have been raised for a long time and have not been resolved for almost twenty years and without which any doctrine is doomed to declarativeness.

Keywords:

doctrine, education, concept, program, school, university, teacher, law, state.

Система образования в России после распада СССР в 1991 г. находится в перманентно-нестабильном состоянии, о чем свидетельствуют непрекращающиеся дискуссии о месте, содержании и принципах реализации этого социального института в жизни современного российского общества. Причем, это касается всех уровней образования (за исключением дошколь-

ного образования в детсадах, однако, для большинства жителей страны пребывание детей в детсадах не является образовательным процессом и, соответственно, актуальность дошкольного образования не проявляется). Указанная нестабильность, как нам представляется, исходит из неопределенности самой доктрины системы образования, которая меняется настолько части, само понятие доктрины теряет свое значение. В свое время, еще в СССР, президентским указом Б.Н. Ельцина была обозначена возможность негосударственного образования [1], что в то время представляло революционное решение в системе образования (эта позиция позже была закреплена и на конституционном уровне – ст. 43 Конституции России 1993 г.).

Была провозглашена приверженность международным принципам организации образования, сформулированные ЮНЕСКО, деятельность которого «нацеливает международное сообщество на предоставление образования всем, на всех уровнях и на протяжении всей жизни, потому что образование играет главную роль в становлении и развитии личности человека, экономическом росте и укреплении социальных связей» [2, с. 19]. При этом «несколько стратегических задач, связанных с образованием, были включены в список Целей развития ООН на рубеже тысячелетия:

- бесплатное и обязательное начальное образование и равенство полов в начальной и средней школе;

- содействие образованию в качестве одного из основных прав человека;
- повышение качества образования путем диверсификации его содержания и методов;
- содействие экспериментам, новаторству, публикациям и обмену данными и передовым опытом, а также развитию диалога по вопросам политики в области образования» [2, с. 20].

Указанные принципы являются универсальными, и их принятие российскими властями в качестве основополагающих заслуживает поддержки. Позже эти принципы стали трансформироваться в российское образовательное законодательство. Первый Федеральный закон был принят в 1992 г. Согласно ст. 3 этого акта, «государственная политика в области образования основывается на следующих принципах:

- а) гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности и любви к Родине;

- б) единство федерального культурного и образовательного пространства. Защита системой образования национальных культур и региональных культурных традиций в условиях многонационального государства;

- в) общедоступность образования, адаптивность системы образования к уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся, воспитанников;

- г) светский характер образования в государственных, муниципальных образовательных учреждениях;

- д) свобода и плюрализм в образовании;

- е) демократический, государственно-общественный характер управления образованием. Автономность образовательных учреждений» [3].

Можно еще отметить возможность формирования разноуровневой системы высшего образования, что явно новеллой. Здесь обращают на себя внимание последние пункты, по поводу которых, собственно, и ведутся до сего времени как теоретические дискуссии, так и сталкиваются различные подходы в праворегулирующей и правоприменительной деятельности в сфере образования. В этом контексте (после вхождения России в Совет Европы в 1996 г.), в октябре 2000 г. на правительственном уровне была утверждена первая полноценная Национальная доктрина образования в Российской Федерации, подготовленная Министерством образования, в которой, в частности, указывается, что «Доктрина отражает новые условия функционирования образования, ответственность социальных партнеров – государства, общества, семей, работодателей – в вопросах качества общего и профессионального образования, воспитания подрастающего поколения» [4] (вызывает определенные вопросы тот факт, что несколько раньше был принят закон об утверждении Федеральной целевой программы развития образования [5], где подробно расписываются направления образовательной политики, а более общий акт в виде Доктрины был принят позже и его уровень был ниже, хотя, на наш взгляд, должно было быть ровно наоборот, но мы в данной статье рассматриваем доктринальные документы).

Помимо этого, Доктрина-2000 в разделе о целях и задачах государственной политики содержит ряд заслуживающих внимание положений. Так, в связи с указанными «новыми условиями», предполагалось обеспечить:

- «академическую мобильность обучающихся;

- ... свободный выбор направлений и форм образования с учетом потребностей, возможностей граждан, а также ситуации на рынках труда и образовательных услуг;
- ... создание правовых условий получения образования как за счет средств бюджетов всех уровней, так и за счет средств обучающихся и их семей, предприятий и организаций» [4].

Не меньший интерес представляет намерение «довести долю образовательных программ в сетке вещания государственных и муниципальных средств массовой информации не менее чем до 15 % ... обеспечить интеграцию российской системы образования в мировое образовательное пространство с учетом отечественного опыта и традиций» [4]. Кроме того, «уже на первом этапе оплата труда педагогических работников из числа профессорско-преподавательского состава образовательных организаций высшего профессионального образования будет приближена к удвоенному размеру средней заработной платы работников промышленности в Российской Федерации» [4].

Следует признать, что на тот период времени, с учетом тяжелейшего состояния экономики, только-только отошедшей от дефолтного кризиса 1998 г., это были просто грандиозные планы, как и в равной степени – невыполнимые. Но в то время на еще сильной волне постсоветской эйфории от слома советско-социалистического государства и провозглашения европейских ценностей, были именно таким образом провозглашены и законодательно закреплены основы образовательной системы в России. Более того, власть торопилась продвигать образовательную систему России по европейскому вектору – уже в 2001 г., то есть, спустя чуть больше года после принятия Доктрины-2000, появляется Концепция модернизации образования на период до 2010 г. [6], направленная на интеграцию с евро-образованием, и присоединение России к Болонскому процессу началось в 2003 г. Сомнений в правильности такого подхода у российской власти не было – в отличие от научной среды, где высказывались некоторые сомнения. И уже в новой ФЦП (принята в 2005 г.) [7] предполагалось (до 2010 г.) «увеличить количество программ профессионального образования, получивших международное признание, в 1,3 раза по сравнению с 2005 г. ...повышение рейтинга России в международных обследованиях качества образования до уровня, являющегося средним ... увеличить долю учебных заведений, реализующих программы двухуровневого профессионального образования, с 15 до 70 %. ... поднять удельный вес вузов, выдающих европейское приложение к диплому до 15 %» [8]. И здесь, как показало время, было немало «наполеоновских», несбыточных целей.

Затем, практика образовательного процесса в школах и вузах России несколько охладилась активность авторов его модернизации в контексте европейской интеграции, поскольку российские реалии функционирования образовательных учреждений существенно, можно сказать, разительно отличались тогда и отличаются до сих пор от европейских реалий (материально-техническое обеспечение, инфраструктура, заработок профессуры, финансирование и т.д.). Блицкриг вхождения образовательной системы России в международную университетскую систему не состоялся, и, на наш взгляд, не мог состояться в столь короткие сроки. Это нашло отражение в новой Концепции национальной образовательной политики, разработанной Минобрнауки РФ в 2006 г. [9], в которой, заметим, нет упоминания о принятой незадолго до этого ФПЦ-2005, кроме того, эта Концепция была утверждена на уровне ведомства, что вызывает некоторое недоумение. Концепция носит общий характер, в ней акцентируется внимание на обеспечение права на образование в отдаленных районах, жителей малочисленных народов и т.д. Европейская интеграция здесь отсутствует, неприятие которой – на политико-идеологической основе – еще более возросло после известного экономического кризиса 2008 г.

В очередной ФЦП-2011 развития образования (на период 2011–2015 гг.) [10] про международную интеграцию в сфере образования, похоже, и вовсе забыли – акцент делается, во-первых, на школьном образовании, во-вторых, на развитии различных типов образовательных учреждений, в-третьих, на материально-техническом и финансовой обеспечении образовательных учреждений, включая более широкое использование информационных технологий, с учетом новой, демографической проблемы (уменьшение численности школьников и студентов). Такой подход мы поддерживаем, поскольку он в большей степени был направлен на улучшение реального положения в образовательной среде. Казалось бы, нужно, наконец, сосредоточить усилия на реализации этой ФЦП. Но нет – через год появляется Указ Президента России о государственной политике в области образования и науки (известен как один из «майских» президентских указов 2012 г.), призванный, среди прочего, «подтянуть» ряд отстающих показателей, в том числе, полностью обеспечить (к 2016 г.) доступность всеобщего дошкольного образования (этот показатель так и не был достигнут), разработку новых образовательных стандартов и др. Здесь мы обращаем внимание на то обстоятельство, что в этом акте ФЦП-2011 даже не

упоминается – как будто ее не было вообще, что также (как и в случае с ФЦП-2005) вызывает большой вопрос с точки зрения эффективности государственного управления. Разработанный и принятый в соответствии с президентским Указом новый Федеральный закон об образовании (2012 г.) уже не содержит каких-либо принципиально новых новелл, и его, очевидно, можно расценивать как «технологический», то есть, закрепивший достигнутый уровень развития образования в России. В литературе не без оснований, как недостаток, отмечается, что образовательная доктрина, которая должна иметь «главенствующую роль» как один из источников образовательного законодательства, в этом законе отражения не нашла [11, с. 43].

Затем, в 2015 г. утверждается последняя ФЦП об образовании, суть которой заключается в том, чтобы

- «обеспечить эффективное управление системой образования в ее новых качественных параметрах;

- ... реализовать инвестиционные проекты по строительству объектов социальной, учебно-лабораторной, физкультурно-спортивной, хозяйственной и коммунальной инфраструктуры;

- ... инновационное развитие системы образования, внедрение новых образовательных технологий, обеспечение развития кадрового потенциала системы образования в рамках реализации скоординированных задач федеральной государственной образовательной политики» [12].

Здесь много повторений из предшествующих программ по той простой причине, что они выполнялись лишь в незначительном объеме. Не прошло, однако, трех лет, как Правительство России вновь утверждает новую государственную программу «Развитие образования» [13]. Этот документ, в основном, регулирует вопросы финансирования образовательной деятельности и определяет индикаторы, позволяющие оценивать такую деятельность. Практически одновременно происходит ротация министра образования, при этом прежний и нынешний министры придерживаются едва ли не противоположных взглядов на будущее российского образования, что лишь подтверждает неопределенность стратегического развития этого важнейшего социального института.

В целом, официальные акты об основных направлениях развитии образования в последние годы, включая последний - очередной национальный проект «Образование», носят, скорее, технический характер и изобилуют постоянно повторяющимися общими фразами («обеспечение конкурентоспособности», «внедрение новых методов обучения», «внедрение национальной системы профессионального роста педагогических работников» и т.д.), а доктринальные, концептуальные позиции постепенно растворились – прежние, из 1990-х гг., по умолчанию не принимаются образовательным сообществом, а новых, в достаточно четких формулировках, пока не просматривается. Отсюда, неудовлетворенность таким положением со стороны, как ученых, так и практикующих педагогов, учитывая, ко всему прочему, что отмеченная выше Доктрина-2000 без объяснения мотивов в марте 2014 г. была признана недействующей [14].

Соответственно, появляются альтернативные доктрины. Так, в одной из них, разработанной в 2016 г. группой ученых под руководством В.И. Слободчикова, указывается на то, что «стратегическая цель образования – создание условий становления гражданина России, устремленного в своём развитии к национальному образовательному идеалу, способного к воспроизводству базовой российской общности – единого многонационального народа России, укреплению и развитию созданных им государства и общества на принципах, положенных в основу образа будущего России.

Реализация стратегической цели образования осуществляется посредством:

- устройства единого уклада жизни общества, основанного на традиционных российских ценностях;

- важнейшим условием созидания такого уклада является переход к национально ориентированной модели образования;

- восстановления и развития многообразия моделей государственно-общественных и общественно-государственных образовательных институтов;

- профессиональной подготовки и профессионального развития педагога как детоводителя, вводящего растущего человека в отечественное и мировое культурное пространство;

- культивирования детских и детско-взрослых образовательных общностей; проектирования развивающих инновационных моделей обучения и воспитания» [15].

По сравнению с официальной Доктриной – 2000, данный проект группы ученых представляет собой, по основным принципам, полную противоположность (достаточно назвать, например, один из основополагающих постулатов – «народность, патриотизм, державность», отказ от еврообразования и т.п.).

Вышеприведенная хаотическая деятельность государства по определению стратегии развития образовательной системы России, в итоге, привела российское общество, по сути, на исходную позицию рубежа 1990 г. И теперь предстоит, видимо (собственно, он уже начался), новый этап осмысления этой проблемы. Но начинать, как нам представляется, следует не с разработок новых и новых проектов доктрин национального образования, а с анализа предшествующих такого рода документов – что получилось, что не получилось, и по каким причинам. Обязательно должно быть сделано сопоставление с реальным положением дел в образовательных учреждениях, где имеются проблемы, решение которых, на наш взгляд, должно предшествовать окончательным доктринальным выкладкам. Речь идет, прежде всего, о заработной плате педагогов и преподавателей, которая в настоящее время имеет унижающие профессиональное и человеческое достоинство размеры (вспомним планы по Доктрине-2000 удвоить оплату труда по сравнению со средней зарплатой в промышленности). При этом важно не лукавить, и вести речь об оплате труда из расчета на 1 ставку, и исключить, наконец, порядок, когда директор школы-ректор может получать едва ли не в 10 раз больше, чем учитель-преподаватель. Заметим, что этот вопрос поднимается не первый год, и все вроде соглашались, но сдвигов-то не происходит. Если уж этот вопрос государство не в состоянии решать в течение уже почти 20 лет (а абсолютное большинство образовательных учреждений являются государственными и муниципальными), тогда нет смысла вообще вести речь об образовательной доктрине, поскольку любая их них при таком положении дел обречена на декларативность. Безусловно, в школах должны быть прекращены поборы с родителей на разного рода «ремонтные дела», а это означает, что необходимо улучшить финансирование деятельности образовательных учреждений, в том числе, направленное на исправление такого позорного явления, как школьные туалеты на улице без удобств. Как видно, доктрина национального образования должна начинаться не с высоких слов (их сказано уже с излишком), не с содержания образовательных программ и стандартов (они, в целом, находятся на достаточно высоком уровне), а с самых земных потребностей тех, кто учит, и тех, кто учится.

Литература:

1. Указ Президента РСФСР от 11.07.1991 г. № 1 «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.01.2019).
2. Козырин А.Н. Основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования: комментарий статьи 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» / А.Н. Козырин, Т.Н. Трошкина // Реформы и право. 2015. № 3. С. 18–32.
3. Закон Российской Федерации от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.01.2019).
4. Постановление Правительства РФ от 04.10.2000 № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» // Российская газета. 2000. 11 октября.
5. Федеральный закон от 10.04.2000 № 51-ФЗ «Об утверждении Федеральной программы развития образования» // Парламентская газета. 2000. 15 апреля.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12. 2001 г. № 1756-р «О концепции модернизации образования на период до 2010 года» // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. II). Ст. 119.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.12. 2005 г. № 803 (ред. от 05 мая 2007 г.) «О Федеральной целевой программе развития образования на 2006–2010 годы» // СЗ РФ. 2006. № 2. Ст. 186.
8. Морозова В.С. К вопросу о присоединении России к Болонскому процессу (правовой аспект) / В.С. Морозова // Международное публичное и частное право. 2008. № 1. С. 17–24.
9. Приказ Минобрнауки РФ от 03.08. 2006 г. № 201 «О Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации». URL : <http://www.docscntd.ru/document/902004566> (дата обращения 05.01.2019).

10. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.02.2011 № 61 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 10. Ст. 1377.
11. Кирилловых А.А. Доктрина в образовательном законодательстве: подходы к определению роли и места в правовом регулировании // Законодательство и экономика. 2015. № 9. С. 41–47.
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.05.2015 № 497 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2016–2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 22. Ст. 3232.
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.01.2019).
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2014 № 245 «О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 14. Ст. 1636.
15. Национальная доктрина образования Российского образования. Проект / Под ред. В.И. Слободчикова. URL : http://ost101.narod.ru/2018_doktrina.docx (дата обращения 05.01.2019).

Literature:

1. Decree of the President of the RSFSR of 11.07.1991 № 1 «On priority measures for the development of education in the RSFSR». Access from the SPS «ConsultantPlus» (date of application 15.01.2019).
2. Kozyrin A.N. Basic principles of state policy and legal regulation of relations in the field of education: commentary of Article 3 of the Federal Law «On Education in the Russian Federation» / A.N. Kozyrin, T.N. Troshkina // Reforms and law. 2015. № 3. P. 18–32.
3. The Law of the Russian Federation of 10.07.1992 № 3266-1 «On education. Access from the SPS «ConsultantPlus» (date of application 15.01.2019).
4. Resolution of the Government of the Russian Federation of 04.10.2000 № 751 «On the national Doctrine of Education in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2000. October 11.
5. Federal Law of 10.04.2000 № 51-FZ «On approval of the Federal Program for the development of Education» // Parliamentary Newspaper. 2000. April 15.
6. Order of the Government of the Russian Federation of 29.12. 2001 № 1756-r «On the concept of modernization of education for the period up to 2010» // SZ RF. 2002. № 1 (part II). Art. 119.
7. Resolution of the Government of the Russian Federation from 23.12. 2005 № 803 (edited on 05 may 2007) «On the Federal target program of education development for 2006–2010» // Sz the Russian Federation. 2006. № 2. Art. 186.
8. Morozova V.S. To the question of Russia's accession to the Bologna process (legal aspect) // International public and private law. 2008. № 1. P. 17–24.
9. Order Minobrnauki RF 03.08. 2006 № 201 «On the Concept of national educational policy of the Russian Federation». URL : <http://www.docs.cntd.ru/document/902004566> (date of application 05.01.2019).
10. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 07.02.2011 № 61 «On the Federal target program of education development for 2011–2015» // meeting of the legislation of the Russian Federation. 2011. № 10. Art. 1377.
11. Kirillov A.A. Doctrine in educational legislation: approaches to determining the role and place in legal regulation / A.A. Kirillov // Legislation and Economics. 2015. № 9. P. 41–47.
12. Resolution of the Government of the Russian Federation of 23.05.2015 № 497 «On the Federal target program for the development of education for 2016–2020» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. № 22. Art. 3232.
13. Resolution of the Government of the Russian Federation of 26.12.2017 № 1642 (ed. of 30.03.2018). «On approval of the state program of the Russian Federation «Development of Education». Access from the SPS «ConsultantPlus» (date of application 15.01.2019).
14. Resolution of the Government of the Russian Federation of 29.03.2014 № 245 «On the invalidation of certain acts of the Government of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 14. Art. 1636.
15. National doctrine of education of Russian education. Project / Ed. by V.I. Slobodchikov. URL : http://ost101.narod.ru/2018_doktrina.docx (date of application 05.01.2019).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ МАТЕМАТИКИ



PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF CREATIVE ABILITIES OF YOUNGER SCHOOLS AT THE LESSONS OF MATH

Расулова Патимат Абдулхалимовна

кандидат педагогических наук,
доцент,
Дагестанский государственный
педагогический университет
elena_goverdovskaya@mail.ru

Patimat A. Rasulova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Dagestan State
Pedagogical University
elena_goverdovskaya@mail.ru

Аннотация. Процесс модернизации российской системы образования ориентированы на индивидуализацию образовательного процесса, что сопровождается повышением внимания к всестороннему развитию личности школьника, которое становится основной целью школьного образования. В статье рассматривается проблема развития творческих способностей у учащихся младших классов. Приводится определение и характеристики понятия «творческие способности», основные направления педагогической работы по их развитию. Исходя из предметного содержания математики в начальной школе и особенностей творческой деятельности младших школьников, формулируются педагогические условия развития творческих способностей школьников на уроках математики.

Ключевые слова:

способность; творческая деятельность; начальная школа; педагогическая работа; развитие; учащиеся.

Annotation.

The process of modernization of the Russian education system is focused on the individualization of the educational process, which is accompanied by increased attention to the comprehensive development of the student's personality, which becomes the main goal of school education. The article examines the problem of developing the creative abilities of primary school students. The definition and characteristics of the concept of «creative abilities», the main directions of pedagogical work on their development are given. Proceeding from the subject content of mathematics in elementary school and the peculiarities of the creative activity of younger schoolchildren, pedagogical conditions for the development of the creative abilities of schoolchildren in mathematics lessons are formulated.

Keywords:

ability; creative activity; Primary School; pedagogical work; development; students.

Процесс модернизации российской системы образования ориентированы на индивидуализацию образовательного процесса, что сопровождается повышением внимания к всестороннему развитию личности школьника, которое становится основной целью школьного образования. На смену «знаниевой» модели обучения, основанной на прямой передаче знаний от учителя к ученику, приходит модель деятельностного взаимодействия и сотрудничества между субъектами образовательного процесса, предполагающая, что в центре педагогического внимания оказывается личность ученика, а не только его образовательные результаты.

Коренные изменения модели образования зафиксированы в государственных образовательных стандартах второго поколения. Так, Федеральный государственный стандарт начального общего образования (далее, ГОС НОО) в качестве основной цели и результата начального образования рассматривает развитие личности обучающегося [6, с. 4], которое помимо прочего включает рост творческого потенциала и познавательной мотивации [6, с. 4].

Новые подходы в образовании требуют поиска наиболее эффективных форм и методов организации учебно-воспитательного процесса, учитывающих индивидуальные особенности

каждого ученика и направленных на всестороннее развитие школьников и расширение возможностей для реализации их творческого потенциала. Эффективность методов и средств, используемых в целях развития творческих способностей младших школьников, во многом зависит от педагогических условий, сопровождающих учебно-воспитательный процесс.

Несмотря на то, что теоретические вопросы развития творческих способностей младших школьников достаточно широко освещаются в научной литературе, остается открытой проблема методического сопровождения педагогической работы развивающего характера, особенно в том, что касается педагогических условий, необходимых для успешной реализации программ по развитию творческих способностей на уроках математики в начальной школе [4, с. 59]. Таким образом, необходимость выявления и теоретического обоснования педагогических условий, сопровождающих работу по развитию творческих способностей младших школьников, обуславливает актуальность данного исследования.

Основная часть.

Существует множество подходов к определению понятия «творческие способности», различающиеся по степени смещения акцентов в сторону качеств самой личности, либо результатов деятельности личности в процессе реализации творческого потенциала. В том, что касается младших школьников, наиболее полно, на наш взгляд, суть этого понятия отражает следующее определение: творческие способности представляют собой проявление индивидуальных особенностей личности (психологических, эмоциональных, интеллектуальных) в новом качестве, вызванном необходимостью решать новые задачи неизвестным ранее способом, в результате чего создается творческий продукт (идея, произведение, способ действия и т.д., объективно уникальный или воспринимаемый личностью в качестве такового [3, с. 47].

Творческие способности младших школьников индивидуальны и динамичны. В диагностическом плане они могут быть отнесены к одному из трех уровней: начальному, восстанавливающему или творческому [1, с. 76]. На начальном уровне школьник способен воспроизвести окружающие его предметы и явления или известные способы действий в доступной ему форме; на восстанавливающем – воспроизводимые предметы и явления подвергаются творческой трансформации, применяются новые способы действий; на творческом уровне создаваемые творческие произведения служат отражением личности творящего и максимально выражают его индивидуальность и субъективность по отношению к окружающему миру. Творческий уровень является целевым уровнем развития творческих способностей младших школьников.

Поскольку, творческие способности являются синтезом природных особенностей личности и ее деятельности, развитие творческих способностей может происходить только в процессе осознанной и целенаправленной деятельности.

Среди множества компонентов творческих способностей школьников ведущими служат воображение и мышление, на развитие которых, в первую очередь, должна быть направлена педагогическая работа на уроках в начальной школе [4, с. 62].

Содержание учебного предмета «математика» позволяет использовать тренировочные задания для развития творческих способностей школьников. Важно, чтобы задания соответствовали определенным условиям, а именно: не представляли собой аналог уже выполненных заданий по усвоенному и хорошо знакомому алгоритму, были увлекательными по содержанию, требовали поиска новых способов действий или новых способов применения усвоенных алгоритмов [5, с. 620]. Всем этим требованиям отвечают разнообразные нестандартные текстовые задачи: задачи без вопроса (школьники сами должны определить вопросы, на которые можно ответить исходя из имеющихся данных), задачи с недостающими или излишними данными, с невыполнимыми условиями, задачи-шутки, задачи по рисунку и т.п. Важно, чтобы школьники были увлечены поиском ответа, проявляли максимальную заинтересованность и мотивацию на достижение результата. Только при этом условии, их индивидуальные творческие способности, будучи реализованными в процессе творческой деятельности, смогут развиваться.

Таким образом, первым педагогическим условием развития творческих способностей школьников можно назвать отбор и адаптацию предметного содержания в соответствии с задачами педагогической работы.

На развитие творческих способностей большое влияние оказывают формы и методы проведения уроков. Чересчур строгая обстановка в классе препятствует проявлению самостоятельности учащихся. Традиционный стиль общения с учащимися, при котором учитель выступает единоличным руководителем, а ученики – послушными исполнителями, никак не способствует проявлению инициативы со стороны учеников, без которой невозможна творческая активность. Для развития творческих способностей необходимо поддерживать в классе атмосфе-

ру сотрудничества и доброжелательную обстановку [2, с. 109–112]. То есть, вторым педагогическим условием развития творческих способностей школьников младших классов можно назвать создание на уроке благоприятного микроклимата, использование педагогических методов и приемов, побуждающих учащихся к творческой деятельности.

При проведении целенаправленной работы по развитию творческих способностей важно, чтобы учащиеся были уверены в том, что любые их предложения будут рассмотрены, а попытки найти решение проблемы – поддержаны и одобрены вне зависимости от полученного результата. То есть, на уроке необходимо создавать ситуацию успеха, предполагающую, что даже самые небольшие достижения каждого ученика будут оценены положительно, а ошибки восприняты в качестве одной из версий на пути к достижению результата. Поэтому на таких уроках целесообразно применять безоценочные методы контроля знаний. Создание ситуации успеха является третьим педагогическим условием развития творческих способностей.

Принимая во внимание, что творческая деятельность является плодом индивидуальных интеллектуальных усилий, которые стимулируются внутренней мотивацией личности, при развитии творческих способностей у учащихся необходимо учитывать индивидуальные особенности каждого ученика, предлагая задания, соответствующие его склонностям, интересам и возможностям. Посильные задания позволяют раскрыть творческий потенциал учащихся и вызвать положительные эмоции, связанные с достижением результата. Таким образом, индивидуальный личностно-ориентированный подход служит четвертым необходимым педагогическим условием развития творческих способностей младших школьников.

Радость, которую испытывают школьники, добиваясь результата путем творческих усилий, служит для них мощным стимулом дальнейшей творческой деятельности, которая, в свою очередь, стимулирует развитие творческих способностей, позволяющих достичь еще больших результатов. Поэтому творческую деятельность младших школьников необходимо всемерно поощрять, а их творческие способности целенаправленно развивать, в особенности, когда это касается уроков математики – наиболее сложного для восприятия предмета из всей программы начальной школы.

Итак, подводя итог выше сказанному, мы можем сделать следующие выводы:

1. Творческие способности являются динамичным качеством личности, которое проявляется в процессе творческой деятельности.
2. Развитие творческих способностей младших школьников служит одной из основных целей начального образования.
3. Содержание учебного курса математики в начальной школе позволяет использовать тренировочные задания для развития творческих способностей у учащихся.
4. Основными педагогическими условиями, необходимыми для эффективного развития творческих способностей у младших школьников основными являются: отбор и адаптация математических заданий, создание благоприятной атмосферы на уроке, создание ситуации успеха, индивидуальный подход к каждому ученику.

Литература:

1. Бекоева М.И. Основные направления развития творческих способностей младших школьников на уроках математики / М.И. Бекоева // БГЖ. 2017. № 1(18). С. 75–78.
2. Киргуева Ф.Х. Совершенствование математической подготовки будущих учителей начальных классов / Ф.Х. Киргуева // Современные технологии в образовании. 2015. № 4. С. 109–112.
3. Кондратьева Н.В. Педагогические условия развития творческих способностей младших школьников в условиях реализации ФГОС второго поколения / Н.В. Кондратьева // Вестник ЮУрГГПУ. 2016. № 4. С. 46–51.
4. Магомеддибирова З.А. К вопросу о формировании творческих способностей младших школьников / З.А. Магомеддибирова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2019. № 6. С. 59–66.
5. Магомеддибирова З.А. Развитие творческих способностей младших школьников в процессе обучения математике / З.А. Магомеддибирова // Шаг в науку: сборник материалов II Международной научно-практической конференции. 2019. С. 617–624.
6. ФГОС начального общего образования (1–4 кл.). URL : <https://fgos.ru/> (доступ 21.03.2021).

Literature:

1. Bekoeva M.I. The main directions of the development of creative abilities of younger schoolchildren at the lessons of mathematics / M.I. Bekoeva // BGJ. 2017. № 1(18). P. 75–78.
2. Kirgueva F.H. Improving the mathematical training of future primary school teachers / F.H. Kirgueva // Modern technologies in education. 2015. № 4. P. 109–112.
3. Kondratieva N.V. Pedagogical conditions for the development of creative abilities of younger schoolchildren in the context of the implementation of the second-generation Federal State Educational Standard / N.V. Kondratieva // Bulletin of the South Ural State Pedagogical University. 2016. № 4. P. 46–51.
4. Magomeddibirova Z.A. On the question of the formation of creative abilities of younger schoolchildren / Z.A. Magomeddibirova // Economic and humanitarian studies of the regions. 2019. № 6. P. 59–66.
5. Magomeddibirova Z.A. Development of creative abilities of younger schoolchildren in the process of teaching mathematics / Z.A. Magomeddibirova // Step into science: collection of materials of the II International Scientific and practical conference. 2019. P. 617–624.
6. FSES of primary general education (1–4 classes). URL : <https://fgos.ru/> (accessed 21.03.2021)

ФОРМИРОВАНИЕ ЭВРИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА У БУДУЩИХ ЮРИСТОВ В РАБОТЕ С ПОДРОСТКОВЫМИ ДЕВИАЦИЯМИ



FORMATION OF A HEURISTIC APPROACH FOR FUTURE LAWYERS IN DEALING WITH ADOLESCENT DEVIATIONS

Томаева Диана Михайловна
ассистент кафедры
уголовного права и процесса,
ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский
горно-металлургический институт
(государственный технологический
университет)»
diana_tomaeva0304@mail.ru

Diana M. Tomaeva
Assistant of the Department
Criminal Law and Process,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
«North Caucasian Mining
and Metallurgical Institute
(State Technological University)»
diana_tomaeva0304@mail.ru

Аннотация. Студентам, будущим юристам важно сочетать профессиональные, коммуникативные навыки, толерантность, чувство такта и понимания, даже сопереживания, которые можно и нужно использовать при работе с гражданами (особенно с несовершеннолетними правонарушителями) с самой различной степенью расхождения с общественными законами и нормами. Чтобы избежать серьезных ситуаций непрофессионализма в будущей практической деятельности, при обучении будущих юристов необходимо уделять больше внимания развитию обозначенных ценностей; научить уважению человека и его прав. Работа с подростковыми девиациями привлекает студентов, поскольку потенциал молодых людей в позитивном отношении к тоже молодым, но отклонившимся от норм по разным причинам и обстоятельствам людей, больше, чем у взрослых.

Ключевые слова: педагогическое общение, фактор снижения количества подростков с девиантным поведением, профессиональная компетентность будущих юристов.

Annotation. It is important for students and future lawyers to combine professional, communication skills, tolerance, a sense of tact and understanding, even empathy, which can and should be used when working with citizens (especially with juvenile offenders) with a very different degree of discrepancy with public laws and norms. In order to avoid serious situations of unprofessionalism in future practice, when training future lawyers, it is necessary to pay more attention to the development of these values; to teach respect for the person and his rights. Working with adolescent deviations attracts students, because the potential of young people in a positive attitude to the same young, but deviated from the norms for various reasons and circumstances of people, is greater than that of adults.

Keywords: pedagogical communication, the factor of reducing the number of teenagers with deviant behavior, professional competence of future lawyers

Введение. В государственных стандартах обучения будущим юристам прописано, что юрист должен быть, бесспорно, на страже соблюдения приоритета таких ценностей, как:

- права и свободы законных интересов граждан, правопорядка и дисциплины;
- обеспечивать порядок и общественную безопасность, безопасность человека.

В овладении такими профессиональными качествами студентами мотивированы и сосредоточены на этих требованиях. В их формировании у будущих юристов необходимо правильное сочетание профессионального и «человеческого» подхода в отношении того, нужно очень критически и осторожно относиться ко всем проявлениям необычного поведения у конкретного подростка. Кроме того, избегать, к сожалению, существующей практики, особенно в ходе кон-

фликтов, втискивать всех людей в диагностическую таблицу. Однако меры, применяемые ответственно в случае с подростковыми девиациями, могут иметь далеко идущую эвристическую, реально жизненную ценность. Студенты, конечно, должны понимать, что чисто педагогические меры в таких случаях сталкиваются с ограничениями. Эти случаи не причисляются к «неудаче», если нет успехов в работе с таким подростком. Тогда, в процессе доведения дела до правосудия востребованным является сотрудничество с терапевтическими учреждениями, с такими как детская и подростковая психиатрия.

Исследование. На протяжении всей жизни подростковая фаза во всех обществах представляет собой уязвимое пороговое состояние: она представляет собой стадию физических (взросления) и психических потрясений, в которой центральную роль играет, прежде всего, вопрос об идентичности. Подростки как дети, с одной стороны, уже не могут претендовать на правовую защиту за свои действия и проступки, но, с другой стороны, они еще не имеют неограниченных возможностей для участия в жизненном мире взрослых людей.

Девиантность, бунтарство и другие несоответствия в их поведении считаются типичными симптомами и несут определенную проблемную нагрузку на этот этап жизни. Исследования, изучающие связь между психологическим благополучием и возрастом, показывают, что почти во всех областях жизни, таких как семья, учеба представления о материальном благополучии подростки часто проявляют недовольство, но ведут себя последовательно, в основном, позитивно. Однако нередки случаи социальной аномии (ощущение того, что еще не нашел собственного «места в обществе»), наиболее ярко выраженной с проявлениями девиаций в подростковом возрасте. Подростковый возраст часто характеризуется отсутствием социального встраивания, нормативного лидерства и четких обязанностей, как для мужчин, так и для женщин-подростков. Девиации, с этой точки зрения, понимаются, как форма проверки границ, но еще не участия в ответственном мире взрослых.

Что касается подростковых правонарушений, то соответствующие исследования подчеркивают, что уровень насилия резко возрастает с 13-го возраста, но снова снижается не позднее 20-го года. Здесь очень важно пресечь эту тенденцию, как можно раньше, пока стремление к насилию не растянулось на протяжении всего жизненного этапа. Таким образом, в развитии девиантного поведения часто играет подстрекательную роль домашняя обстановка с низким родительским надзором, негативной практикой воспитания, агрессивным поведением родителей, братьев, сестер и других членов семьи в детстве. Но они проявляют девиантное поведение лишь в малой степени. Часто, родители довольно недобросовестно выполняют свои обязанности по воспитанию и сами часто имеют конфликты между собой.

При своевременном педагогическом вмешательстве девиации имеют кратковременный характер и часто менее серьезны, чем многократные правонарушения социальных норм, и когда такое поведение с субъективной точки зрения считается функциональным при стороннем взрослым одобрение насилия.

Наше исследование показывает, что только около одного-четырех процентов всех правонарушителей совершают свое первое преступление в возрасте после 17 лет, поэтому преступление с омоложенной девиантной составляющей может быть истолковано нами как социально-общественный сигнал и эти подростки находятся в начальной стадии девиантных правонарушений, которые, чаще всего, совершаются в школах, на улице, и несут в себе худшие перспективы на будущее и возможности для ложной самореализации подростков.

Девиантное поведение в подростковом возрасте. Эмпирическое сравнение различных подходов к объяснению.

Девиантное поведение в подростковом возрасте пользуется общественным вниманием как социальная проблемная область.

Мы разработали программу приобщения студентов – будущих юристов к воспитательной, педагогической работе с подростковыми девиациями и рассматриваем причины различных форм отклонений в подростковом уязвимом возрасте, связанных с направленным на них насильственным воздействием со стороны окружающих их взрослых, агрессией и враждебностью в отношениях между ровесниками, употреблением наркотиков, отсутствием родительского контроля, аномальными картинками мира, отсутствием всякого патриотизма. А, например, К.Д. Ушинский считал: «Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями» [3].

Исходя из результатов нашего исследования можно сделать вывод о том, что для успешной работы с подростковыми девиациями необходимо изучение интегративной перспек-

тивы девиаций, интегративной в той мере, в какой различные причины такого поведения (включая установки) должны обсуждаться и решаться одновременно в общей педагогической и социально-психологической парадигме. «В широком смысле девиантное поведение – «это поведение любого человека, сбившегося с пути или отклонившегося от социальной нормы. В узком понимании под девиантным поведением подразумевают такие отклонения, которые не влекут за собой уголовного наказания, иначе говоря, не являются противоправными» [2, с. 16].

Эффективность нашей работы в этом направлении представляется с учетом двух аспектов:

Во-первых, борьба с девиациями имеет давнюю социально-историческую традицию, поэтому исследование на теоретическом уровне может опираться на предыдущий опыт.

Во-вторых, деликатность, тактичность взаимодействия с подростками с девиациями в поведении, обращенные к ним, могут помочь вывести сами установки и их причины, которые должны быть изучены в этом контексте и в современном многогранном состоянии кризиса социальных изменений; и на этой основе есть перспективы эмпирически вывести аномальную картину мира подростков, находящихся в ситуации социального неблагополучия и попытаться им помочь.

В силу того, что в различных сферах и жизненных контекстах, социумах, семьях существуют различные нормы и ценности. Выделяются самоутверждение и самовнушение, а также, часто, причинная семейная ситуация, где асоциальность играет решающую роль. Исходя из этого, мы выводим определение девиантного поведения как устойчивого поведения личности, отклоняющегося от общепринятых, наиболее распространенных и устоявшихся общественных норм, приводящего к применению обществом определенных формальных и неформальных санкций.

Важной предпосылкой преступного поведения несовершеннолетних выступает отсутствие организованного досуга. Будучи предоставлены самим себе, подростки, зачастую, совершают правонарушения, поскольку им просто нечем заняться. Длительный опыт бессодержательного проведения досуга обуславливает бедность эмоций, устремлений. «В силу этого, подростки достаточно легко вовлекаются в действия, сопряженные с элементами риска, запретного, непонятного и потому – идеализированного. Так, как многие родители не находят свободного времени для того, чтобы провести его с детьми» [1].

Для подростков, в первую очередь, актуальна социализация в родительском доме и в кругу друзей. Эти два контекста, в частности, часто влияют на мышление, поведение в институциональной сфере: такой, как школа, училище, техникум. Этим учреждениям, как показывает практика, принадлежит немалая, а, часто, и большая часть в индивидуальном развитии подростка, которое в позитивном отношении может быть «защитной», предотвращающей девиации, в негативном – «питательной» для их развития средой, и вероятность девиантного поведения увеличивается.

Подростки тянутся к контактам с другими девиантными людьми, которых они считают своими друзьями; в таких случаях их готовность действовать сообща противоправно, антиобщественно увеличивается. В рамках исследования для всех исследуемых поведенческих показателей можно привести эмпирические доказательства. Будущие юристы организуют не фактическое противодействие, или контрольные инстанции, а создают доверительные педагогические условия, направленные на естественные для личности свойство «самоконтроля». Если она низкая, то восприимчивость к девиантному поведению высока, поскольку реальная, рациональная способность подростка принимать правильные решения снижается, а преобладают краткосрочные ожидания выйти из кризисного, обиженного, оскорбленного, раздраженного и т.д. состояния или желание решить материальные проблемы (кража, ограбление и т.д.). С другой стороны, если удастся добиться повышения самоконтроля и чувства ответственности, то следует взвешивание, обдумывание и воздержание от импульсивных и самонадеянных «самоутверждающих поступков, рискованного поведения».

Важно учитывать, что в подростковом возрасте коллективизму (групповому) влиянию, которому, казалось бы, трудно что-либо противопоставить, эмпирически эта методика показала свою эффективность по всему большинству показателей отклонений, когда восстановление хороших взаимоотношений и взаимопонимания в семье достижимо, в чем конкретную помощь подросткам и их семьям активно оказывают студенты. Есть результаты приобретения друзей, как среди самих студентов, так и школьного и соседского окружения. С интеграцией в позитивную группу друзей отражается на поведении и повороте к общественно – и лично-состоятельной поведенческой стороне.

Более низкий процент успешных результатов работы получены среди наркопотребляющих и наркозависимых подростков. Это – настоящая патология, требующая вмешательства многих равнодушных сторон, сосредоточения на причинах девиаций, возможно, уже связанных с преступлением.

Таким образом, интерактивность зависит от количества неблагоприятных ситуаций возможностей переосмысления, прогноза эффективности программы вмешательства и дальнейшей профилактики.

Все педагогические приемы и методы основываются на поиске ответа на вопрос: Какие причины побуждают одного подростка к насилию, другого – к употреблению наркотиков? В ходе поиска ответа на него и создается модель ситуационной рамки, ситуационных обстоятельств.

В рамках эксперимента студенты – будущие юристы сотрудничают со структурами по профилактике подростковых, малолетних нарушений, с полицией, чтобы совместно использовать ограничительные меры, и, в то же время, выявлять и заботиться о детях из неблагополучных семей, и находить интерактивный контакт с несовершеннолетними правонарушителями.

В настоящее время мы наладили сотрудничество с полицией и молодежными организациями в деле профилактики правонарушений и преступлений со стороны малолетних для того, чтобы не ждать, когда произойдет что-то плохое, а вмешиваться и предотвращать правонарушения, не смотреть, когда подросток вступит на путь правонарушений или преступлений, попытаться наладить с ними, с семьями, ответственными за них людьми доверительные отношения и, тем самым, помогать полиции осуществлять их юридически ограниченные функции, если еще нет правонарушения.

В рамках нашего исследования разрабатываются проекты, направленные на предотвращение негативного поведения, в первую очередь, в направлении поощрения позитивного поведения подростков с девиантным поведением. Это делается студентами не для «галочки», в результате чего конкретный подросток убеждается, верит в то, что его не наказывают, не «подставляют», а действительно способствуют его возвращению в семью или в круг близких ему людей, или помогают наладить отношения, которые очень важны для еще не самостоятельного, не взрослого человека, для его социальной интеграции и поддержки его личностного развития.

Однако в ситуации уже полицейского и уголовного преследования, если преступление, или правонарушение со стороны подростка, например, было следствием неблагополучия в семье, то задача нашей помощи заключается в том, чтобы работать с подростком и его семьей над преодолением этой ситуации. Если наказать подростка изоляцией от общества, то это может повлечь за собой опасность того, что он столкнется с дополнительными стрессами, такими как разлука с семьей, или с жесткими условиями тюремной изоляции. Поэтому студенты получают хорошую практику быть гуманными юристами: ведь юридически изолировать подростка от общества или воздержаться от такого наказания может быть трудным решением. Поэтому будущие юристы, семья и полиция, соответственно, должны работать вместе. Вмешательство полиция действует, если произошло преступление, или может произойти. С другой стороны, помощь семьи и молодежных организаций эффективна, когда безопасность подростков с девиациями находится под угрозой.

Студенты вместе с представителями отдела по делам подростков с девиантным поведением или сами регулярно посещают такие семьи и предлагают помощь в решении их повседневных проблем. Типичными направлениями помощи, помимо помощи в воспитании и уходе за детьми, являются улаживание конфликтных ситуаций, возникающих на фоне бытовых проблем. Конечно, быстрые результаты достигаются не так часто. В основном, социально-педагогическая семейная помощь заложена в долгосрочную перспективу. Всегда нужно время на затухание уже разгорающихся или бушующих конфликтов, где подросткам приходится выдерживать далеко не детские психологические нагрузки.

Почти ежедневно могут возникать ситуации, когда подростки и дети сталкиваются с преступлениями или становятся их жертвами, или сами нарушают законы. Подростки ищут свою собственную идентичность – они хотят знать, почему они, а не кто-то другой? На этот вопрос студентам, самим еще не имеющим хорошего жизненного опыта, приходится искать убедительные ответы, и мы, преподаватели, призваны находить с ними правильные решения.

События могут быстро выйти из-под контроля. Подростковые девиации непредсказуемы даже для них самих и их родных. На этапе поиска себя подростки пробуют разные средства и

не дают себе отчет, как далеко могут зайти. Поэтому, если они слишком быстро пересекают границы дозволенного, то, к сожалению, сталкиваются с наказанием разного рода, вплоть до уголовного.

Заключение. Часто подростки не знают о последствиях своего поведения. Правонарушение может быть совершено из любопытства, занятости родителей, легкомыслия, от скуки, из авантюризма, стремления обратить на себя внимание, или из-за принадлежности к группе асоциальных сверстников или людей старше себя, стимулирующих жить образцами ложного мужества и игрой. Необходима однозначная реакция родителей, равнодушных близких, окружающих на эти обстоятельства. Независимо от того, является ли это возрастным явлением и, следовательно, в основном, связанным с подростковым поведением, это указывает на индивидуальные и социальные проблемы и может привести к непоправимым последствиям.

Какие последствия ожидать от такого подростка? Какие права он имеет? Какие права и обязанности у родителей таких подростков? На эти вопросы студенты разработали ответы в виде брошюры, которую распространяют нуждающимся в помощи родителям с девиантным поведением, или же, с трудными подростками и детьми.

Приведем несколько советов из нее:

Родители!

Не бойтесь обращаться за помощью к консультациям по воспитанию, или другим педагогическим, социально-педагогическим или психологическим услугам.

Воспитание – сложный процесс, поэтому воспринимайте свои предположения и подзрения всерьез.

Обращение к помощи не считается признанием в слабости в воспитании.

Будьте внимательны: обратите внимание на то, сколько денег у вашего подростка (откуда они: дружелюбно выяснить, не угрозами и, тем более, битьем и наказанием. Это усугубляет ситуацию и настраивает детей против вас).

Достаточно ли карманных денег на вещи, которыми он владеет или покупает?

Проверьте медиа-поведение вашего ребенка, а также проанализируйте свое собственное (образцы для подражания). Сделайте вашему ребенку соответствующие предложения о том, какие телепередачи, фильмы, интернет-предложения, или приложения им подходят. Поговорите об этом со своим подростком.

Проявите интерес к досугу вашего подростка. Поддерживайте его в хороших замыслах и разумно, тактично разубеждайте в не очень правильных решениях и увлечениях, чтобы он сам пришел к выводу отказаться.

Нужно знать где, бывают ваши дети (в клубах и молодежных группах, на улице, в подвалах, крышах, безнадзорных (без родителей, адекватных взрослых) домах и т.д.). Также, говорите с ним (с ней) о его (ее) друзьях и знакомых. Вы должны знать, с кем ваш ребенок проводит свободное время.

Обратите внимание на поведенческие проблемы, такие как желание/попытка бегства из дома, проблемы со школьной успеваемостью, школьные проблемы и, особенно, на потребление алкоголя и наркотиков. На поведенческие проблемы указывают ложь, беспокойство, депрессия, желание изоляции, и нежелание общения с близкими. Это, также, может быть, первыми признаками подозрения на неблагополучие с ним. При выраженных девиантных реакциях, нужно принимать меры.

Можете воспользоваться нашей бесплатной консультацией.

Если несовершеннолетние подвергаются плохому влиянию или уже нарушили закон, отдел по делам несовершеннолетних может предложить вам, родителям, а также, подросткам меры для противодействия этому.

Помимо детской и молодежной социальной работы, воспитательной, психологической и педагогической консультации, нами предлагается большое количество индивидуальных воспитательных средств содействия восстановлению здорового климата в семье, разрешению конфликтов между родителями и подростками. Консультации также возможны анонимно.

Девиантные поведенческие расстройства у детей и подростков сопоставляются с нарушениями социального поведения в рамках семьи из-за постоянного напряжения. В частности:

Очень частые ссоры родителей, или тирания других детей.

Жестокое поведение по отношению к младшим, или животным.

Частая порча имущества (своего и чужого).

Необычно частые вспышки гнева и раздражительность, страх.

Воровство, шулерство и необоснованные доходы.

В этих случаях нужна профессиональная прагматическая и полезная, эффективная работа с пострадавшими детьми и подростками. Здесь родители, опекуны и специалисты должны работать вместе.

Литература:

1. Актуальные вопросы социологии девиантного поведения и социального контроля / Отв. ред. Я.И. Гилинский. М. : Ин-т социологии РАН, 1992. 150 с.
2. Пятунин В.А. Девиантное поведение несовершеннолетних: современные тенденции. Ч. 1. РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2010. С. 124–130.
3. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания / К.Д. Ушинский // Избр. пед. соч. : в 2-х т. М., 1974. 508 с.

Literature:

1. Topical issues of sociology of deviant behavior and social control / editor-in-chief J.I.Gilinsky. M. : Institute of Sociology of the Russian Academy of sciences, 1992. 150 p.
2. Pyatunin V.A. Deviant behavior of minors: modern trends. Part 1. ROO Criminal Justice Reform Promotion Centre, 2010. P. 124–130.
3. Ushinsky K.D. Man as a subject of education / K.D. Ushinsky // Selected pedagogical works : in 2 vol. 1974. 508 p.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. СОВРЕМЕННОСТЬ

Корректор: Попов М.Ю.

Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Дизайн обложки: Кручинова С.В.

Сдано в набор 22.03.2021

Подписано в печать 25.03.2021

Формат 60x84^{1/8}. Бумага офсетная

Печать riso.

Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом – Юг»
350010, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9, литер «Г», помещ. 41/3
Тел. +7(918) 41–50–571

Заказ № 2208/1

e-mail: id.yug2016@gmail.com

Сайт: www.id-yug.com